ISSN 2219-0279

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: ХОЗЯЙСТВО И ЭКОНОМИКА; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО; ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ **№5 (144), 2022**

Периодичность 12 номеров в год Издается с 2010 г.

Учредитель:
Некоммерческая организация «Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области»

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых **должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата юридических / экономических / политических наук**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
от 21 июля 2010 г.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-41365
Почтовый индекс в каталоге Почты России - П8224

Главный редактор:
Григорян Сергей Александрович,
доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ; учредитель, генеральный директор некоммерческой организации «Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области»

Заместители главного редактора:
Бугаян Илья Рубенович, доктор экономических наук, профессор
Казаринов Ильдар Александрович, кандидат юридических наук
Лебедева Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент

Редакционный совет:
Арсеньева Валерия Александровна, доктор экономических наук, доцент
Кобилев Алексей Геннадьевич, доктор экономических наук, профессор
Максимов Андрей Владимирович, доктор экономических наук, профессор
Назаров Сергей Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Осипов Юрий Михайлович, доктор экономических наук, профессор
Радачинский Юрий Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Рукавишникова Ирина Валерьевна, доктор юридических наук, профессор
Старостин Александр Михайлович, доктор политических наук, профессор

Редакционная коллегия:
Агаркова Любовь Васильевна, доктор экономических наук, профессор
Андреева Лариса Юрьевна, доктор экономических наук, профессор
Анесянц Саркис Артаваздович, доктор экономических наук, профессор
Анопченко Татьяна Юрьевна, доктор экономических наук, профессор
Артеменко Наталья Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Артюхин Олег Александрович, кандидат политических наук, доцент
Аствацатурова Майя Арташесовна, доктор политических наук, профессор
Власова Галина Борисовна, доктор юридических наук, доцент
Досаева Глера Сулеймановна, доктор юридических наук, доцент
Дробышевская Лариса Николаевна, доктор экономических наук, профессор
Кизим Анатолий Александрович, доктор экономических наук, профессор
Колесник Ирина Валентиновна, доктор юридических наук, доцент
Котов Сергей Владимирович, доктор политических наук, профессор
Кузина Светлана Ивановна, доктор политических наук, профессор
Кузьминов Александр Николаевич, доктор экономических наук, доцент
Кюрджиев Сергей Пантелеевич, доктор экономических наук, профессор
Мархгейм Марина Васильевна, доктор юридических наук, профессор
Мисник Галина Анатольевна, доктор юридических наук, доцент
Мишина Наталья Вячеславовна, доктор политических наук, профессор
Овчинников Алексей Игоревич, доктор юридических наук, профессор
Подройкина Инна Андреевна, доктор юридических наук, доцент
Позднышов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Понеделков Александр Васильевич, доктор политических наук, профессор
Працко Геннадий Святославович, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор
Семенцова Ирина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Смоленский Михаил Борисович, кандидат юридических наук, доктор социологических наук, профессор
Храпунова Екатерина Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Чапурко Татьяна Михайловна, доктор политических наук, профессор
Чапчиков Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, доцент
Шагинян Сергей Георгиевич, доктор экономических наук, профессор
Шмалий Оксана Васильевна, доктор юридических наук, профессор
Яценко Татьяна Сергеевна, доктор юридических наук, доцент

Адрес издателя и редакции:
344030 г. Ростов-на-Дону, пер. Нальчикский, 34
www.journal-nio.com; e-mail: journal.nio@gmail.com
Тираж 1000 экз.

© Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 2022

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Головина И.В., Александрова Т.Я. Бизнес-экосистема как новая форма рыночной власти 7

Яшина М.Л., Александрова Н.Р Эффективность муниципального управления: методический подход и определяющие факторы 11

ФИНАНСЫ

Литвинова С.А. Кредитная история и современные модели скоринга 17

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Коченина О.Г., Працко Г.С. Конфиденциальность в системе правовых ценностей юриста: международный и зарубежный опыт 20

Рассолов В.Ю. Установление юридических фактов как форма их фиксации в правовой действительности 23

Сенковенко Е.В. Концепция энциклопедии законоведения К.А. Неволина (к 185-летию издания работы К.А. Неволина «Энциклопедия законоведения») 28

Сетраков А.Н., Абдурахманова И.В. Роль медиаобразования в обеспечении медиабезопасности личности и государства 32

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Гаджиева Х.В., Омарова З.Н. Взгляд конституционалистов на поправки к конституции Российской Федерации 38

Мархгейм М.В., Артыков Д.З. Амнистия: конституционно-правовой опыт реализации в России и Таджикистане 43

Масликов И.С., Матиева Л.А. Судебная власть и прокуратура 50

Стус Н.В., Джамиль Э.З. Интерпретация принципов состязательности и равноправия сторон Конституционным Судом Российской Федерации 55

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Гетман Я.Б. Правовая квалификация отказа от исполнения договора в обязательствах по выполнению работ и оказанию услуг 63

Гетман Я.Б. Актуальные вопросы судебной практики по спорам о взыскании убытков, причиненных односторонним отказом заказчика от договора подряда и оказания услуг 67

Мещерякова С.Н. Авторские права в электронном образовательном пространстве 70

Муравьева Е.В. Клинические рекомендации – новая реальность ответственности врача 74

Скворцова Т.А., Жадан Т.М., Ахсалба М.П. Правовое регулирование договора перевозки грузов в современных условиях 79

Скворцова Т.А., Працко Г.С. Эволюция правового регулирования отношений по государственным контрактам на поставку товаров 82

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Аккузин Ю.А., Булавкин А.А., Люев Т.Х. Деятельность участкового уполномоченного в профилактике терроризма 86

Денисенко Ю.В., Колесник В.В., Самойлюк М.С. О некоторых вопросах правового регулирования в России и за рубежом противодействия проявлениям экстремизма и терроризма в сети «Интернет» 90

Лозинский О.И., Гуренко Е.Д., Соломатина А.С. Специфические особенности выявления и раскрытия многоэпизодных, серийных преступлений насильственного характера 96

Погорова А.А. Женщина как субъект преступления в рамках традиционной западной теории уголовного права 101

Серогодская Е.С., Долбня М.В. Похищение человека: дискуссионные вопросы понятия преступления 104

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Арзуманян А.А., Короткова Т.С. Допустимые пределы ограничения действия принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве (на примере прекращения уголовного дела и уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям) 109

Лозинский О.И., Минина М.А., Петренко Е.В. Возможности, перспективы и целесообразность применения фоноскопической экспертизы в ходе реализации задач правоохранительной деятельности в условиях цифровизации и информатизации общества 112

Захаренко О.И., Палиева О.Н. Понятие и основные виды следственных ошибок, допускаемых при производстве следственных действий 117

Согоян В.Л. Видео-конференц-связь в ходе предварительного расследования: процессуальные аспекты 123

СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Горбунова А.О., Федоренко Н.В. Мировая юстиция Российской Федерации: проблемы и перспективы развития 129

Кулик Т.Ю. Мораторий на банкротство как способ, обеспечивающий баланс интересов кредиторов и должника 134

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Мирошниченко Е.А. О расширении процессуальных полномочий уголовно-исполнительной системы России 138

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Тутинас Е.В., Борисенко Л.В. Особенности правовой социализации обучающихся в контексте современного антикоррупционного образования в сфере подготовки специалистов для судебной системы 143

Ретракция статьи 149

CONTENTS

ECONOMICS AND NATIONAL ECONOMY ADMINISTRATION

Golovina I.V., Aleksandrova T.Ya. Business ecosystem as a new form of market power 7

Yashina M.L., Alexandrova N.R. Efficiency of municipal governance: methodological approach and definitive factors 11

FINANCE

Litvinova S.A. Credit history and modern scoring models 17

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Kochenina O.G., Pratsko G.S. Confidentiality in the system of lawyer's legal values: international and foreign experiences 20

Rassolov V.Yu. Establishment of legal facts as a form of their fixation in legal validity 23

Senkovenko E.V. The concept of encyclopedia of jurisprudence by K.A. Nevolin (on the 185th anniversary of Encyclopedia of Jurisprudence by K.A. Nevolin) 28

Setrakov A.N., Abdurakhmanova I.V. The role of media education in ensuring media security of the individual and the state 32

CONSTITUTIONAL LAW

Gadzhieva H.V., Omarova Z.N. The constitutionalists' view on the amendments to the constitution of the Russian Federation 38

Markhgeym M.V., Artykov J.Z. Amnesty: constitutional-law experience of implementation in Russia and Tajikistan 43

Maslikov I.S., Matieva L.A. The judiciary and prosecutor's office 50

Stus N.V., Jamil E.Z. Interpretation of the principles of competition and equality of the parties by the Constitutional Court of the Russian Federation 55

CIVIL LAW

Getman Ya.B. Legal classification of refusal to fulfill the contract in obligations to fulfill the work and provision of services 63

Getman Ya.B. Topical issues of judicial practice on disputes on the recovery of losses caused by the unilateral refusal of the customer from the contract of work and provision of services 67

Meshcheryakova S.N. Copyright in the electronic educational space 70

Muravieva E.V. Clinical recommendations as a new reality of responsible of a doctor 74

Skvortsova T.A., Zhadan T.M., Akhsalba M.P. Legal regulation of the contract of carriage of goods in modern conditions 79

Skvortsova T.A., Pratsko G.S. Evolution of legal regulation of relations under state contracts for the supply of goods 82

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Akkuzin Yu.A., Bulavkin A.A., Lyuev T.Kh. The activities of the district commissioner in the prevention of terrorism 86

Denisenko Y.V., Kolesnik V.V., Samoylyuk M.S. On some issues of legal regulation of countering manifestations of extremism and terrorism on the Internet in Russia and abroad 90

Lozinsky O.I., Gurenko E.D., Solomatina A.S. Specific features of the identification and disclosure of multi-episode, serial violent crimes 96

Pogorova A.A. A woman as a subject of crime within the traditional Western theory of criminal law 101

Serogodskaya E.S., Dolbnya M.V. Kidnapping: discussion issues of the concept of the crime 104

CRIMINAL PROCEDURE

Arzumanyan A.A., Korotkova T.S. Permissible limits of limitation of the presumption of innocence in criminal proceedings (the example of the termination of a criminal case and criminal prosecution on non-rehabilitation grounds) 109

Lozinsky O.I., Minina M.A., Petrenko E.V. Possibilities, prospects and expediency of using phonoscopic examination in the implementation of law enforcement tasks in the conditions of digitalization and informatization of society 112

Zakharenko O.I., Palieva O.N. The concept and main types of investigative errors made during investigative actions 117

Sogoyan V.L. Video conference call during the preliminary investigation: procedural aspects 123

COURT PRACTICE

Gorbunova A.O., Fedorenko N.V. Justice of the Peace of the Russian Federation: problems and prospects of development 129

Kulik T.Yu. Moratorium on bankruptcy as a way to balance the interests of creditors and the debtor 134

LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Miroshnichenko E.A. On the expansion of the procedural powers of the penal enforcement system of Russia 138

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNIQUES

Tutinas E.V., Borisenko L.V. Peculiarities of legal socialization of students in the context of modern anti-corruption education in the field of training specialists for the judicial system 143

Retraction of the article 149

Экономика и управление народным хозяйством

Научная статья
УДК 338.1

Бизнес-экосистема как новая форма рыночной власти

© И.В. Головина, Т.Я. Александрова, 2022

Ирина Витальевна Головина[1], Татьяна Яковлева Александрова[2]
[1]Северо-Кавказский филиал ордена Трудового Красного Знамени Московского технического университета связи и информатики, г. Ростов-на-Дону, Россия. Talexand774@mail.ru
[2]Филиал Московского университета им. С.Ю. Витте в г. Ростов-на-Дону, г. Ростов-на-Дону, Россия. golovina1953@gmail.com

Аннотация. В статье раскрывается новая форма доминирования на рынке, связанная с появлением и развитием бизнес-экосистемы. Авторы подчеркивают, что источником рыночной власти экосистем является огромная клиентская база, которая используется для влияния на общие условия обращения товаров и услуг. Бизнес-экосистемы развиваются на основе цифровизации экономики и могут использовать сетевые эффекты для укрепления своих доминирующих позиций. В статье делается вывод о необходимости обновления антимонопольного законодательства в части определения критериев доминирования на рынке.

Ключевые слова: экосистема, бизнес-экосистема, сетевой эффект, цифровая платформа, антимонопольная политика, пятый цифровой антимонопольный пакет

Для цитирования: Головина И.В., Александрова Т.Я. Бизнес-экосистема как новая форма рыночной власти // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право управление. 2022. №5(144). С.7-11

Economics and national economy administration

Original article

Business ecosystem as a new form of market power

Irina V. Golovina[1], Tatyana Ya. Aleksandrova[2]
[1]North Caucasian branch of the Order of the Red Banner of Labor of Moscow Technical University of Communications and Informatics, Rostov-on-Don, Russia. Talexand774@mail.ru
[2]Branch of Moscow University. S.Yu. Witte in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia. golovina1953@gmail.com

Abstract. The article reveals a new form of market dominance associated with the emergence and development of a business ecosystem. The authors emphasize that the source of market power of ecosystems is a huge client base, which is used to influence the general conditions for the circulation of goods and services. Business ecosystems are developing based on the digitalization of the economy and can use network effects to strengthen their dominant positions. The article concludes that it is necessary to update the antimonopoly legislation in terms of determining the criteria for market dominance.

Keywords: ecosystem, business ecosystem, network effect, digital platform, antitrust policy, fifth digital antitrust package

For citation: Golovina I.V., Aleksandrova T.Ya. Business ecosystem as a new form of market power. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No5 (144): 7-11 (In Russ.)

Стремительно развивающаяся цифровизация экономики существенно меняет ее облик, вызывая к жизни новые бизнес-модели. Глобальным трендом стало создание экосистем, объединяющих под эгидой одного бренда целый спектр разнообразных сервисов, зачастую даже не связанных с профильным бизнесом компании-родоначальника. Процессы концентрации и усиления рыночной власти идут постоянно, однако только на фоне широкого использования цифровых технологий возникло это новое качество, новая форма доминирования, альтернативная традиционным формам [1]. Действительно, если прежние рыночные гиганты обеспечивали свою власть за счет концентрации производства, увеличения своей доли в производстве и поставках того или иного товара, то позиции современных крупных игроков базируются на их возможностях сконцентрировать вокруг своего бизнеса огромное количество клиентов. Тем самым истоки монополизации рынков лежат не в сфере производства, как раньше, а в сфере потребления. Экосистемы множат количество сервисов, касающихся

повседневных, насущных потребностей, благодаря чему вовлекают в свою орбиту все возрастающее количество пользователей [2, 3].

Российская экономика уже располагает определенным опытом создания и функционирования новых бизнес-моделей. Ядром отечественных бизнес-экосистем становятся прежде всего финансовые организации, крупные операторы связи, IT-компании. Наиболее характерный пример – это «Сбер», развивающий новую стратегию на основе огромной клиентской базы, отчасти унаследованной от советского прошлого, когда Сбербанк был единственной финансовой организацией, обслуживающей население. К настоящему времени число активных клиентов-физических лиц «Сбера» превысило 100 млн. человек. Это обстоятельство, равно как и исторически сложившееся доверие населения Сбербанку как старейшему государственному банку страны, и создало благоприятные предпосылки для диверсификации предоставляемых сервисов, включающих, помимо традиционных, различные нефинансовые услуги из категории «life-style». Причем процесс идет не только за счет установления партнерских отношений с другими компаниями, но и покупки новых бизнесов, как, например, намерение «Сбера» приобрести российскую сеть магазинов «Стокманн» и интегрировать ее с принадлежащим «Сберу» маркетплейсом «СберМегаМаркет».

Расширяющаяся экспансия экосистем не могла не привлечь внимания регуляторов. В частности, Банк России обратил внимание на рост так называемых иммобилизованных активов на балансе у банков, занимающихся строительством экосистем. Вложения банков в непрофильные активы, по которым не возникают требования к возврату денежных средств, сужает возможности кредитования, покрытия убытков, связанных с другими рисками и т.п. Поэтому ЦБ анонсировал введение предельной доли вложений банка в иммобилизованные активы, а также введение требования об обязательном раскрытии об инвестициях в создание экосистем [4].

Представляется, однако, что главные риски, которые несет в себе активное строительство бизнес-экосистем, заключаются не столько в потенциальных убытках от непрофильных вложений банков, сколько в негативных последствиях для конкурентной среды в целом.

Реализуя клиенториентированную стратегию, расширяя номенклатуру предоставляемых сервисов, бизнес-экосистема внедряется на различные рынки и может сравнительно легко занять на них доминирующие позиции. Почему легко? Все дело в преимуществах, которые предоставляются пользователям.

Во-первых, это возможность экономии на транзакционных издержках, поскольку единая авторизация обеспечивает «бесшовное» перемещение между сервисами и позволяет клиенту существенно сократить время на поиск необходимых товаров и услуг.

Во-вторых, реализация программ лояльности может прочно удерживать клиента в рамках экосистемы.

В-третьих, по мере роста числа пользователей срабатывает сетевой эффект, что увеличивает ценность сервисов, предоставляемых под определенным брендом.

Сосредоточивая в своих руках огромные массивы данных о клиентах, бизнес-экосистемы получают широкие возможности манипуляции последними, направляя их поведение, их выбор в интересах собственной выгоды. В итоге крупные бизнес-экосистемы, по сути, отбирают клиентов у «неэкосистемных» предприятий, относящихся к малому и среднему бизнесу, вытесняют их с рынка, создают барьеры для входа новых компаний. В перспективе может сложиться система, состоящая почти исключительно из гигантских экосистем и нишевого бизнеса, представленного немногочисленными малыми и средними предприятиями.

Создание и развитие бизнес-экосистем, безусловно, является объективным процессом, имеющим в качестве технологического базиса масштабную цифровизацию экономики. Тем не менее, учитывая масштабы и темпы экспансии экосистем на рынках, их наступление на конкурентную среду и обозначившиеся уже признаки злоупотребления доминирующим положением, следует признать необходимым установление определенных рамок для этих процессов [7]. При этом совершенно очевидно, что сложившиеся принципы и методы антимонопольной политики едва ли соответствуют новым рыночным реалиям и нуждаются в существенном обновлении. Собственно, Федеральная антимонопольная служба уже обратила внимание на монополизацию экономики с помощью цифровых процессов и разработала пятый антимонопольный пакет, представив его правительству еще в 2018 г. и рассчитывая на внесение поправок в Федеральный закон «О защите конкуренции». В частности, в качестве признака доминирования на рынке предлагалось учитывать наличие сетевого эффекта, т.е. получения экономических преимуществ за счет огромного количества пользователей, собираемых владельцами цифровых платформ. Прежний критерий доминирующего положения на рынке, опирающийся на определение доли присутствия компании на рынке определенного товара, очевидно, не работает в отношении экосистем. Последние присутствуют не на одном, а сразу на многих рынках, успешно препятствуют доступу на эти рынки «неэкосистемных» конкурентов и оказывают существенное влияние на общие условия обращения товаров и услуг. И это не обязательно является следствием того, что

экосистема сконцентрировала более 35% рынка определенного товара или услуги. Доминирование возникает не в отношении товара, а в отношении потребителей, концентрирующихся вокруг многочисленных сервисов, предоставляемых экосистемой. Экосистема направляет поведение клиента, улавливает все его запросы, удерживая тем самым в своих границах, усложняя всеми способами обращение к конкурирующим компаниям.

Следует констатировать, что к настоящему времени законодательная база в отношении регулирования бизнес-экосистем пока не сформирована. Об этом прежде всего свидетельствует отсутствие единообразной терминологии. Так, для обозначения компаний, извлекающих выгоду от большого объема пользовательских данных, применяются такие понятия, как «цифровые монополии», «цифровые платформы», «интернет-платформы», «фин-техи», «биг-техи» и т.п. Каждый из них может использоваться для описания бизнес-экосистемы, более того, в ряде публикаций они употребляются как синонимы. Разумеется, этому можно найти объяснение, поскольку новые хозяйственные единицы, построенные по принципу экосистемы, появились сравнительно недавно и не обрели еще полной зрелости.

Есть и другие проблемы, без понимания и единообразного толкования которых невозможны разработка и эффективное применение целостной системы антимонопольных мер. Например, остается открытым вопрос о методике измерения сетевого эффекта, хотя последний, как уже отмечалось, рассматривается в качестве основного признака доминирования на рынке. Надо ли здесь идти по пути определения экономии от масштаба со стороны спроса или отталкиваться от момента достижения критической массы пользователей, открывающей возможность такой экономии? Или деятельность любой экосистемы в силу принципов ее построения в обязательном порядке сопряжена с сетевыми эффектами? Однозначных ответов на эти вопросы пока нет. Косвенное свидетельство о размере сетевого эффекта может дать, например, годовая выручка, пороговое значение которой в 400 млн. руб. установлено в уже упоминавшемся пятом антимонопольном пакете. Следует заметить, однако, что отсутствие четкости в определении и измерении сетевого эффекта не отменяет того очевидного факта, что источником рыночной власти экосистем является экспоненциальный рост количества пользователей и растущая на этой основе ценность предоставляемых сервисов.

До недавнего времени нерешенной проблемой оставался вопрос о доступе к пользовательским данным, составляющим конкурентное преимущество экосистем. Дискутировалось несколько позиций, касающихся общедоступных данных, в том числе:

- данные должны принадлежать той компании, на платформе которой они размещены;
- доступ к данным должен быть свободным для всех;
- данные могут быть доступны только с условием получения согласия на обработку персональных данных [6].

Последняя из перечисленных позиций легла в основу изменений в ФЗ «О персональных данных». Согласно принятым поправкам, владелец платформы, обрабатывающей персональные данные, является оператором и может распространять и передавать их третьим лицам только с согласия пользователя. Принятый порядок имеет определенный антимонопольный потенциал, поскольку устанавливает границы для использования наиболее важного ресурса экосистем и сокращает возможности манипулирования пользователями.

Несмотря на то, что регуляторная политика в отношении бизнес-экосистем пока не сложилась и обновление критериев доминирования на рынке не нашло отражения в законодательстве, признаки злоупотребления доминирующим положением и ограничения конкуренции уже достаточно себя проявили, чтобы привлечь внимание антимонопольной службы, использующей существующую нормативную базу. Речь идет о необходимости контроля за слияниями и поглощениями, обеспечении недискриминационных условий для ведения бизнеса, ослаблении барьеров для входа на рынки новых конкурентов, защите потребителя от манипуляций, обеспечении его приватности и свободы выбора.

Важным шагом в направлении формирования новой регуляторной парадигмы стала разработка в рамках ФАС базовых принципов взаимодействия цифровых платформ. К ним, в частности, относятся [5]:

- разумная открытость цифровых платформ;
- нейтральность отношения к различным сторонам рынка (включая конкурентов);
- обеспечение самостоятельности пользователей платформ при взаимодействии с ней;
- недопущение расширительных и двусмысленных формулировок в правилах работы цифровых платформ;
- обеспечение прав пользователей платформы, в том числе путем рассмотрения их обращений и предоставление им полных ответов.

Перечисленные принципы обязались соблюдать руководители целого ряда компаний, в том числе «Яндекс», «Сбер», «Циан» и др., подписавшие соответствующий меморандум.

Сформулированные принципы носят весьма общий характер, что указывает на намерение ФАС направить деятельность платформ (экосистем) в русло саморегулирования и добросовестного поведения по отношению к потребителям и конкурентам. Однако и от прямых административных воздействий не отказываются, если возникают очевидные злоупотребления доминирующим положением. Так, ФАС пришлось возбудить дело против ООО «Яндекс», которое предоставляло сервисам группы «Яндекс» преимущественные возможности по привлечению клиентов в собственной поисковой системе. Признав обоснованность претензий, «Яндекс» устранил дискриминационные условия в поисковой системе и внес 1,5 млрд. руб. в Российский фонд развития информационных технологий. Приведенный пример не является единственным, что свидетельствует о том, что риски недобросовестных, антиконкурентных практик достаточно высоки, а деятельность бизнес-экосистем может их преумножить. Это требует большой работы по повышению степени релевантности антимонопольного законодательства в условиях цифровизации и появления новых форм концентрации хозяйственной деятельности в рамках бизнес-экосистем.

Следует заметить, что определенный запас времени для обновления нормативной базы все же имеется, поскольку на пути экспансии бизнес-экосистем и продвижения новых сервисов есть объективное ограничение в виде сохраняющегося цифрового неравенства. Речь идет о существенных различиях в доступе к информационным технологиям и владении цифровыми компетенциями среди различных групп населения. Причины сложившейся ситуации различны, однако для РФ весьма существенны такие обстоятельства, как демографическое старение населения и значительное количество малонаселенных пунктов на огромной территории. Уровень проникновения Интернета и прочих цифровых сервисов следует рассматривать в контексте указанных объективных факторов. Так, по данным социологического фонда «Общественное мнение», интернетом никогда не пользовались 22% россиян. Согласно заявлению правительства, доступ к интернету на всей российской территории, включая самые отдаленные населенные пункты, будет обеспечен только к 2030 году. Примерно четверть населения РФ – это лица старше трудоспособного возраста, которым объективно сложно адаптироваться к новым цифровым реалиям. Поэтому закономерно, что экосистемная трансформация российского рынка – это скорее перспектива, чем полностью сформировавшаяся реальность. Так, например, выручка от нефинансовых сервисов «Сбера» составляет в настоящее время немногим больше 2% от общей выручки, хотя и ставится задача довести эту долю до 20-30% в ближайшие 10 лет [5].

Тем не менее, процесс построения и развития бизнес-экосистем постепенно набирает силу, что стимулирует необходимость дальнейших исследований в области структуры рынка, его конкурентности, а также совершенствования законодательства в части антимонопольного регулирования и сохранения конкурентной среды. Пятый антимонопольный пакет, разработанный ФАС, стал существенным шагом в этом направлении, однако понятие сетевого эффекта в качестве основного критерия доминирования на рынке требует дальнейшего изучения, в том числе в рамках экономической теории.

Список источников

1. Головина И.В., Александова Т.Я. О новых подходах в антимонопольном регулировании сферы инфокоммуникаций // Труды Северо-Кавказского филиала Московского технического университета связи и информатики. Ростов-на-Дону: ПЦ «Университет» СКФ МТУСИ, 2020, 548.
2. Катырин С. Бизнес-системы как реальность // URL: http:// www.iz.ru/1262583/sergei-katyrin/biznes-ekosistemy-kak-realnost (дата обращения 26.01.2022)
3. Кочетова М.В., Евдокимов А.Н. Трансформация традиционных бизнес-моделей в экосистемы бизнеса в России // Экономические науки. 2021. № 2. С.82-86.
4. Куликова О.М., Суворова С.Д. Экосистемы: новый формат современного бизнеса // Вестник Академии знаний. 2021. № 42(1).
5. Экосистемы: подходы к регулированию. Доклад Банка России для общественных консультаций. М., 2021.
6. Кузьминов А.Н., Воронина А.В., Охотников А.В. Параметры эффективной структуры инновационного человеческого каптала // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 39(1). С. 161-168.
7. Воронина А.В., Охотников А.В. Контент-анализ сбалансированной системы показателей в управлении бизнес-процессами // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право управление. 2020. № 4 (119). С 53-57.

References

1. Golovina I.V., Alexandova T.Ya. About new approaches in antimonopoly regulation of the sphere of infocommunications*. Proceedings of the North Caucasus branch of the Moscow Technical University of Communications and Informatics.* Rostov-on-Don.: PC "University" SKF MTUCI, 2020, 548 (In Russ)
2. Katyrin S. Business systems as reality. http:// www.iz.ru/1262583/sergei-katyrin/biznes-ekosistemy-kak-realnost (accessed 26.01.2022) (In Russ)

3. Kochetova M.V., Evdokimov A.N. Transformation of traditional business models into business ecosystems in Russia. *Economic sciences*. 2021. No. 2:82-86. (In Russ)
4. Kulikova O.M., Suvorova S.D. Ecosystems: a new format of modern business. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2021. № 42(1). (In Russ)
5. Ecosystems: approaches to regulation. Report of the Bank of Russia for public consultations. Moscow, 2021. (In Russ)
6. Kuzminov A.N., Voronina A.V., Okhotnikov A.V. Parameters of the effective structure of the innovative human capital. *Natural sciences and humanities research*. 2022. No. 39(1):161-168. (In Russ)
7. Voronina A.V., Okhotnikov A.V. Content analysis of a balanced system of indicators in business process management. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2020. № 4 (119):53-57. (In Russ)

Информация об авторах
И.В. Головина – кандидат экономических наук, доцент
Т.Я. Александрова – кандидат экономических наук, доцент
Information about the authors
I.V. Golovina – Candidate of Economics, Associate Professor
T.Y. Alexandrova – Candidate of Economics, Associate Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Authors' contribution: all authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.
Статья поступила в редакцию 17.03.2022; одобрена после рецензирования 16.04.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 17.03.2022; approved after review 16.04.2022; accepted for publication 27.04.2022

Научная статья
УДК 352 338

Эффективность муниципального управления: методический подход и определяющие факторы

© М.Л. Яшина, Н.Р. Александрова, 2022

Марина Львовна Яшина[1], Наталья Родионовна Александрова[2]
[1,2] Ульяновский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, Ульяновск, Россия.
[1] Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия.
[1] may1978.78@mail.ru
[2] aleksandrova_nr@mail.ru

Аннотация. В статье проанализировано социально-экономическое развитие муниципальных образований Ульяновской области, предложен методический подход к оценке эффективности муниципального управления. Авторским коллективом разработана корреляционно-регрессионная модель рейтинговой позиции муниципальных образований по эффективности управления, показывающая наибольшее влияние на результативный показатель экономическое и культурное развитие территории, жилищное строительство и обеспеченность жильем. Проведена кластеризация муниципальных образований по уровню рейтинговой оценки эффективности управления, демонстрирующая основные различия в социально-экономическом развитии территории.

Ключевые слова: муниципальное управление, эффективность, рейтинговая позиция, факторы, социально-экономическое развитие

Для цитирования: Яшина М.Л., Александрова Н.Р Эффективность муниципального управления: методический подход и определяющие факторы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 4(143). С.11-17

Original article

Efficiency of municipal governance: methodological approach and definitive factors

Marina L. Yashina [1], Natalia R. Alexandrova[2]
[1,2] Ulyanovsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin, Ulyanovsk, Russia.
[1] Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia.
[1] may1978.78@mail.ru
[2] aleksandrova_nr@mail.ru

Abstract. The article analyzes the socio-economic development of the municipalities of the Ulyanovsk region, proposes a methodological approach to assessing the effectiveness of municipal management. The team of authors has developed a correlation-regression model of the rating position of municipalities in terms of management efficiency, which shows the greatest impact on the effective indicator of the economic and cultural development of the territory, housing construction and housing provision. Clustering of municipalities by the level of rating assessment of management efficiency has been carried out, demonstrating the main differences in the socio-economic development of the territory.

Keywords: municipal governance, efficiency, ranking position, factors, socio-economic development

For citation: Yashina M.L., Alexandrova N.R. Efficiency of municipal governance: methodological approach and definitive factors. Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management. 2022. No4 (143): 12-17 (In Russ.)

Эффективное государственное и муниципальное управление является одним из условий обеспечения устойчивого социально-экономического развития территорий и улучшения благосостояния населения. Разработанные показатели и методики оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления постоянно модернизируются. Несмотря на постоянные нововведения, действующая система оценки эффективности муниципальной власти не лишена недостатков, что делает ее лишь инструментом отчетности перед органами власти и населением, а не действенным механизмом повышения эффективности деятельности.

Действующая методика оценки эффективности муниципального управления [1] предусматривает учет числа выполненных показателей, что затрудняет определение рейтинговой позиции муниципального образования в случае, если несколько районов получили одинаковое число баллов. Для устранения данного недостатка предлагается использовать индексный метод, позволяющий сравнить эффективность функционирования муниципальных образований и выстроить четкую рейтинговую позицию каждого из них.

С этой целью предлагается рассчитать интегральный индекс эффективности муниципального управления по следующей формуле:

$$I_{\text{эму}} = \frac{I_{\text{э}}+I_{\text{о}}+I_{\text{к}}+I_{\text{ж}}+I_{\text{у}}}{5},$$

где $I_{\text{эму}}$ – интегральный индекс эффективности муниципального управления;

$I_{\text{э}}$ – групповой индекс экономического развития;

$I_{\text{о}}$ – групповой индекс развития сферы образования;

$I_{\text{к}}$ – групповой индекс развития культуры;

$I_{\text{ж}}$ – групповой индекс жилищного строительства и обеспечения;

$I_{\text{у}}$ – групповой индекс организации муниципального управления.

Групповой индекс экономического развития определяется как среднеарифметическое значение суммы единичных индексов:

$$I_{\text{э}} = \frac{i_1+i_2+i_3+i_4+i_5+i_6}{6},$$

где i_1 – единичный индекс числа субъектов малого и среднего предпринимательства в расчете на 10 тыс. чел. населения;

i_2 – единичный индекс доли среднесписочной численности работников малых и средних предприятий;

i_3 – единичный индекс объема инвестиций в основной капитал на 1 жителя;

i_4 – единичный индекс доли прибыльных сельскохозяйственных организаций;

i_5 – единичный индекс среднемесячной номинальной заработной платы работников крупных и средних предприятий;

i_6 – единичный индекс доли площади земельных участков, являющихся объектами налогообложения.

Единичные индексы определяются отношением фактического значения показателя муниципального образования к эталонному показателю, сложившемуся в исследуемой совокупности.

Групповой индекс развития сферы образования определяется как среднеарифметическое значение суммы единичных индексов:

$$I_{\text{о}} = \frac{i_1+i_2+i_3+i_4+i_5+i_6}{6},$$

где i_1 – единичный индекс доли детей в возрасте 1-6 лет, получающих дошкольную образовательную услугу;

i_2 – единичный индекс доли детей 5-18 лет, получающих услуги по дополнительному образованию;

i_3 – единичный индекс доли муниципальных дошкольных образовательных учреждений, здания которых находятся в аварийном состоянии;

i_4 – единичный индекс доли муниципальных общеобразовательных учреждений, соответствующих современным требованиям;

i_5 – единичный индекс доли детей первой и второй групп здоровья в численности обучающихся в муниципальных общеобразовательных учреждениях;

i_6 – единичный индекс расходов бюджета муниципального образования на общее образование на 1 обучающегося.

Групповой индекс развития сферы культуры определяется как среднеарифметическое значение суммы единичных индексов:

$$I_{\text{к}} = \frac{i_1+i_2+i_3}{3},$$

где i_1 – единичный индекс обеспеченности организациями культурно-досугового типа на 1000 чел.;

i_2 – единичный индекс обеспеченности общедоступными библиотеками на 1000 чел.;

i_3 – единичный индекс доли муниципальных учреждений культуры, находящихся в аварийном состоянии.

Групповой индекс развития жилищного строительства и обеспечения жильем определяется как среднеарифметическое значение суммы единичных индексов:

$$I_{\text{ж}} = \frac{i_1+i_2+i_3}{3},$$

где i_1 – единичный индекс общей площади помещений, приходящейся в среднем на 1 жителя;

i_2 – единичный индекс общей площади жилых помещений, введенная в действие за год, приходящаяся в среднем на 1 жителя;

i_3 – единичный индекс общей площади ветхого и аварийного жилищного фонда, приходящаяся в среднем на 1 жителя.

Групповой индекс организации муниципального управления определяется как среднеарифметическое значение суммы единичных индексов:

$$I_{\text{у}} = \frac{i_1+i_2+i_3}{3},$$

где i_1 – единичный индекс доли просроченной кредиторской задолженности по оплате труда;

i_2 – единичный индекс расходов бюджета муниципального образования на содержание работников ОМСУ на 1 жителя;

i_3 – единичный индекс среднегодовой численности постоянного населения.

Рассчитанные групповые и интегральные индексы эффективности муниципального управления Ульяновской области в 2020 г. (табл. 1) позволяют сделать вывод о лидирующей позиции Сурского района, интегральная оценка которого составила 0,629. В топ-5 входят также г. Ульяновск (2 место), Старомайнский район (3 место), Новоспасский района (4 место), Вешкаймский район (5 место). Аутсайдером в рейтинге муниципальных образований региона по эффективности муниципального управления является Сенгилеевский район.

С целью определения наиболее значимых факторов, влияющих на эффективность муниципального управления, проведен корреляционно-регрессионный анализ по данным, представленным в таблице 1.

В качестве результативного показателя и факторов, включенных в модель, выступают: Y – итоговый рейтинг муниципальных образований по эффективности муниципального управления; X_1 – групповой индекс экономического развития; X_2 – групповой индекс развития сферы образования; X_3 – групповой индекс развития культуры; X_4 – групповой индекс жилищного строительства и обеспечения; X_5 – групповой индекс организации муниципального управления.

По данным матрицы парных коэффициентов (рис. 1) видно, что наиболее тесная связь итогового рейтинга муниципальных образований по эффективности муниципального управления наблюдается с групповым индексом экономического развития (r = 0,637) и групповым индексом развития культуры (r = 0,519). Заметная связь результативного показателя выявлена с групповым индексом жилищного строительства и обеспечения (r = 0,327).

Таблица 1. Групповые и интегральные индексы эффективности муниципального управления Ульяновской области в 2020 г. (рассчитано по [2])

Наименование муниципального округа	Групповые индексы развития					Интегральный индекс эффективности муниципального управления
	Экономика	Образование	Культура	Жилищное строительство и обеспечение жильем	Организация муниципального управления	
г. Ульяновск	0,789	0,698	0,019	0,579	1,000	0,617
г. Димитровград	0,519	0,786	0,024	0,622	0,228	0,436
г. Новоульяновск	0,346	0,612	0,397	0,557	0,139	0,410
Базарносызганский район	0,370	0,860	0,556	0,472	0,151	0,482
Барышский район	0,426	0,666	0,643	0,720	0,237	0,538
Вешкаймский район	0,588	0,822	0,793	0,608	0,126	0,587
Инзенский район	0,369	0,684	0,704	0,451	0,398	0,521
Карсунский район	0,410	0,860	0,446	0,606	0,174	0,499
Кузоватовский район	0,641	0,855	0,457	0,680	0,104	0,547
Майнский район	0,427	0,855	0,512	0,473	0,112	0,476
Мелекесский район	0,447	0,864	0,370	0,582	0,107	0,474
Николаевский район	0,456	0,798	0,420	0,547	0,149	0,474
Новомалыклинский район	0,660	0,565	0,826	0,479	0,112	0,528
Новоспасский район	0,699	0,897	0,669	0,565	0,131	0,592
Павловский район	0,375	0,891	0,891	0,352	0,099	0,522
Радищевский район	0,438	0,878	0,569	0,610	0,121	0,523
Сенгилеевский район	0,393	0,557	0,252	0,592	0,107	0,380
Старокулаткинский район	0,602	0,932	0,667	0,463	0,095	0,552
Старомайнский район	0,711	0,758	0,538	0,957	0,088	0,610
Сурский район	0,669	0,762	0,930	0,671	0,111	0,629
Тереньгульский район	0,539	0,857	0,384	0,576	0,121	0,495
Ульяновский район	0,586	0,805	0,215	0,501	0,175	0,456
Цильнинский район	0,634	0,773	0,442	0,553	0,082	0,497
Чердаклинский район	0,616	0,838	0,252	0,579	0,158	0,489

В соответствии с полученными результатами корреляционно-регрессионного анализа уравнение регрессионной модели итогового рейтинга муниципальных образований по эффективности муниципального управления имеет следующий вид: $Y = 64,1 - 21,64\ X_1 - 16,65\ X_2 - 23,17X_3 - 21,34X_4 - 20,71X_5$.

Переменная	Итоговый рейтинг муниципальных образований по эффективности муниципального управления	Экономика	Образование	Культура	Жилищное строительство и обеспечение жильем	Организация муниципального управления
Итоговый рейтинг муниципальных образований по	1,000000	-0,637308	-0,158383	-0,519475	-0,327287	-0,245045
Экономика	-0,637308	1,000000	0,051521	-0,068961	0,374798	0,272792
Образование	-0,158383	0,051521	1,000000	0,097723	-0,142277	-0,253150
Культура	-0,519475	-0,068961	0,097723	1,000000	-0,142582	-0,417572
Жилищное строительство и обеспечение жильем	-0,327287	0,374798	-0,142277	-0,142582	1,000000	-0,040693
Организация муниципального управления	-0,245045	0,272792	-0,253150	-0,417572	-0,040693	1,000000

Рисунок 1. Матрица парных коэффициентов

Уравнение корреляционно-регрессионной модели итогового рейтинга муниципальных образований по эффективности муниципального управления позволяет сделать вывод о том, что увеличение групповых индексов способствует повышению рейтинговой позиции муниципального образования. Так, повышение группового индекса экономического развития на 0,1 п. ведет к росту рейтинга на 2,1 позиции, группового индекса развития сферы образования – на 1,6 позиции, группового индекса развития культуры – на 2,3 позиции, группового индекса жилищного строительства и обеспечения жильем – на 2,1 позиции, группового индекса организации муниципального управления – на 2,0 позиции.

Значение коэффициента множественной корреляции (R = 0,979) указывает на то, что связь между выбранными факторами и результативным признаком сильная. На долю всех факторов приходится 95,8% вариации итогового рейтинга муниципальных образований по эффективности муниципального управления.

Значимость построенного уравнения множественной регрессии оценим с помощью F-критерия Фишера. Фактическое значение F-критерия (Fфакт = 83,4) превышает табличное (Fтабл = 2,77 при а

= 0,05). Поэтому с вероятностью 0,95 можно заключить о статистической значимости составленного уравнения множественной регрессии итогового рейтинга муниципальных образований по эффективности муниципального управления, которое сформировались под воздействием исследуемых факторов.

Проверка значимости и надежности коэффициентов регрессии осуществляется по t-критериям Стьюдента. Анализируемый коэффициент считается значимым, если его t-критерий по абсолютной величине превышает 2,00, что соответствует уровню значимости 0,05. В нашем примере имеем для коэффициентов b_1– b_5 следующие показатели критерия Стьюдента: tb_1 = 7,0; tb_2 = 4,81; tb_3 = 14,77, tb_4 = 6,32, tb_5 = 9,22. Следовательно, все переменные являются статистически значимыми.

Оценка бета-коэффициентов корреляции показывает, что из всех факторов, включенных в модель, наибольшее влияние на формирование итогового рейтинга муниципальных образований по эффективности муниципального управления оказывает изменение группового индекса развития культуры (бета-коэффициент – 0,801). На втором месте по значимости – организация муниципального управления (бета-коэффициент – 0,547), на третьем – экономическое развитие муниципалитета (бета-коэффициент – 0,399).

Исследование фактических и прогнозных значений итоговых рейтинговых позиций муниципальных образований по эффективности муниципального управления показало, что пять муниципалитетов имеют потенциальную возможность повысить свою позицию: Майнский район с 18 до 17 места, Мелекесский район с 19 до 17 места, Николаевский район с 20 до 17 места, Старомайнский район с 3 до 2 места, Ульяновский район с 21 до 19 места (рис. 2), обеспечив достаточный уровень экономической безопасности [3, 4] и использования трудового потенциала [5] муниципальных образований.

	Предсказанные значения и остатки		
Набл. No.	**Наблюд. Значение**	Предсказанные Значение	Остатки
г. Ульяновск	2,00000	2,41054	-0,41054
г. Димитровград	22,00000	21,74297	0,25703
г. Новоульяновск	23,00000	22,97217	0,02783
Базарносызганский район	17,00000	16,20606	0,79394
Барышский район	8,00000	9,13372	-1,13372
Вешкаймский район	5,00000	4,24502	0,75498
Инзенский район	12,00000	11,06161	0,93839
Карсунский район	13,00000	14,55251	-1,55251
Кузоватовский район	7,00000	9,25219	-2,25219
Майнский район	18,00000	16,86158	1,13842
Мелекесский район	19,00000	17,34589	1,65411
Николаевский район	20,00000	16,96869	3,03131
Новомалыклинский район	9,00000	9,24425	-0,24425
Новоспасский район	4,00000	4,28153	-0,28153
Павловский район	11,00000	11,45854	-0,45854
Радищевский район	10,00000	11,80943	-1,80943
Сенгилеевский район	24,00000	26,14584	-2,14584
Старокулаткинский район	6,00000	8,76700	-2,76700
Старомайнский район	3,00000	1,89450	1,10551
Сурский район	1,00000	-0,71713	1,71713
Тереньгульский район	15,00000	14,98528	0,01472
Ульяновский район	21,00000	19,23187	1,76813
Цильнинский район	14,00000	14,28271	-0,28271
Чердаклинский район	16,00000	15,86324	0,13676

Рисунок 2. Фактические и прогнозные значения итоговых рейтинговых позиций муниципальных образований по эффективности муниципального управления

Кластеризация данных методом k-средних позволила определить три группы муниципальных образований (рис. 3). В группу с высокой рейтинговой позицией вошли г. Ульяновск, Барышский, Вешкаймский, Кузоватовский, Новоспасский, Старокулаткинский, Старомайнский и Сурский районы. Муниципальные районы данной группы характеризуются более высоким значением группового индекса экономического развития, индекса развития культуры, индекса жилищного строительства и обеспечения, индекса организации муниципального управления.

Показатели	Сравнительная характеристика кластеров		
	Средняя рейтинговая позиция	Низкая рейтинговая позиция	Высокая рейтинговая позиция
Итоговый рейтинг муниципальных образований по :	12,50000	20,50000	4,500000
Экономика	0,50513	0,44300	0,640625
Образование	0,79325	0,76712	0,798750
Культура	0,56425	0,34325	0,589500
Жилищное строительство и обеспечение жильем	0,52575	0,54325	0,655375
Организация муниципального управления	0,15812	0,14600	0,236500

Рисунок 3. Результаты кластерного анализа муниципальных образований по эффективности муниципального управления методом k-средних

Группу с низким рейтинговым результатом образуют г. Димитровград, г. Новоульяновск, Базарносызганский, Майнский, Мелекесский, Николаевский, Сенгилеевский и Ульяновский районы. Муниципальные образования данной группы отличаются низкими значениями групповых индексов, за исключением индекса развития образования.

Таким образом, проведенные исследования показали, что наибольшее влияние на формирование рейтинговой позиции муниципального образования по эффективности управления оказывает экономическое и культурное развитие территории, обеспеченность жильем. Апробация методических подходов на материалах муниципальных образований Ульяновской области демонстрирует возможность их применения для оценки социально-экономического развития муниципальных округов других регионов Российской Федерации.

Список источников

1. Постановление Правительства РФ от 17.12.2012 г. № 1317 (ред. от 30.06.2021 г.) «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» и подпункта «и» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139508/

2. Социально-экономические показатели муниципальных районов и городских округов Ульяновской области, 2021: Стат. сб. / Ульяновскстат. Ул. 2021. 253 с.

3. Нейф Н.М., Яшина М.Л. Состояние экономической безопасности муниципальных образований региона // Научное обозрение: теория и практика. 2019. Т. 9. № 3 (59). С. 397-404.

4. Александрова Н.Р., Настин А.А., Климушкина Н.Е. Использование информационных технологий в исследовании экономической безопасности муниципальных образований региона // Экономика и предпринимательство. 2020. № 10. С. 392-395

5. Постнова М.В., Александрова Н.Р., Смирнова Е.А. Занятость и формирование трудового потенциала сельских территорий // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2021. Т. 14. № 3 (70). С. 112-123.

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation of December 17, 2012 No. 1317 (as amended of June 30, 2021) «On measures to implement the Decree of the President of the Russian Federation» of April 28, 2008 No. 607 «On assessing the effectiveness of the activities of local governments of urban districts and municipal districts» and subparagraph «i» of paragraph 2 of the Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2012 No. 601 «On the main directions of improving the system of public administration» // *SHS «ConsultantPlus»*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139508/

2. Socio-economic indicators of municipal districts and urban districts of the Ulyanovsk region, 2021: Stat. Sat. / Ulyanovskstat. st. 2021. 253 p. *(In Russ).*

3. Neif N.M., Yashina M.L. The state of economic security of municipalities in the region. Scientific Review: Theory and Practice. 2019. V. 9. No. 3 (59):397-404. *(In Russ).*

4. Alexandrova N.R., Nastin A.A., Klimushkina N.E. The use of information technologies in the study of the economic security of municipalities in the region. Economics and Entrepreneurship. 2020. No.10:392-395

5. Postnova M.V., Aleksandrova N.R., Smirnova E.A. Employment and the formation of the labor potential of rural areas. Bulletin of the Voronezh State Agrarian University. 2021. V. 14. No. 3 (70):112-123.

Информация об авторах: М.Л. Яшина – доктор экономических наук, профессор
Н.Р. Александрова – кандидат экономических наук, доцент

Information about the authors: M.L. Yashina – Doctor of Economics, Professor
N.R. Alexandrova – Candidate of Economics, Associate Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 22.01.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 22.01.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 27.04.2022

Финансы

Научная статья
УДК 332.6

Кредитная история и современные модели скоринга

© С. А. Литвинова, 2022

Светлана Алексеевна Литвинова
Южно-Российский институт управления-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону, Россия. sv-lit@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам развития системы кредитных историй заёмщика и формированию культуры платежеспособности. Обращается внимание на использование различных инструментов для скоринга в современных условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: ипотечное кредитование, рынок ипотечного кредитования, кредит, доступность жилья, скоринг

Для цитирования: Литвинова С.А. Кредитная история и современные модели скоринга // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 5(144). С.17-19

Finance

Original article

Credit history and modern scoring models

Svetlana A. Litvinova
South Russia Institute of Administration – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service, Rostov-on-Don, Russia. sv-lit@mail.ru

Abstract. The article studies the development of the borrower's credit history system and the formation of a culture of solvency. Attention is drawn to the use of various scoring tools in modern conditions of digital transformation.

Keywords: mortgage lending, mortgage lending market, credit, housing affordability, scoring

For citation: Litvinova S.A. Credit history and modern scoring models. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2022. No.5 (144):17-19(In Russ.)

Активное взаимодействие многочисленных участников (заемщики, кредитные организации, страховые компании, государственные регистраторы, государство, институциональные инвесторы и пр.) рынка ипотечного жилищного кредитования и многообразие форм этого взаимодействия, а также нормативные, стратегические и методические документы, стандарты, соглашения и др. определяют специфическую институциональную среду, отличающуюся социальной ориентированностью и директивно-регулируемым характером складывающихся отношений.

Факторы, которые способствуют развитию системы ипотечного кредитования, непосредственно связаны с основными участниками отношений системы ипотечного кредитования.

Именно ипотека позволяет наиболее выгодно сочетать интересы населения в улучшении жилищных условий, коммерческих банков и других кредиторов – в эффективной и прибыльной работе, строительного комплекса – в ритмичной загрузке производства и, конечно же, государства, заинтересованного в общем экономическом росте.

Для обеспечения развития ипотечного кредитования в России необходима отлаженная система кредитно-финансовых учреждений-посредников, которые играют особую роль на финансовом рынке, являясь связующим звеном между кредитными организациями и заемщиками средств. Они способствует переводу временно свободных финансовых ресурсов в те сектора экономики, где потребность в этих средствах является наиболее востребованной. Несмотря на то, что количество

действующих коммерческих банков в стране с каждым годом по разным причинам уменьшается, это компенсируется открытием новых филиалов и дополнительных офисов, выходом на региональный рынок иных участников банковской инфраструктуры, к которым относятся кредитные и ипотечные брокеры. Они представляют собой финансовых посредников, действующих в интересах клиента, обладающих полной информацией о кредитных программах различных банков и иных кредитных организаций, осуществляющих консультирование и подбор наиболее подходящей клиенту программы с учетом индивидуальной платежеспособности и цели получения кредита.

При развитии системы кредитования населения, в том числе ипотечного кредитования, когда увеличивается объем выдаваемых кредитов, у банков возникает потребность в информации об имеющихся у потенциального заемщика задолженностях, о том, как клиент расплачивался по кредиту, о наличии просрочек и др. Это имеет важное значение при принятии решения, учитывая при этом прежнюю кредитную историю клиента, определения уровня платежеспособности и снижения кредитного риска. Так через систему вовлечения в повсеместную деятельность строится социальный портрет заемщика. Необходимость составления социального портрета заемщика объясняется тем, что кредитная история клиента не предоставляет для банков никаких данных, кроме информации по прошлым кредитам. А в развитых странах, например, существуют специализированные бюро, при обращении в которые банк получает полную информацию о заемщике, включая своевременность уплаты коммунальных платежей.

Формирование базы кредитных историй и ее использование уже достаточно распространенное явление для современной России и в мировой практике. Это реальный механизм значительной минимизации кредитных рисков в большинстве развитых стран.

Как и в период прошлых кризисов, так и сейчас услуги бюро кредитных историй однозначно востребованы. Произошли только некоторые изменения, касающиеся структуры сотрудничества. Если раньше при принятии решения о выдачи кредита банки запрашивали кредитные отчеты по потенциальным заемщикам, то сейчас они проводят мониторинг существующих заемщиков.

Организация бюро кредитных историй позволяет эффективно дифференцировать заемщиков на добросовестных и ненадежных.

Отсутствие системы накопления, хранения и предоставления информации ведет к росту проблемных кредитов. В такой ситуации кредитные учреждения либо увеличивают резервы по ссудам, либо повышают стоимость кредита. В любом случае, это отражается на потенциальных заемщиках. Кроме того, существующий в настоящее время обмен информацией между кредитными учреждениями является крайне неэффективным. Банковское сообщество в целом положительно оценивает появление в рыночной среде таких субъектов как бюро кредитных историй. В то же время отмечается, что для эффективной работы кредитных бюро требуется накопить значительное количество историй [1].

С одной стороны, отсутствие кредитной истории – это риск, так как непонятно, насколько ответственным будет заемщик. С другой стороны, кредитная история с просрочками – это также не лучшая характеристика, хотя тут у кредитного учреждения больше информации для размышлений и принятия положительного решения: либо просрочки могут оказаться кратковременными (на несколько дней), либо быть следствием мирового кризиса, либо объясняться сложными обстоятельствами. К таковым можно отнести потерю работы, болезнь. В этом случае клиент может доказать, что его ситуация изменилась: например, по текущей кредитной истории будет видно, что он погасил свои долги или начал их своевременно выплачивать.

Однако, выбирая между этими двумя вариантами, надо учитывать, что большинство российских банков настроили свои системы принятия решений по кредитам таким образом, что использование информации из кредитной истории является основополагающим. Поэтому ее отсутствие является очевидным минусом для того, кто намеревается получить кредит.

На задолжников по ипотеке воздействует кредитная организация, которая пытается повлиять на заемщика собственными методами.

Необходимо отметить, что стандартного решения при осуществлении взыскания не существует, поэтому каждый случай кредитная организация рассматривать индивидуально и для него разрабатывается оптимальный алгоритм действий [3].

Основными методами, которые используются при взыскании просроченной задолженности, являются: 1) переговоры – в случае договоренности с кредитным учреждением или агентством возможно применение таких вариантов взыскания задолженности как реструктуризация кредита, уменьшение суммы штрафов и пени в пользу погашения основной суммы долга; 2) увеличение штрафных санкций; 3) передача дела в суд.

Следует отметить, что первые два метода являются примером «позитивной» мотивации при взыскании просроченной задолженности, а последний метод относится к разряду «негативной» мотивации по отношению к задолжнику [2].

Развитие рынков недвижимости и банковских услуг кредитования требует более системного подхода к организации бизнеса, построению инфраструктуры, оказания качественных услуг потребителю. Кроме того, именно сейчас тот самый период, когда необходим комплексный подход к решению вопросов как развития бизнеса участников рынка, так и социальной составляющей для потребителя. В этом и есть фундаментальная проблема – проблема структурного соотношения знания, в том числе социально- экономического, и реальности.

При оценке риска кредитования применяется кредитный скоринг, который является упрощенной системой анализа заемщика.

Сегодня, в эпоху развития цифровых технологий и цифровой трансформации бизнеса помимо стандартного анализа анкеты заёмщика, кредитные организации просматривают профиль в социальной сети. Таким образом, кредитные организации перешли с классической «анкетной» скоринговой модели на многофакторную поведенческую модель на основе нейросетей. Анализ данных может многое рассказать о надежности и платежеспособности клиента и позволяет спрогнозировать финансовое поведение клиента, а также сопоставить с действительностью информацию, предоставленную клиентом.

Особенно востребованным скоринг социальных сетей становится при обращении в банк нового клиента без кредитной истории.

Сегодня в ипотечном кредитовании отмечается активный тренд на объединение партнеров на площадках-посредниках, что по большему счету обусловлено сложностью процесса ипотечного кредитования, который включает в себя подачу заявки на ипотечное кредитование, проведение андеррайтинга, формирование пакета документов, оценку недвижимости и закрытие сделки и требующего участия большого числа партнеров (заемщик, банк, брокер, страховая компания, оценщики и др.)

Следует отметить возрастающее использование Big Data, что позволяет более точно составить портрет заемщика и минимизировать риски для банков, а понимание клиентами, что банки анализируют и социальные сети, может приводить к увеличению потребности в самодисциплине, используя внутренние механизмы и поиск соответствующих способов осуществления этой самодисциплины.

Также Big Data сможет оценить уровень платежеспособности и финансовой грамотности клиента, что способствует подбору оптимального кредитного решения для него. Таким образом, в результате процесс оформления ипотечного кредита или его рефинансирование станет удобнее, более быстрым, что повлияет на повышение доступности ипотечного кредитования.

Список источников

1. Квочкин О.В. Брокеридж: искусство финансового посредничества, тенденции развития кредитного ипотечного брокеризма в России в условиях цикличности экономики // Российское предпринимательство. 2009. № 3-2. С. 67-72.
2. Литвинова С.А. Применение механизма мотивации должников по ипотеке как инструмент управлениями кредитными ресурсами банка//Проблемы налогообложения и предпринимательства. Сб. статей. Вып.5, Часть II /Редакционная коллегия: А.И. Пономарев, Т.В.Игнатова. Ростов н/Д., 2010.
3. Литвинова С.А. Ипотечное кредитование: тенденции развития//В сборнике: Современные тенденции в образовании и науке: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 26 частях. 2013. С. 104-105.

References

1. Kvochkin O.V. Brokerage: the art of financial intermediation, trends in the development of credit mortgage brokerage in Russia in a cyclical economy. *Russian entrepreneurship*. 2009. No. 3-2: 67-72. (In Russ).
2. Litvinova S.A. Application of the mechanism of motivation of mortgage debtors as a tool for managing the bank's credit resources. *Problems of taxation and entrepreneurship*. Collection of articles. Issue 5., Part II (Editorial Board: A.I. Ponomarev, T.V.Ignatova). Rostov n/A: SKAGGS Publishing House, 2010. (In Russ).
3. Litvinova S.A. Mortgage lending: development trends//In the collection: Modern trends in education and science. *Collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference*: in 26 parts. 2013: 104-105. (In Russ).

Информация об авторе: С.А. Литвинова – кандидат экономических наук, доцент
Information about the author: S.A. Litvinova – Candidate of Economics, Associate Professor
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The authors declare no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 09.02.2022; одобрена после рецензирования 14.02.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 09.02.2022; approved after reviewing 14.02.2022; accepted for publication 27.04.2022

Теория и история государства и права

Научная статья
УДК 340

Конфиденциальность в системе правовых ценностей юриста: международный и зарубежный опыт

© О.Г. Коченина, Г.С. Працко, 2022

Ольга Германовна Коченина[1], Геннадий Святославович Працко[2]
[1]Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия. olga.kochenina@gmail.com
[2] Ростовский государственный университет путей сообщения; Донской государственный технический университет; Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, Ростов-на-Дону, Россия. dasha_sam94@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена конфиденциальности как неотъемлемому элементу системы правовых ценностей юриста. Автор анализирует особенности нормативного закрепления понятия конфиденциальности в международном и зарубежном законодательстве, уделяя особое внимание необходимости соблюдения данного принципа при осуществлении профессиональной юридической деятельности.

Ключевые слова: конфиденциальность, юрист, суд, правосудие, адвокат, клиент, правовые ценности, Международная ассоциация юристов.

Для цитирования: Коченина О.Г., Працко Г.С. Конфиденциальность в системе правовых ценностей юриста: международный и зарубежный опыт // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 5 (144). С.20-22

Theory and history of state and law

Original article

Confidentiality in the system of lawyer's legal values: international and foreign experiences

Olga G. Kochenina[1], Gennady S. Pratsko[2]
[1] Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia. olga.kochenina@gmail.com
[2] Rostov State Transport University; Don State Technical University; Rostov Branch of the Russian State University of Justice. Rostov-on-Don, Russia. dasha_sam94@mail.ru

Abstract. The article considers confidentiality as an integral element of the system of legal values of a lawyer. The authors analyze the features of the normative consolidation of the concept of confidentiality in international and foreign laws, paying special attention to the need to comply with this principle while carrying out professional legal activities.

Keywords: confidentiality, lawyer, court, justice, advocate, client, legal values, The International Bar Association

For citation: Kochenina O.G., Pratsko G.S. Confidentiality in the system of lawyer's legal values: international and foreign experiences. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No5 (144): 20-22 (In Russ.)

Конфиденциальность занимает существенное место в системе правовых ценностей юриста. Соблюдение данного принципа оказывает огромное влияние на эффективный характер взаимодействия в системе «юрист – клиент», помогая юристу качественно выполнять свою работу, а клиенту – надеяться на благоприятный для него исход дела без огласки и, как следствие, без репутационных потерь либо иных рисков.

Принцип конфиденциальности поощряет откровенное и полное общение между юристом и клиентом, что, в свою очередь, способствует удовлетворению запросов и потребностей последнего. Помимо всего прочего, соблюдение конфиденциальности способствует исполнению ряда важных функций, как-то:

- обеспечивает доверие, которое характеризует отношения юриста с клиентом;
- предоставляет юристу информацию, необходимую для осуществления профессиональной деятельности [1].

Будучи этико-правовым по своей природе, принцип конфиденциальности получил закрепление как в международном, так и в национальном праве, причем в обоих случаях он считается одной из ключевых обязанностей юриста (если не доминирующей обязанностью).

Как правило, обязанности юриста относительно требований конфиденциальности в правовых системах западных государств именуются:

- «тайной»;
- «профессиональной тайной»;
- «адвокатской тайной».

Международное и национальное законодательство официально признает тайну адвоката и клиента, которая защищает конфиденциальную информацию от разглашения и использования в судопроизводстве в качестве доказательства.

Правило 4 Международной ассоциации юристов (далее – МАЮ) предусматривает, что юрист должен «поддерживать и получать защиту конфиденциальности в отношении дел нынешних или бывших клиентов», если законом не предусмотрено иное [2]. Комментарий МАЮ предусматривает, что принцип конфиденциальности является неотъемлемой чертой верховенства закона, а также подчеркивает важность следующих компонентов конфиденциальности:

- общественного доверия;
- доверия к отправлению правосудия;
- независимости адвокатуры [2].

С точки зрения МАЮ, принцип конфиденциальности имеет две основные особенности:

- во-первых, «договорная, этическая и часто установленная законом обязанность юриста хранить тайну клиента»;
- во-вторых, согласно МАЮ, существуют ситуации, в которых конфиденциальность общения юриста с клиентом «более не применяется в полностью или частично» [2].

МАЮ поясняет, что «установленная законом обязанность иногда принимает форму доказательной тайны адвоката и клиента» [2]. Вместе с тем, привилегия доказывания отличается от этического долга адвоката по сохранению конфиденциальности, и имеют место случаи, когда этическая обязанность сохранять конфиденциальность выходит за рамки прекращения отношений между юристом и клиентом. МАЮ предлагает «уважать и защищать такие обязанности по соблюдению конфиденциальности, например, путем освобождения адвоката от дачи показаний в судах и/или путем обеспечения особой защиты общения между адвокатом и клиентом» [2].

В комментарии МАЮ говорится, что юристы «не могут претендовать на защиту конфиденциальности при содействии и подстрекательстве к противоправным действиям своих клиентов» [2]. Далее МАЮ объясняет, что в некоторых юрисдикциях юристу разрешено раскрывать информацию, касающуюся представительства, в той мере, в какой адвокат разумно полагает, что это необходимо для предотвращения:

- существенного телесного повреждения; смерти;
- наступления значительных убытков или ущерба;
- совершения клиентом нового преступления, в рамках подготовки к которому клиент воспользовался услугами юриста [2].

В комментарии МАЮ отмечается, что «недавнее законодательство, налагающее на юристов особые обязанности по содействию в предотвращение преступных явлений, таких как терроризм, отмывание денег или организованная преступность, привели к дальнейшему ослаблению защиты обязанность адвоката сохранять конфиденциальность. Многие юристы в принципе выступают против сферы действия этого законодательства» [2].

Вместе с тем, по мнению МАЮ, «любое посягательство на обязанность юриста должно быть ограничено информацией, которая абсолютно необходима для того, чтобы юристы могли выполнять свои юридические обязательства или предотвратить неосознанное злоупотребление своими полномочиями со стороны преступников для способствования их неправомерным целям» [2]. Здесь наблюдается проблемная юридико-моральная дихотомия, которую можно кратко выразить в двух положениях:

- если подозреваемый в совершении преступлении обращается за советом к адвокату, то адвокатская обязанность по соблюдению конфиденциальности должна быть полностью защищена;
- однако адвокат не может выступать соучастником преступления, параллельно «прикрываясь щитом конфиденциальности» [2].

По наблюдениям МАЮ, объем охраны конфиденциальность отличается в зависимости от юрисдикции. В одних юрисдикциях клиенты могут отказаться от обязательства адвоката по сохранению конфиденциальности, в других – не могут. В некоторых юрисдикциях адвокат может нарушать обязательство в целях самообороны в судебном процессе. Во всех юрисдикциях конфиденциальность не ограничена во времени. Это обязательство также распространяется на помощников, стажеров и всех, нанятых юристом или юридической фирмой.

МАЮ отмечает, что юристы должны обеспечить конфиденциальность также в отношении электронных сообщений и данных, хранящихся на компьютерах: «Стандарты развиваются в этой

сфере по мере того, как развивается технология, и юристы обязаны сохранять информированность о необходимых профессиональных стандартах, чтобы поддерживать их в процессе реализации своих профессиональных обязательств» [2].

Юрисдикции различаются по степени, в которой клиенты могут отказаться от права на конфиденциальность. Согласно комментарию МАЮ, правила, «ограничивающие возможность отказа, аргументированы тем, что клиенты часто не могут должным образом оценить недостатки и вообще мотивацию подобного отказа» [2]. По мнению МАЮ, ограничения на отказы «имеют первостепенное значение для защиты против суда или государственного органа, оказывающего ненадлежащие давление на клиента, чтобы он отказался от своего права на конфиденциальность» [2]. Наконец, адвокаты не должны извлекать выгоду из секретов, полученных от клиента конфиденциально [2].

Если же говорить об отражении принципа конфиденциальности в зарубежном национальном законодательстве, то необходимо учитывать, что наибольшее раскрытие и разъяснение он получил во французской правовой системе. Во Франции принцип конфиденциальности называется «профессиональной тайной». Нарушение обязанности адвоката хранить профессиональную тайну является уголовно наказуемым деянием за исключением случаев, когда закон предписывает или разрешает раскрытие тайны. Адвокат является «необходимым доверенным лицом клиента», а обязанность хранить профессиональную тайну имеет характер «всеобщей, абсолютной и неограниченной во времени» [3]. Юрист не должен раскрывать профессиональную тайну любым способом за некоторыми исключениями, когда это строго необходимо для защиты в суде или разрешено законом.

Профессиональная тайна во Франции распространяется на все вопросы «в области консультации или судебного разбирательства», включая:

- консультации между юристом и клиентом;
- переписку между юристом и клиентом либо между юристом и его коллегами;
- файловые заметки и вообще любые документы в материалах дела;
- имена клиентов;
- денежные расчеты;
- информацию, запрашиваемую аудиторами или любой третьей стороной [3].

Итак, принцип конфиденциальности представляет собой один из фундаментальных принципов юридической деятельности, без которого также невозможно отправление истинного правосудия. Будучи не только этическим, но и юридическим понятием, конфиденциальность является неотъемлемым элементом системы правовых ценностей юриста, что и обусловливает фиксацию данного понятия и связанных с ним юридических обязанностей в международном и национальном законодательстве.

Список источников/ References

1. Karnavas, M.G. Lawyer's Ethics. OSCE Mission to Skopje, 2016 // URL: https://www.osce.org/files/f/documents/a/e/315081.pdf
2. IBA International Principles on Social Media Conduct for the Legal Profession // URL: https://tomorrowslawyer.org/wp-content/uploads/2017/10/IBA-International-Principles-on-Social-Media-Conduct.pdf
3. Internal Regulations of the Paris Bar ("RIBP") // URL:http://dl.avocatparis.org/reglement_interieur/RIBP.htm#_Toc435782388

Информация об авторах

О.Г. Коченина – магистрант
Г.С. Працко – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор

Information about the authors

O.G. Kochenina – Master Degree Student
G.S. Pratsko – Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.02.2022; одобрена после рецензирования 19.04.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 26.02.2022; approved after reviewing 19.04.2022; accepted for publication 27.04.2022

Научная статья
УДК 340.1

Установление юридических фактов
как форма их фиксации в правовой действительности

© В.Ю. Рассолов, 2022

Василий Юрьевич Рассолов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия. 958387@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье дается анализ установления юридических фактов как одной из форм их объективации в правовой действительности. Отмечается, что установление фактов, имеющих юридическое значение, осуществляется не только в рамках одноименной категории правовых споров, но также по любым иным категориям дел как судебного, так и несудебного правоприменения. Наиболее значимым отличительным признаком установления фактов от иных форм фиксации (регистрации, удостоверения и др.) видится то, что данный процесс состоит в познании жизненных обстоятельств, имевших место в прошлом. Вследствие этого, правоприменитель вынужден использовать механизм доказывания, основанный на использовании доказательств как сведений об устанавливаемых фактах.

Ключевые слова: юридический факт, установление фактов, доказывание, фиксация юридического факта, регистрация факта, удостоверение факта

Для цитирования: Рассолов В.Ю. Установление юридических фактов как форма их фиксации в правовой действительности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 5(144). С.23-27

Original article

Establishment of legal facts
as a form of their fixation in legal validity

Vasily Yu. Rassolov
Belgorod state national research university, Belgorod, Russia. 958387@bsu.edu.ru

Abstract. The article analyzes the establishment of legal facts as one of the forms of their objectification in legal reality. It is noted that the establishment of facts of legal significance is carried out not only within the same category of legal disputes, but also in any other categories of cases, both judicial and non-judicial law enforcement. The most significant distinguishing feature of establishing facts from other forms of fixation (registration, certification, etc.) is that this process is in the knowledge of life circumstances that took place in the past. As a result, the law enforcer is forced to use a proof mechanism based on the use of evidence as information about the facts being established.

Keywords: legal fact, establishment of facts, proof, fixation of a legal fact, registration of a fact, certification of a fact

For citation: Rassolov V.Yu. Establishment of legal facts as a form of their fixation in legal validity. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No5 (144): 23-27 (In Russ.)

Фиксация юридических фактов нами рассматривается как способ их объективации в правовой действительности. С данного момента реальное жизненное обстоятельство приобретает статус юридического факта и порождает соответствующие ему правовые последствия. Установление юридических фактов, наряду с регистрацией и удостоверением, является одной из форм такой фиксации. С учетом того, что в настоящее время отсутствует однозначное понимание специфики установления фактов в отличие от иных форм, имеется необходимость в выявлении характерных признаков и формировании соответствующего определения.

Установление юридического факта имеет прямое отношение к осуществлению правоприменительной деятельности. Указанное словосочетание непосредственно используется в текстах нормативных правовых актов. В гражданском и арбитражном процессах наличествует соответствующая категория дел, именуемая установлением фактов, имеющих юридическое значение. В этой связи возможен вопрос: является ли установление фактов атрибутом только данной категории дел или же имеет более широкую сферу своей практической реализации.

Установление юридических фактов является одной из категорий дел так называемого особого производства. Последнее характеризуется отсутствием спора о праве, и, соответственно, суд при этом не применяет нормы материального права. Возникновение подобной ситуации связано с тем, что иногда осуществление субъективного права затруднено лишь в связи с неопределенностью существования обстоятельств, являющихся основанием его возникновения. Субъект данного права не может его

реализовать ввиду того, что соответствующие юридические факты не являются очевидными. Вследствие этого возникает потребность в официальном их установлении управомоченным субъектом посредством проверки и подтверждения соответствующими доказательствами. Предполагается, что в случае фиксации факта судебным решением дальнейшая реализация права будет осуществлена беспрепятственно. При возникновении или обнаружении спора о нем судебный процесс в рамках особого производства должен быть завершен путем оставления заявления без рассмотрения.

Например, факт нахождения на иждивении является основанием для возникновения достаточно большого числа правовых последствий (в частности, для обязательства по случаю смерти кормильца, наследственных прав и иных). Однако данное обстоятельство далеко не всегда является очевидным для правоприменителя и требует установления в определенном процессуальном (судебном) порядке. Именно суд в этой ситуации обладает полномочиями по исследованию и оценке соответствующих доказательств и установлению на их основе факта нахождения на иждивении.

Таким образом, в особом производстве основная задача суда заключается «в выявлении и констатации тех или иных обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение, изменение, прекращение у заявителя определенных прав и обязанностей. При этом сами права должны осуществляться вне рамок особого производства» [1, с. 17]. Весьма точно по этому поводу писал Г.К. Крючков, «задача суда исчерпывается установлением наличия или отсутствия юридического факта». Что же касается вопросов права, то их решением занимаются иные правоприменительные субъекты [2, с. 26].

Необходимыми условиями для того, чтобы факт мог быть установлен в судебном порядке в рамках особого производства, являются: 1) для заявителя данный факт имеет юридическое значение, то есть влечет правовые последствия в виде возникновения, изменения или прекращения правоотношений; 2) невозможность установления данного факта в ином (то есть внесудебном) порядке; 3) невозможность восстановления документов, которые подтверждают наличие соответствующего факта (если он был по различным причинам утрачен) (ст. 265 ГПК РФ).

Анализ указанных условий приводит к выводу о том, что судебное установление факта является экстраординарной процедурой, направленной на фиксацию юридического факта как способа его объективации в правовой действительности. Суды являются крайней инстанцией, в компетенцию которой включено официальное установление фактических обстоятельств, необходимых для возникновения предусмотренных законом правовых последствий.

Стоит отметить, что производство по установлению юридических фактов исторически не является традиционным для судебной ветви власти. Оно было отнесено к судебной компетенции по историческим меркам сравнительно недавно, а именно, в первые годы советской власти. Так, в соответствии со ст. 4 Положения о народном суде РСФСР 1918 г. судебную подведомственность составили не только спорные с правовой точки зрения вопросы, но также дела бесспорного производства, если для работы советских исполнительных учреждений требовалось официальное подтверждение какого-либо жизненного факта. Это было связано с необходимостью упорядочения деятельности несудебных органов власти, поскольку во время гражданской войны было крайне затруднительно организовать правовую работу исполнительных органов власти [3, с. 10-15]. Более того, как пишет А.В. Аргунов: «Система органов, призванных осуществлять охрану гражданских прав (регистрацию, удостоверение тех или иных юридических фактов, подтверждение прав), и до революции 1917 г. по сути не была создана» [4, с. 26].

При этом возникает вопрос о том, почему именно судам были приданы несвойственные им функции, поскольку к традиционной их компетенции относится разрешение правовых споров. В этой связи можно отметить, что в науке довольно прочно утвердилось мнение о том, что судебная процедура по установлению фактов в рамках особого производства является исключительной или экстраординарной. Причем такая характеристика данному виду судопроизводства давалась в процессуальной науке как советского времени [5, с. 24-25], так и современного периода [6, с. 107-109; 7, с. 65].

Возможность ее реализации зависит от выполнения ряда условий, одним из которых является абсолютная невозможность получения или восстановления необходимых документов в ином несудебном порядке. Н.А. Громошина такое положение вещей характеризует как «правовая аномалия», которая вызывает необходимость прибегнуть к содействию органа, который полномочен официально подтверждать (устанавливать) наличие либо отсутствие необходимых фактов. Этому дается образная характеристика, сводящаяся к тому, что «судебная правоприменительная деятельность как бы вклинивается в правоприменительную деятельность несудебных государственных органов, способствуя тем самым охране прав и интересов субъектов права» [8, с. 254-255]. Аналогичным образом данную ситуацию видит В.Н. Протасов, который, характеризуя особое производство, отмечает, что «компетентный орган может «вклиниваться» через охранительное правоотношение в регулятивный механизм не только на уровне правоотношения, но и на уровне юридического факта» [9, с. 66].

По общему правилу, деятельность по учету, регистрации юридически значимых фактов, в также по выдаче удостоверяющих документов, составляет функцию административных органов власти.

Необходимость этого обусловлена потребностью граждан в осуществлении материальных прав как одной из форм реализации права.

Таким образом, полагаем, следует согласиться с тем, что основной целью появления производства по установлению фактов является «оказание содействия несудебным органам (исполнительной власти) в осуществлении их полномочий в различных («неуголовных») областях управления путем принятия правоприменительных актов о признании существования юридических фактов, служащих доказательством в несудебном правоприменительном процессе» [4, с. 28]. О том же пишет и А.Д. Золотухин, который рассматривает данное судопроизводство в качестве такой категории дел, которая предназначена «для компенсации деятельности административных органов при осуществлении ими функции регистрации юридических фактов и выдаче документов об их регистрации вследствие невозможности ее выполнения по независящим от них обстоятельствам» [10, с. 146]. Кроме того, в качестве иной причины существования данной категории дел А.Д. Золотухин видит необходимость восполнения недостатков работы законодателя, состоящих в неправильном или пробельном распределении функций административных органов по учету, регистрации юридических фактов, а также по выдаче соответствующих удостоверяющих документов. Указанные ошибки становятся возможными вследствие сложности данной работы и затруднительности учета всех правоприменительных аспектов при формировании норм материального права [11, с. 26].

С учетом изложенного данную категорию дел следует рассматривать как предназначенную для восполнения неопределенности фактического основания правоприменительной деятельности административных и иных уполномоченных органов.

Возвращаясь к вопросу о том, почему именно на суд была возложена обязанность по установлению фактов в отрыве от осуществления правовой квалификации, следует отметить, что этим были озадачены отечественные процессуалисты еще середины XX века. Так, по результатам анализа Р.Ф. Каллистратова пришла к выводу о том, что судебный порядок установления фактов имеет преимущество перед административным в силу того, что судопроизводство сопровождается максимальным числом и уровнем гарантий обеспечения законных интересов участников. Кроме того, обращалось внимание на тот факт, согласно которому наделение соответствующей компетенцией несудебных правоприменительных органов потребует выработки и нормативного закрепления процедур, в ходе которых было бы возможно установление искомых фактов. Реализация указанных процедур, безусловно, потребует исследования доказательств, в том числе привлечение свидетелей, что для административных органов не характерно. Более того, Р.Ф. Каллистратова доказывала, что в тех случаях, когда это предусматривалось законом, административные органы справлялись с этим не очень хорошо [5, с. 55-67].

Аргументы Р.Ф. Каллистратовой в пользу судебного порядка установления юридических фактов поддерживаются в исследованиях современных правоведов. Так, Д.Я. Малешин исходит из посылки, согласно которой исключительность отнесения данной категории дел к суду предполагает экстраординарность оснований к этому. По мнению автора, это детерминировано тем, что «суд всегда действует в системе определенных принципов и гарантий, то есть в гражданской процессуальной форме, а так как для общества в тот или иной период установление отдельных фактов наиболее важно, то предпочтение по предмету ведения отдавалось суду» [12, с. 70].

В.В. Аргунов, в свою очередь, обращает внимание на то, что определенная строго установленная законом процессуальная форма является непременным атрибутом правоприменительной деятельности. Последняя в качестве первой обязательной стадии включает установление фактических обстоятельств дела. Процессуальный порядок прохождения данной стадии требует особо тщательной и детальной регламентации совершения процессуальных действий, которые в своей основе направлены на доказывание соответствующих фактов, включая выявление, представление, истребование, исследование и оценку доказательств [7, с. 67].

Возвращаясь к вопросу о том, является ли установление юридических фактов атрибутом только соответствующей категории дел или же и иных видов судопроизводства, обратим внимание на основной исторически традиционный для суда вид, а именно, исковое производство. Последнее характеризуется наличием явно выраженного спора о праве между равноправными субъектами. Разрешение такого спора осуществляется в рамках исковой формы защиты на основе подлежащих применению норм материального права. Применение последних основано на твердой уверенности правоприменителя в наличии условий, необходимых для этого. В качестве таких условий выступают предусмотренные соответствующими нормами фактические обстоятельства, в совокупности составляющие их гипотезу. Ведь практическая реализация правовых норм всегда предполагает их фактическое обоснование [13, с. 102].

С учетом того, что суд должен применить правовую норму не к абстрактным или предполагаемым, а действительно существующим отношениям, ему необходимо убедить в реальности тех обстоятельств, на которых спорящие стороны выдвигают свои требования и возражения. Познание фактиче-

ских обстоятельств составляет первый этап судопроизводства и, можно говорить более широко, правоприменительной деятельности в целом. На втором этапе осуществляется правовая квалификация и формирование выводов о наличии и характере спорного правоотношения, а также субъективных прав и обязанностей, составляющих его содержание.

В отличие от этого, установление факта в процессе особого производства составляет его окончательную цель. Констатацией наличия либо отсутствия факта исчерпывается процесс в суде первой инстанции [2, с. 25-40]. Как видно, из двух этапов, характерных для искового производства, в данном случае остается лишь один – установление факта. Применение норм материального права к установленным фактам не предполагается.

Таким образом, разрешение спора о праве в исковом судопроизводстве основывается на предварительном познании фактических обстоятельств дел. Это свидетельствует о том, что установление юридических фактов осуществляется не только в одноименной категории гражданских дел. Вместе с тем, установление фактов в исковом и особом производстве имеет определенные особенности, в первую очередь обусловленные целевой направленностью [14, с. 7]. Если в процессе разрешении спора о праве установление факта является промежуточным элементом, то в рамках особого производства – это составляет единственную его цель.

Установление фактов может составлять компетенцию не только судебных, но и иных органов. К примеру, несудебные органы власти, рассматривающие дело об административном правонарушении, должны самостоятельно устанавливать обстоятельства, являющиеся основанием для применения соответствующих административных санкций (ст. 26.2 Кодекса об административных правонарушениях РФ). Полагаем, что общие характеристики установления фактов как в судебном, так и ином порядке состоят в следующем.

Во-первых, в отличие от регистрации и удостоверения юридических фактов установление предполагает познавательную деятельность об обстоятельствах, которые имели место в прошлом. Вследствие этого, правоприменитель вынужден использовать информацию о фактических обстоятельствах, которые в юридическом процессе приобретают форму доказательств.

Во-вторых, установительная деятельность правоприменителя подвержена определенному регламенту, который закрепляется на уровне федерального закона. Наиболее обстоятельно вопросы использования доказательств как с точки зрения содержания, так и процессуальной формы регламентированы в нормативных правовых актах, регулирующих судебную деятельность по установлению фактов (Гражданский процессуальный кодекс РФ и другие). Предусмотрены специальные правила по использованию доказательств в целях установления юридических фактов и в Кодексе об административных правонарушениях РФ. Вместе с тем, при сравнении степени детализации норм о доказывании в судебном и несудебном процессах обнаруживается, что именно судебная процедура урегулирована наиболее тщательно.

С учетом изложенного в рамках данной статьи можно предложить следующее определение установления фактических обстоятельств как одной из форм их фиксации в правовой действительности. Так, установление юридических фактов представляет собой познавательную деятельность правоприменительного органа, направленную на официальное подтверждение наличия либо отсутствия необходимых для правоприменения юридически значимых обстоятельств путем доказывания в определенном установленном законом процессуальном порядке.

Список источников

1. Чечот Д.М. Неисковые производства. М.: Юридическая литература, 1973. 168 с.
2. Крючков Г.К. Судебное установление юридических фактов, от которых зависит возникновение, изменение или прекращение личных или имущественных прав граждан. М.: Госюриздат, 1956. 104 с.
3. Абрамов С.Н. Судебное установление юридических фактов. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948.
4. Аргунов А.В. Эволюция производства по делам об установлении юридических фактов // Российское правосудие. 2019. № 3. С. 26-34.
5. Каллистратова Р.Ф. Установление юридических фактов судом в порядке особого производства. М.: Госюриздат, 1958. 119 с.
6. Золотухин А.Д. Судопроизводство об установлении фактов, имеющих юридическое значение, как исключительная категория особого вида судопроизводства // Вестник Саратовской государственной академии права. 2004. № 4 (Ч.2). С. 107-109.
7. Аргунов В.В. Производство по установлению фактов, имеющих юридическое значение: в суде или у нотариуса? // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. №2. С. 62-70.
8. Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2010. 409 с.
9. Протасов В.Н. Общая теория процессуального права: учебное пособие для вузов. М.: Изд-во Юрайт, 2020. 186 с.

10. Золотухин А.Д. Понятие судопроизводства по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение в особом производстве // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 12(140). С. 141-148.

11. Золотухин А.Д. Проблема определения оснований применения судопроизводства по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение в особом производстве // Вестник Тамбовского университета. Серия Политические науки и право. 2015. № 1(1). С. 25-29.

12. Малешин Д.Я. Содействие нотариата судебной реформе // Вестник СПбГУ. Право. 2020. Т. 11. Вып. 1. С. 67-86.

13. Цуканова Е.Ю. Фактические общности в современном российском праве: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород, 2021. 377 с.

14. Чудиновская Н.А. Установление фактов, имеющих юридическое значение, в особом производстве гражданского и арбитражного процесса: автореф. дис. … к. ю. н. Екатеринбург, 2007.

References

1. Chechot D.M. Non-search proceedings. M.: Legal literature, 1973. 168 p. (In Russ.)

2. Kryuchkov G.K. Judicial establishment of legal facts on which the emergence, change or termination of personal or property rights of citizens depends. M.: Gosyurizdat, 1956. 104 p. (In Russ.)

3. Abramov S.N. Judicial establishment of legal facts. Moscow: Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR, 1948. 44 p. (In Russ.)

4. Argunov A.V. Evolution of proceedings in cases of establishing legal facts. *Russian justice*. 2019. No. 326-34. (In Russ.)

5. Kallistratova R.F. The establishment of legal facts by the court in the order of special proceedings. M.: Gosyurizdat, 1958. 119 p. (In Russ.)

6. Zolotukhin A.D. Legal proceedings on the establishment of facts of legal significance as an exceptional category of a special type of legal proceedings. *Bulletin of the Saratov State Academy of Law*. 2004. No. 4 (Part 2):107-109. (In Russ.)

7. Argunov V.V. Proceedings to establish facts of legal significance: in court or at a notary? Bulletin of the Moscow University. Iss. 11. Law. 2013. No. 2:62-70. (In Russ.)

8. Gromoshina N.A. Differentiation and unification in civil proceedings: dis. ...PhD of Law. M., 2010. 409 p. (In Russ.)

9. Protasov V.N. General theory of procedural law: textbook for universities. M.: Publisher Yurayt, 2020. 186 p. (In Russ.)

10. Zolotukhin A.D. The concept of judicial proceedings in cases of establishing facts of legal significance in special proceedings. *Bulletin of the Tambov University*. Series: Humanities. 2014. No. 12(140):141-148. (In Russ.)

11. Zolotukhin A.D. The problem of determining the grounds for the application of judicial proceedings in cases of establishing facts of legal significance in special proceedings. *Bulletin of the Tambov University*. Political Science and Law series. 2015. No. 1(1):25-29. (In Russ.)

12. Maleshin D.Ya. Assistance of the notary to judicial reform. *Bulletin of St. Petersburg State University*. Right. 2020. Vol. 11. Issue 1: 67-86. (In Russ.)

13. Tsukanova E.Yu. Actual commonalities in modern Russian law: theoretical and legal research: dis. ... PhD of Law. Belgorod, 2021. 377 p. (In Russ.)

14. Chudinovskaya N.A. Establishing facts of legal significance in the special proceedings of civil and arbitration proceedings: autoref. dis. ... Candidate of law. Yekaterinburg, 2007. 19 p. (In Russ.)

Информация об авторе

В.Ю. Рассолов – аспирант кафедры теории и истории государства и права

Information about the author

V.Yu. Rassolov – Postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 15.04.2022; accepted for publication 27.04.2022

Научная статья
УДК 340

Концепция энциклопедии законоведения К.А. Неволина
(к 185-летию издания работы К.А. Неволина «Энциклопедия законоведения»)

© Сенковенко Е.В., 2022

Елена Викторовна Сенковенко,
Таганрогский институт управления и экономики, Таганрог, Россия. Senkov3739@gmail.com

Аннотация. Предметом статья является концепция законоведения К.А. Неволина. Автор обосновывает положение о том, что «Энциклопедия законоведения» К.А. Неволина не только является первым русским трудом по данной дисциплине, но открывает новый этап в ее развитии. Основное значение этого произведения состоит в том, что концепция законоведения, реализованная в нем, постановка проблемы изучения права (законодательства) предвосхитили идеи Н.М. Коркунова о создании общей теории права.

Ключевые слова: право, законодательство, законоведение, энциклопедия законоведения, энциклопедия права, философия законодательства, философия права

Для цитирования: Сенковенко Е.В. Концепция энциклопедии законоведения К.А. Неволина (к 185-летию издания работы К.А. Неволина «Энциклопедия законоведения») // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 5 (144). С.28-31

Original article

The concept of Encyclopedia of Jurisprudence by K.A. Nevolin
(on the 185th anniversary of Encyclopedia of Jurisprudence by K.A. Nevolin)

Elena V. Senkovenko
Taganrog Management and Economics Institute, Taganrog, Russia. Senkov3739@gmail.com

Abstract. The article studies the concept of jurisprudence by K.A. Nevolin, substantiates the perspective that Encyclopedia of Jurisprudence by K.A. Nevolin is not only the first Russian work in this sphere but it also opens the new stage in its development. Underlines the key significance of this work – its concept of jurisprudence and the setting up of the problem of the studying of law (jurisprudence) anticipated N.M. Korkunov's perspectives on the formation of the unified theory of law.

Keywords: law, jurisprudence, encyclopedia of law, philosophy of jurisprudence, philosophy of law

For citation: Senkovenko E.V. The concept of encyclopedia of jurisprudence by K.A. Nevolin (on the 185th anniversary of Encyclopedia of Jurisprudence by K.A. Nevolin). *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No5 (144): 28-31 (In Russ.)

Понятие законоведения вошло в оборот юридического образования как область знания, предметом которой является закон. По сути дела, содержательно оно может быть отождествлено с понятием «юриспруденция», выражающим всю совокупность юридических знаний, а также юридическую практику. Но существенное отличие понятия законоведения, все же, состоит в однозначном указании на изучение закона, составляющего не только его предмет, но и задачу, распространяемую и на научное изучение права, и на сферу его изучения в контексте юридического образования. Именно такое значение данный термин имел в Российской империи с конца XVIII по XIX век. Существенным обстоятельством представляется то, что законоведение далеко не всегда включало такую дисциплину как философия права, это было обусловлено спецификой как философии права, так и законоведения, первая из которых должна была раскрыть начала права, рассматривая его в субстанциальном единстве, трактуя как значимое выражение разумной человеческой природы, а вторая – изучить природу закона, не подвергая сомнению принцип его философского изучения, но обозначая специфику исследования рамками изучения именно закона.

В юридическом образовании Российской империи первой половины XIX века изучение философии права или философии законодательства, как было принято именовать эту дисциплину, было заменено изучением энциклопедии законоведения. Это произошло в 1835 году после принятия нового устава университетов, представлявшего собой не что иное, как учебную программу юридического образования. Энциклопедия законоведения была относительно новой дисциплиной, дидактической задачей которой было общее и, соответственно, краткое изложение (обзор) дисциплин, входящих в состав законоведения. По оценкам некоторых теоретиков права, преподававших эту дисциплину, принимавших участие в разработке ее курса, это было обусловлено политическими причинами, консервативным креном государственной политики Николая I, в целом, и в ряде ограничений, которые были наложены на образовательные программы, с целью недопущения развития либеральных тенденций в этой сфере, в частности. Об этом говорил профессор П.Г. Редкин в своей лекции, прочитанной в

Санкт-Петербургском императорском университете в 1863 году, после принятия нового устава университетов, вводившего в состав дисциплин правоведение. Он подчеркивал, что, начиная с 1835 года, вместо изучения права стали изучаться, даже не юридические науки, а законы, по Своду законов Российской империи. Так, «…в прежнем уставе насчитывались следующие будто бы науки: государственные законы, гражданские законы, уголовные законы, церковное законоведение. Мало того: под всеми этими так называемыми науками о законах разумели собственно изложение одних русских законов, и притом в том именно виде, в каком они были изложены в Своде законов» [1, с. 7]. Он указывает также, что были и попытки единовременного изложения с кафедр университетов законов в соответствующей последовательности. Данные попытки, к счастью, были редкими и не превратились в общее обязательное правило преподавания. Но сам факт подобных предложений свидетельствовал о глубоком кризисе правоведения, которого, по сути дела, не существовало в России того времени.

Таким образом, мнение этого реального свидетеля преподавания энциклопедии законоведения состоит в том, что эта дисциплина в России приняла форму преподавания законов Российской империи, с целью выхолостить из процесса преподавания все возможные начала правоведения и, соответственно, философии права. П.Г. Редкин, тем не менее, подчеркивал, что русская профессура, несмотря на эти ограничительные консервативные тенденции преподавания, никогда не реализовывала данный план буквально, вводя в свои курсы преподавание не только законов, но и общее содержание права.

В настоящей статье мы не будем подвергать сомнению историческую достоверность оценок уважаемого профессора, впоследствии ставшего ректором университета, где он читал эту лекцию. Но укажем лишь на то, что уже в 1835 году существовала утвержденная не только чиновниками от образования, но и самим Императором программа энциклопедии законоведения, обязательная для освоения претендентами на степень доктора законоведения. Испытаниям на предмет освоения этой программы подвергались юристы, прошедшие обучение за рубежом (как правило, в Германии, в Берлинском либо в Геттингемском университетах).

Если принять во внимание содержание этой программы, то, конечно, она далека от задачи изучения Свода законов, поскольку содержит теоретические положения догматического порядка, также как и способы изучения законов, принятые в то время. Сам Редкин указывает, что существовал учебник энциклопедии законоведения, который повторял указанную программу. Это учебник по энциклопедии законоведения К.А. Неволина. «Вот в этих-то программах была, между прочим, и программа энциклопедии законоведения. – писал профессор П.Г. Редкин, - Если любопытно вам знать ее содержание, то стоит только обратиться к сочинению профессора Неволина, которое есть не что иное, как выполнение этой самой программы» [1, с. 15].

По мнению автора настоящей статьи, концепцию энциклопедии законоведения К.А. Неволина нельзя рассматривать в качестве реализации государственного консервативного проекта, она органически вплетается в ткань правоведения своего времени, являясь в то же время развитием основных тенденций его эволюции. Изданная в 1837 году «Энциклопедия законоведения» этого выдающегося теоретика права была первым учебником по этой дисциплине в России. Помимо этого, следует указать и на то, что она явилась событием во всем юридическом мире, в том числе и в Западной Европе, в силу оригинальности этой концепции, предложенных автором решений многих проблем, в том числе и проблемы разграничения проблематики философии права и энциклопедии законоведения.

Указание на то, что энциклопедия законоведения включает общую и особенную части, первая из которых излагает основные понятия и представляет правовую догматику, а вторая посвящена освещению законоведческих дисциплин, в том числе философии права (философии законодательства), конечно, не раскрывает специфики как самой энциклопедии законоведения, так и ее концепции К.А. Неволина. Очевидно, что для выяснения особенности концепции К.А. Неволина необходимо ответить, по крайней мере, на три вопроса: во-первых, что такое энциклопедия законоведения, каков предмет этой дисциплины, претендует ли она на роль самостоятельной научной дисциплины или ограничивается изложением содержания иных дисциплин законоведения; во-вторых, каково соотношение догматического и специально-юридического содержания в структуре концепции; в-третьих, каково место философии права в структуре дисциплины.

Отвечая на первый вопрос, необходимо подчеркнуть, что, согласно К.А. Неволину, предметная область энциклопедии законоведения исчерпывается законом (законодательством). У этого теоретика она представляет собой не конгломерат юридических дисциплин в их беглом обзоре, а единство их проблематики. Так, поскольку предметом всех юридических дисциплин является закон, то и законоведение изучает именно закон, но она, рассматривая их в систематическом единстве, выделяет общее содержание, которое и составляет ее предмет. Поэтому энциклопедия законоведения представляет собой самостоятельную юридическую науку, изучающую и обобщающую те знания, которые добыты отраслевыми юридическими науками. Она является частью законоведения, а не ее поверхностным обзором, имеет свой предмет и свои задачи. Теоретик пишет: «В законах, прежде всего, представля-

ются рассмотрению его содержание (материя) и образ его изложения (форма). Законоведение обнимает и то, и другое… Закон, познанный и понятый, во-вторых, осуществляется и прилагается к различным делам жизни. Посему законоведение показывает способы к наилучшему осуществлению и приложению законов… Законоведение, в третьих, создает само себя как науку, непрерывно образующуюся; посему к двум означенным разрядам присоединяются науки, имеющие своим предметом изложить, как были обработаны закону ученым образом. Наконец, обзор всех наук законоведения в общей их связи представляет нам Энциклопедия Законоведения» [2, с.76].

По своему терминологическому происхождению «энциклопедия законоведения» представляет собой обзор наук, изучающих закон. Но Неволин далек от такого поверхностного понимания энциклопедии законоведения. То, что эта наука связана своим предметом со всеми законоведческими дисциплинами, еще не свидетельствует об ее абстрактности, в смысле поверхностного изложения их содержания. К.А. Неволин рассматривает энциклопедию законоведения гораздо глубже, подчеркивая, что она должна не только и не столько соединить юридические науки в системное целое, но выяснить то их общее основание, которое и составляет предмет энциклопедии законоведения и которое не является предметом ни одной из законоведческих дисциплин. «Энциклопедия законоведения есть обзор наук законоведения во всеобщей их связи, как со всем человеческим ведением, так и между собою. Энциклопедия законоведения есть теория науки законов, как одной из областей человеческого ведения, - учение о построении сей науки, о плане ее и о том, как сей план представляется выполненным или может быть выполнен в действительности, - наука, изображающая состав, строй, организм науки законов, единство ее, происхождение множества наук юридических из единства и восприятие их в единстве» [2, с. 1].

Таким образом, энциклопедия законоведения рассматривается как самостоятельная научная дисциплина, она является общей теорией законоведения, объясняющей закономерности в сфере происхождения и развития юридического знания. Из такого понимания специфики энциклопедии законоведения вытекает и решение проблемы соотношения догматического и специально-юридического содержания ее знания. То, что энциклопедия законоведения является общей теорией законоведения, означает особую роль, которую в ней играет догматическое содержание. Она призвана решить задачи по формулированию общих понятий, без которых невозможно решить задачи теоретического обоснования единства законоведения. Если обратиться к содержанию учебника К.А. Неволина «Энциклопедия законоведения», то данная задача решается в ее общей части, разъясняющей, что представляет собой закон в качестве предмета законоведения и то, как законоведение его изучает. Так, формируется концептуальный аппарат этой науки, выражающий специфику ее знания и, одновременно, являющийся частью ее методологии. Отвечая на этот вопрос, следует также отметить, что общая часть энциклопедии законоведения не может рассматриваться как введение к особенной ее части, по замыслу К.А. Неволина, она представляет собой важнейший элемент замкнутой системы знаний и в плане решения задач этой дисциплины занимает едва ли не основное место.

В контексте изучения концепции энциклопедии законоведения К.А. Неволина принципиально важное место занимает вопрос о ее соотношении с философией права. Собственно, философии права, как таковой, в структуре особенной части мы не находим, ее место занимает философия законодательства. Прежде всего, необходимо отметить, что реконструкция взглядов теоретика позволяет утверждать, что философия права и философия законоведения в его понимании не являются идентичными дисциплинами. Если предметом философии права является естественное право, то предметом философии законоведения является естественный закон. Это имеет принципиально важное значение по той причине, что закон рассматривается Неволиным в качестве предписания, охраняя права и обязанности, а право у него отождествляется с правдой (со справедливостью), которая присутствует в законе во внешнем выражении, определяя содержание прав и обязанностей. Философия правды, раскрывающая ее содержание, согласно теоретику, является особо важной наукой, которая не входит в состав законоведения. В состав законоведения входит философия законодательства (философия закона), рассматривающая его начала, определяемые разумом. Но в концепции К.А. Неволина энциклопедия законоведения включает не саму философию законодательства, а ее историю, обзор которой завершается рассмотрением ее современных представлений и задач, стоящих перед ней.

Рассмотрение понимания теоретиком специфики философии законодательства будет неполным без его оценки специфики этого знания в прошлом и определения ее перспективных задач. Он трактует эти задачи в исторически-позитивистском духе, полагая, что философия законоведения должна обратиться к изучению исторического опыта законодательства, что обогатит ее опыт, позволит преодолеть недостаток умозрительности. Он пишет: «Чтобы пополнить недостающее и достигнуть возможной степени совершенства, философия должна вступить в тесный союз с историей. История представляет нам такое множество законодательств, в самых разнообразных видах, такое множество форм жизни общественной, такое множество нравственных явлений, ято философии остается только этот

грубый материал очищать от разнородной примеси, и отделяя необходимое от случайного, общее от частного, принимать всеобщее и необходимое в свою систему» [2, с. 501].

В заключении статье следует вернуться к оценке «Энциклопедии законоведения» К.А. Неволина как реализации правительственного консервативного проекта в сфере юридического образования. Очевидно, что такая терминологическая переориентация, использование в названии термина «законоведение», а не «правоведение», может свидетельствовать об этом. Но очевидно также и то, что этим указанное участие и заканчивается. К.А. Неволин создал оригинальную концепцию энциклопедии законоведения, а работа, в которой она была обоснована, на долгие годы стала настольной книгой не только студентов-юристов, но и профессоров. Но основное значение этого произведения не в этом. Оно заключается в обосновании целого ряда идей, явившихся отправной точкой дальнейшего развития российского правоведения того времени. Прежде всего, речь идет о понимании энциклопедии права как общей теории законоведения, что следует рассматривать как осознание необходимости создания новой юридической науки, играющей методологическую роль в отношении других законоведческих дисциплин. То есть, К.А. Неволин понял необходимость создания фундаментальной правовой теории, отличной своим предметом и задачами от философии права.

Н.М. Коркунов, имя которого принято связывать с созданием общей теории права, отмечал, что такое общее теоретическое правовое знание зрело в энциклопедии права, некоторые варианты изложение которой, по сути дела, демонстрировали общетеоретический подход к праву. «…русский энциклопедист не может, по примеру немцев, сосредоточить своего внимания на одном гражданском праве; он не может свести свой курс к простому, предварительному, краткому изложению всего того, что другие преподаватели излагают подробно. При разнообразии преподаваемых предметов это сделало бы курс слишком разрозненным, слишком пестрым. Условия нашего университетского преподавания требуют от энциклопедиста действительно общего учения о праве, в полном значении этого слова» [3, с. 56-57]. Но Н.М. Коркунов не называет в числе юристов-теоретиков, предвосхитивших, по его мнению, общую теорию права К.А. Неволина. Ярким примером выражения этой закономерности эволюции теоретического правового знания является работа известного в свое время юриста М.Н. Капустина «Теория права: юридическая догматика» [4]. Автор этой работы видел свою задачу в разъяснении и определении системы юридических понятий в их системной связи, обусловленной логикой исследования и юридической практикой. Такое изложение энциклопедии права, по мнению теоретика, является свидетельством объективной тенденции становления новой науки – общей теории права.

Можно ли предположить, что Н.М. Коркунову не была известна работа К.А. Неволина «Энциклопедия законоведения»? Очевидно, нет. Возможно, недооценка творчества К.А. Неволина этим позитивистски ориентированным теоретиком права объясняется еще очевидным влиянием школы естественного права, точнее, философии права Гегеля, исторической школы права в лице учения Савиньи. Возможно, за этой теоретической оболочкой теоретик, боровшийся за новую общетеоретическую юридическую науку, преодолевающую методологические пороки как школы естественного права, так и школы позитивного права, не разглядел столь теоретически близких ему идей.

Список источников

1. Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. Вып. 1-7. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1889-1891. Т. 1.
2. Неволин К.А. Энциклопедия законоведения/ Полное собрание сочинений. СПб., 1857. Т.1.
3. Коркунов Н.М. Наука права и естествознание (Вступительная лекция к курсу энциклопедии права, читанная в Петербургском университете 30 ноября 1878 года). Сборник статей. СПб., 1898.
4. Капустин М.Н. Теория права: юридическая догматика. М., 1868 – 1869

References

1. Redkin P.G. From lectures on the history of philosophy of law in connection with the history of philosophy in general. Iss. 1-7. St. Petersburg. M. Stasyulevich, 1889-1891. Vol. 1. (In Russ.)
2. Nevolin K.A. Encyclopedia of Jurisprudence. SPb., 1857. Vol.1. (In Russ.)
3. Korkunov N.M. Science of Law and Natural Science (Introductory lecture to the course of the Encyclopedia of Law, read at St. Petersburg University on November 30, 1878). St. Petersburg, 1898.
4. Kapustin M.N. Theory of law: legal dogmatics. M., 1868 – 1869. (In Russ.)

Информация об авторе: Е. В.Сенковенко – аспирант
Information about the author: E.V. Senkovenko – post-graduate student
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.The author declares no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 14.02.2022; одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 14.02.2022; approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 27.04.2022

Научная статья
УДК 340

Роль медиаобразования в обеспечении медиабезопасности личности и государства

© А.Н. Сетраков, И.В. Абдурахманова, 2022

Александр Николаевич Сетраков[1], Ирина Вениаминовна Абдурахманова[2]
[1]Ростовский юридический университет МВД России, Ростов-на-Дону, Россия. aleksandr-maior@inbox.ru
[2]Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия. ira_rd@rambler.ru

Аннотация. Авторы актуализируют проблемы медиабезопасности в современных геополитических, экономических и цифровых реалиях, формулируя ее новые аспекты, нуждающиеся в комплексном, теоретико-правовом и формально-юридическом осмыслении. Особое внимание в статье уделено соотношению медиабезопасности и национальной безопасности в целом, а также анализу медиаобразования как направления государственной политики, направленной на эффективное противодействие целому спектру угроз государственному суверенитету и территориальной целостности. В статье сформулированные и обоснованы перспективные направления научного исследования проблем медиабезопасности и медиаобразования, исходя из переосмысления содержания, масштабов, потенциальных опасностей и деструктивных последствий медиаугроз.

Ключевые слова: медиаобразование, медиабезопасность, угрозы национальной безопасности, информационная безопасность, кибер угрозы

Для цитирования: Сетраков А.Н., Абдурахманова И.В. Роль медиаобразования в обеспечении медиабезопасности личности и государства // Наука и образование: хозяйство и экономика, предпринимательство; право и управление. 2022. № 5 (144). С.32-37

Original article

The role of media education in ensuring media security of the individual and the state

Alexander N. Setrakov[1], Irina V. Abdurakhmanova[2]
[1]Rostov Law University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia. aleksandr-maior@inbox.ru
[2]Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia. ira_rd@rambler.ru

Abstract. The authors actualize the problems of media security in modern geopolitical, economic and digital realities, formulating its new aspects that need a comprehensive theoretical and formal legal understanding. Special attention is paid to the correlation of media security and national security in general, as well as to the analysis of media education as a direction of the state policy aimed at effectively countering a whole range of threats to state sovereignty and territorial integrity. The article formulates and substantiates promising areas of scientific research on the problems of media security and media education, based on a rethinking of the content, scale, potential dangers and destructive consequences of media threats.

Keywords: media education, media security, threats to national security, information security, cyber threats

For citation: Setrakov A.N., Abdurakhmanova I.V. The role of media education in ensuring media security of the individual and the state. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No5 (144): 32-37 (In Russ.)

Проблемы, связанные с различными аспектами медиабезопасности, были актуальными на протяжении последних десяти лет. Причины столь повышенного внимания к этой сфере (причем, не только юристов, но и политтехнологов, программистов, специалистов по международному праву), различны. С одной стороны, эта категория рассматривалась в контексте жизненно важной для нашего государства потребности противостоять возрастающим угрозам безопасности личности, общества и государства, то есть как составная часть национальной безопасности. С другой – важным фактором актуализации проблем медиабезопасности стала цифровизация как мировой тренд. Она в значительной степени обусловила разработку моделей медиаобразования различных групп населения и их практическую реализацию для обеспечения потребностей цифровой экономики и информационного общества.

Исходя из интерпретации медиабезопасности как комплекса мер, направленных на противостояние соответствующим угрозам, понятие медиаугрозы приобрело особое значение для научного

осмысления данной проблемы интегративного характера. Этот вопрос приобрел в новых геополитических реалиях особое значение. Как показывают события, угрозы медиабезопасности – это не только те, которые исходят от недостоверной или опасной информации, причиняющей вред здоровью человека, его нравственности и личностному развитию. Это еще и более глобальные угрозы, связанные с деструктивными последствиями информационных войн, со стремлением переформатировать сознание общества, подменить систему исторически сложившихся ценностей и ориентиров, уничтожить не только национально-историческую идентичность, но и саму суверенную государственность.

Роль современных медиа, включая социальные сети, в геополитических процессах (преимущественно деструктивного характера) явно недооценена и нуждается в новых реалиях в радикальном переосмыслении с научной точки зрения. Она должна реализоваться в соответствующей политике государства, направленной на обеспечение медиабезопасности личности и общества, на эффективную защиту законных прав и интересов граждан.

Наряду с угрозами военно-техническими, информационные угрозы превратились в не менее, а вероятно, и в более деструктивное оружие, представляющее тотальную угрозу государственному суверенитету и территориальной целостности государства. Неслучайно в публицистике появился и стал широко применяться термин «Первая мировая цифровая война». Выявилась неэффективность применяемых государством средств регулирования данных правоотношений как в законодательном, идеологическом, так и техническом аспектах. Один из них – это политика в области медиаобразования, которое следует, с нашей точки зрения, рассматривать как одно из направлений противодействия медиаугрозам, как средство достижения соответствующих целей государства в этой сфере с учетом столь сложных геополитических, социальных и экономических реалий. Проблема соотношения медиабезопасности и медиаобразования нуждается в комплексном концептуальном осмыслении и воплощении в научно обоснованную долгосрочную государственную политику, включающую следующие составляющие: правовую, идеологическую, техническую, финансовую, педагогическую.

Рассмотрим имеющиеся в российской науке подходы к соотношению этих категорий и сформулируем наиболее значимые для нашего государства с практической точки зрения направления их дальнейшего изучения. Сложившееся еще в конце 20 века в рамках зарубежной и отечественной педагогической науки направление «Медиаобразование» отразило глобальную тенденцию формирования сначала информационной, а позже – цифровой реальности. Информационные и телекоммуникационные технологии, Интернет трансформировали многие сферы частной, профессиональной, общественно-политической жизни, включая и сферу коммуникации. В 90-е годы 20 столетия, когда эти новые реалии обозначились достаточно четко, медиаобразование стало неотъемлемой составляющей среднего образования во многих зарубежных странах. Речь шла о навыках анализа медиатекстов [1, с. 8]. Новые аспекты актуальности вопросов медиаобразования и медиабезопасности были обусловлены той ролью, которая стала отводиться образованию, в целом, и медиаобразованию, в частности, в обеспечении устойчивого развития государства и его конкурентноспособности на мировой арене [2].

Роль медиаобразования в противодействии новым угроза тоже нашла тогда отражение как в научных работах, так и в нормативных документах. Многие положения Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг. и Программы «Цифровая экономика Российской Федерации» от 28 июля 2017 г. непосредственно касались вопросов медиаобразования как приоритетного образовательного проекта [3].

Необходимость внедрения непрерывного медиаобразования в условиях информатизации и цифровизации констатировала Стратегии развития информационного общества [3]. В качестве стратегической цели документ называл формирование «общества знаний», в котором преобладающее значение для развития гражданина, экономики и государства имеют получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации.

Главную роль в формировании такого общества должны были сыграть инновационные образовательные технологии, формирующие медиакомпетенции и медиакультуру. Развитие медиаобразования должно опираться на закрепленные в Стратегии национальные приоритеты, к которым относится сфера образования, в целом, сфера инновационных образовательных технологий, в частности, а также формирование правосознания граждан и их ответственного отношения к использованию информационных технологий. Программа ««Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 года №1632-р, констатировала ряд проблем, связанных с недостаточным развитием и внедрением медиаобразования, с недостаточным развитой компетенцией граждан для использования телекоммуникационных систем. Медиаобразование в этой связи можно рассматривать в качестве средства преодоления целого комплекса подобных проблем. В научной литературе подчеркивается, что медиаобразование выступает «инструментом формирования информационно-правового пространства в системе электронной демократии» [4, с. 96]. Как отмечал Я.В. Антонов, пока большинство населения не принимает участия в проектах электронной демократии в

силу низкого уровня информационной культуры и недостаточно развитой медиакомпетентности. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. подчеркивает «низкую осведомленностью граждан в вопросах обеспечения личной информационной безопасности» [5]. Поскольку одним из основных критериев цифровизации является процент граждан, вовлеченных в формирование и использование цифровой среды и цифровых услуг, вопросы медиаобразования приобретают особую актуальность. Государство должно обеспечить реализацию соответствующих образовательных программ для обеспечения доступа граждан к цифровым технологиям, что делает возможным потребление онлайн контента в различных областях: досуг, финансовые операции, покупка товаров и услуг и т.д.

Вопросам медиаобразования посвящены и многочисленные научно-педагогические исследования отечественных и зарубежных авторов, которые содержат различные концептуальные подходы к определению медиаобразования, к его классификации. Широкое распространение в современной научной литературе получила ограниченная, с нашей точки зрения, трактовка медиаобразования как направления в педагогике. Это определение относится к началу 90-х годов, когда сама концепция медиаобразования только формировалась в отечественной педагогике и информатизация не имела столь масштабного влияния на жизнь человека, как мы наблюдаем это сегодня. Не вполне отражающим содержание медиаобразования можно считать и подход, в соответствии с которым оно трактуется как определенный компонент школьного и вузовского «формального образования».

Распространение получает более широкое понимание медиаобразования как развития навыков медиакоммуникации и соответственно навыков обеспечения своей медиабезопасности, рационально-критического анализа информации [7, с. 187-188].

Заслуживает внимания высказанное Н.В. Чичериной в ее докторской диссертации предложение рассматривать медиаобразование в следующих аспектах: 1) как самостоятельную отрасль в педагогической науке, которая занимается разработкой различных теоретических вопросов процесса обучения во взаимодействии с медиасредой; 2) как отдельную отрасль в сфере образования, содержательной стороной которой выступают знания о непосредственном функционировании средств массовой информации в современном социуме; 3) как практическую учебную и обучающую деятельность, которая направлена на формирование медиаграмотности; 4) как социально-образовательную деятельность, основная задача которой стоит в повышении медиаграмотности всех членов социума [9, с. 34]. Последнее представляется нам наиболее корректным и обоснованным.

Анализ медиаобразования предполагает выявление обширного перечня задач, которые оно должно решать на практике. В качестве таковых называют различные медианавыки и компетенции, однако про место медиабезопасности среди них практически не говорится, за исключением нескольких статьей.

Проведенный нами анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, проблемы медиаобразования вышли за рамки педагогической науки, приобретя интегративный характер. Они нуждаются в комплексном изучении, в том числе с точки зрения права и нормативного регулирования, поскольку любая форма образования получает нормативное закрепление и регламентацию в нормативно-правовых актах и документах долгосрочного развития государства. Необходимо изучать действующее законодательство об информационных правах граждан, об информационной и медиабезопасности с точки зрения оценки его эффективности, выявления пробелов и способов их преодоления.

Во-вторых, исходя из современных реалий, необходимо перенести акцент при разработке данных проблем с формирования соответствующих технических навыков и компетенций на идеологический, ментальный аспект. То есть уделить первоочередное внимание формированию навыков критического мышления и анализа информации в социальных сетях и иных медийных источниках. Другими словами, соотношение медиабезопасности и медиаобразования в широком смысле сегодня актуально как никогда и связано с вопросами обеспечения национальной безопасности в целом. В рамках интегративного анализа необходимо изучать теоретико-методологические аспекты медиабезопасности, роль медиаобразования в ее обеспечении, соотношение с информационной безопасностью как части национальной безопасности, роль медиаобразования в преодолении рисков и угроз информационной безопасности личности и общества. В качестве еще одного перспективного направления научного исследования необходимо назвать роль правового сознания в обеспечении медиабезопасности личности.

Определим содержание медиабезопасности, ее соотношение с информационной безопасностью и безопасностью в сети Интернет. По этому вопросу в научной литературе высказываются различные точки зрения. Первый подход рассматривает информационную безопасность как состояние защищенности информационных ресурсов и прав личности и общества в информационной сфере. Второй – как процесс обеспечения конфиденциальности, целостности и доступности информации. Третий – включает в это понятие «все аспекты, связанные с определением, достижением и поддержанием конфи-

денциальности, целостности, доступности, достоверности информации и средств ее обработки» [10]. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации определяет информационную безопасность как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз» [5].

Из этого определения вытекает вывод о неразрывной связи информационной безопасности личности, общества и государства. Поэтому не согласимся с мнением, что медиабезопасность – это «один из видов безопасности современного человека, живущего в атмосфере постоянных природных и техногенных рисков». Личная безопасность в сети Интернет связана с общественной и государственной медиабезопасностью. Изучение нормативных документов позволяет сделать вывод о том, что медиабезопасность является частью информационной безопасности, которая включает в себя безопасность в сети Интернет. Поэтому медиабезопасность можно определить, во-первых, как состояние защищенности личности, общества и государства от медиаугроз, исходящих от медиапространства. Во-вторых, это еще и деятельность государства по обеспечению информационной безопасности граждан и общества, защите физического, умственного и нравственного развития, а также человеческого достоинства во всех аудиовизуальных медиа-услугах и электронных СМИ. Деятельность государства в этом направлении имеет разные формы, одной из которых является развитие медиаобразования, а с другой – защита человека и общества от медиаугроз соответствующими нормативно-правовыми актами, включая уголовное законодательство.

Анализу угроз информационной безопасности отведено значительное место в Доктрине информационной безопасности. В документе подчеркивается масштабное использование специальными службами отдельных государств средств оказания информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации и приводящего к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности [5]. Речь идет о так называемых «информационных войнах», цель которых состоит в переформатировании сознания общества, в стирании исторической памяти, в подмене исторически сложившейся системы ценностей, что само по себе уже угрожает не только прогрессивному развитию, но и самому суверенному существованию нации. К сожалению, сегодня мы наблюдаем проявление этих деструктивных форм воздействия на сознание граждан в реальности.

Большинство угроз, названных в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, являются угрозами безопасности в сети Интернет. Однако особенности функционирования самой сети, например принципы конвергенции, иерархичности, децентрализации, экстерриториальности, придают их воздействию особо деструктивный характер.

Основой медиаграмотности личности, позволяющей противостоять деструктивному информационному воздействию в медиапространстве, является ее способность и навыки критического восприятия и анализа различных информационных потоков, опирающихся на соответствующий уровень правовой культуры и правового сознания. В этой связи использование термина «информационно-правовая культура» вполне обоснованно, с нашей точки зрения. Еще в 1995 г. правовое воспитания было названо в качестве одного из главных элементов концепции правовой реформы. Логическим продолжением этой государственной политики, направленной на формирование и развитие правового сознания граждан, стало утверждение в 2011 году Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, разработанных Министерством юстиции Российской Федерации. Правовое воспитание предполагает воспитание уважения к собственным политическим историческим традициям, к своему государству, власти. Высокий уровень правовой культуры, уважение к закону, к основам конституционного строя и к демократическим традициям, гражданская позиция способствуют критическому восприятию информации и преодолению угроз в медиапространстве, противостоянию фейковой информации, которая может привнести социальную дезинтеграцию, социальные протесты, свержение режимов, активизацию противоправных действий. Помимо способности критического анализа и восприятия информационных потоков медиаграмотность как результат медиаобразования личности предполагает и навыки оказывать воздействие на аудиторию, аргументируя собственную позицию. То есть уровень медиаобразования является не только залогом медиабезопасности, и но и мощным средством формирования медиапространства.

Сегодня очевидно, что политика медиаобразования нуждается в пересмотре. В новых реалиях уже были внесены соответствующие поправки в уголовное законодательство, однако, очевидно, что этот процесс будет продолжен в ближайшее время. Уголовный кодекс РФ 1996 г. И в предыдущий период вносил значительный вклад в обеспечение медиабезопасности личности, общества и государства, предусматривая уголовную ответственность за совершение компьютерных преступлений (28 главе кодекса «Преступления в сфере компьютерной информации»). Федеральным законом от 26 июля 2017г. №194-ФЗ была введена новая статья в кодекс 274.1, предусматривающая ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской

Федерации. Ряд статей УК предусматривают уголовную ответственность за преступления не в сфере информации, но совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

Итак, медиабезопасность, включающая в себя безопасность в сети Интернет, является частью национальной безопасности. Задача государства на современном этапе состоит в том, чтобы обеспечить защищенность личности, общества и государства от подобных угроз не только технически и не только юридически, устанавливая ответственность за совершение противоправных действий против медиабезопасности, но и путем эффективного медиаобразования граждан. Основой медиаграмотности личности, позволяющей противостоять деструктивному информационному воздействию в медиапространстве, является ее способность и навыки критического восприятия и анализа различных информационных потоков, опирающихся на соответствующий уровень правовой культуры и правового сознания. Таким образом, она обеспечивает не только медиабезопасность личности, но и общества, и государства.

Угрозы медиабезопасности – это глобальные угрозы, связанные с деструктивными последствиями информационных войн, со стремлением переформатировать сознание общества, подменить систему исторически сложившихся ценностей и ориентиров, уничтожить национально-историческую идентичность, что может привести к утрате государственного суверенитета. Полагаем, что эти угрозы выходят за рамки цифровой информационной сферы и имеют глобальный характер. Их можно назвать системообразующими, поскольку могут нанести ущерб всем без исключения сферам безопасности личности, общества, государства. Как показывает геополитическая ситуация, эти угрозы нуждаются в переосмыслении и комплексном анализе, чтобы на его основе разработать эффективные, адекватные имеющимся технологиям и масштабу данных угроз меры противодействия на долгосрочную перспективу.

Список источников

1. Федоров А. В. Медиаобразование в системе образования // Интеграция медиаобразования, правового просвещения и правовой информатизации в условиях современной школы. М.: Просвещение, 2018. С. 7–26.

2. Стратегия научно–технологического развития Российской Федерации от 01.12.2016 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 49. Ст. 6887.

3.Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг. от 09.05.2017 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 32. Ст. 232.

4. Антонов Я. Медиаобразование как инструмент формирования информационно–правового пространства в системе электронной демократии // Медиаобразование. 2017. № 1. С. 75–97.

5. Указ Президента РФ «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» от 05.05.2016. № 646 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.

6. Концепция долгосрочного социально–экономического развития Российской Федерации до 2020 г. от 17.11.2008 // Собрание законодательства РФ. 2008. № 46. Ст. 56.

7. Короченский А.П. Пятая власть? Медиакритика в теории и практике журналистики. Ростов-на-Дону, 2003. 284 с.

8. Короченский А.П. Мировая журналистика: история, теория, практика. Белгород, 2015. 240 с.

9. Чичерина Н.В. Концепция формирования медиаграмотности у студентов языковых факультетов на основе иноязычных медиатекстов: Дис. … д. п. н. СПб., 2008. 470 с.

10. Быкадорова А., Шаповалова Е. Медиабезопасность как актуальное направление медиаобразовательной деятельности // URL: https://cyberleninka.ru

11. Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389105/

References

1. Fedorov A.V. Media education in the education system. *Integration of media education, legal education and legal informatization in the conditions of a modern school*. M.: Prosveshchenie, 2018: 7-26. (In Russ.)

2. Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation from 01.12.2016. *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2016. No. 49. Art. 6887. (In Russ.)

3. Strategy of development of information society in the Russian Federation for 2017-2030 from 09.05.2017. *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2017. No. 32. Art. 232. (In Russ.)

4. Antonov Ya. Media education as a tool for the formation of information and legal space in the system of electronic democracy. *Media education*. 2017. No. 1: 75-97. (In Russ.)

5. Decree of the President of the Russian Federation "On approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation" dated 05.05.2016. No. 646. *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2016. No. 50. Art. 7074. (In Russ.)

6. The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation until 2020 dated 17.11.2008. *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2008. No. 46. Art. 56. (In Russ.)

7. Korochensky A.P. The fifth power? Media criticism in the theory and practice of journalism. Rostov-on-Don, 2003. 284 p. (In Russ.)

8. Korochensky A.P. World journalism: history, theory, practice. Belgorod, 2015. 240 p. (In Russ.)

9. Chicherina N.V. The concept of media literacy formation among students of language faculties on the basis of foreign-language media texts: Dis. Doctor of Pedagogical Sciences. SPb., 2008. (In Russ.)

10. Bykadorova A., Shapovalova E. Media security as an actual direction of media educational activity. (Electronic resource). https://cyberleninka.ru. (Accessed 11 июня 2019). (In Russ).

11. Federal Law "On the protection of children from information harmful to their health and development" dated 29.12.2010.http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389105 /

Информация об авторах

А.Н. Сетраков – начальник кафедры специальных дисциплин

И.В. Абдурахманова – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права

Information about the authors

A.N. Setrakov - Head of the Department of Special Disciplines

I.V. Abdurakhmanova - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.04.2022; одобрена после рецензирования 18.04.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 03.04.2022; approved after reviewing 18.04.2022; accepted for publication 27.04.2022

Конституционное право

Научная статья
УДК 342.4

Взгляд конституционалистов на поправки к конституции Российской Федерации

© Х.В. Гаджиева, З.Н. Омарова, 2022

Гаджиева Халисат Валерьевна[1], Омарова Зухра Нартбиевна[2]
[1,2] Северо-Кавказский институт (филиал), ВГУЮ (РПА Минюста России), Махачкала, Россия
[1] Xalisat.gadzhieva.83@bk.ru
[2] zarema_omarova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются мнения конституционалистов России на поправки, внесенные в Конституцию РФ 2020 года. Целью исследования выступают анализ и оценка некоторых поправок. Результатом исследования является формулирование выводов о том, что конституционные поправки стали закономерной необходимостью совершенствования конституционного строительства Российского государства, общественно-политической и социальной сфер.

Ключевые слова: поправки в Конституцию РФ, Президент России, внешнеполитические задачи, полномочия главы государства, суверенитет государства, общероссийское голосование

Для цитирования: Гаджиева Х.В., Омарова З.Н. Взгляд конституционалистов на поправки к конституции Российской Федерации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 6 (145). С.38-42

Constitutional law

Original article

The constitutionalists' view on the amendments to the constitution of the Russian Federation

Halisat V. Gadzhieva[1], Zukhra N. Omarova[2]
[1,2] North-Caucasian Institute (Branch) of Russian State University of Justice in Makhachkala, Makhachkala, Russia.
[1] Xalisat.gadzhieva.83@bk.ru
[2] zarema_omarova@mail.ru

Abstract. The article examines the views of the constitutionalists of Russia on the amendments made to the Constitution of the Russian Federation in 2020. The study is aimed at analyzing and evaluating some of the amendments. The result of the study is the formulation of conclusions that the constitutional amendments have become a natural necessity to improve the constitutional construction of the Russian state, socio-political and social spheres.

Keywords: amendments to the Constitution of the Russian Federation, President of Russia, foreign policy tasks, powers of the head of state, state sovereignty, nationwide voting

For citation: Gadzhieva H.V., Omarova Z.N. The constitutionalists' view on the amendments to the constitution of the Russian Federation. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2022. No 6 (145):38-42 (In Russ.)

Конституция Российской Федерации является фундаментом правового и общественного развития нашей страны. Однако на протяжении последних десяти лет ученые-конституционалисты заявляли о том, что действующая Конституция РФ уже не отвечает реалиям времени и ее необходимо заменить, в том числе в связи с размытостью многих формулировок статей. Вследствие этого вопрос о внесенных поправках в Конституцию России является одним из самых актуальных вопросов в настоящее время.

Среди основных поправок, закрепленных в Конституции России, можно назвать следующие: о признании России правопреемником Советского Союза на своей территории, приоритет Конституции РФ над международным правом на территории страны, ужесточение требований к кандидатам на президентский пост, запрет для представителей власти иметь иностранное гражданство или иностранный вид на жительство, социальные гарантии, принципы единой системы власти и другие.

Широкое обсуждение поправок к Конституции РФ стало поводом обратиться к трудам известных конституционалистов и, прежде всего, С.А. Авакьяна, в которых они размышляют о реформировании Конституции, перспективах конституционно-политического развития России.

Прежде всего, рассмотрим мнения ученых о необходимости внесения поправок в действующую Конституцию, ведь содержание некоторых из них можно было урегулировать в текущем законодательстве. Подчеркнем, что ряд ученых выступает за незыблемость Конституции РФ, утверждая, что поправки в Конституцию могут привести российское общество к новым потрясениям. Конституция, как считают противники ее изменения, оставаясь неизменной, является гарантией стабильности государственного и общественного строя России. С.А. Авакьян по этому поводу замечает: «Все бы ничего, но как-то не учитывается, что в этом случае имеет место размывание конституционной основы нашей жизни; не будем забывать и о том, что Конституцию принимал народ, а приноровление ее правил к обновляющимся условиям жизни производит узкий круг законодателей и конституционных судей» [4, с. 146].

Проанализируем размышления ученых-конституционалистов на некоторые поправки, внесенные в Конституцию. Наибольшие изменения коснулись полномочий федеральных органов власти. Вызывают интерес поправки, внесенные в главу 4 Конституции, посвященную Президенту РФ, которые не только расширяют его полномочия в отношении федеральных органов власти, но и уточняют место главы государства в системе власти. Как представляется, поправки к главам 4–7 подтверждают то, что Россия является президентской республикой, а также усиливают институт президентской власти, ограничивая его лишь возможностью долгосрочного персонального удержания президентской власти одним лицом за счет ограничения пребывания в должности главы государства только двумя сроками.

В поправках к Конституции следует обратить внимание на положения статьи ст. 67, касающиеся внешнеполитических задач: о защите суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, запрете всяческих действий, направленных на отчуждение ее территорий. Данные поправки вызваны необходимостью укрепления национальной безопасности. В связи с этим С.А. Авакьян писал: «Внешнеполитический аспект мы видим как в усилении роли России как в международных и межгосударственных отношениях, так и в укреплении безопасности страны – во всех аспектах этого понятия» [5, с. 84]. Хотелось бы отметить, в первую очередь, что, по мнению ученых, поправки о целостности и суверенитете Российского государства, о создании федеральных территорий еще в большей степени способствуют укреплению верховенства российской власти над своей территорией и упрочением позиций федеральной власти в решении большинства вопросов [6, с. 65]. Несомненно, что суверенитет государства – это основа его существования и развития в будущем, его необходимо защищать и укреплять. Как полагает А.С. Сизова, с которой следует согласиться, поправка в Конституцию РФ про ее приоритет над международным правом направлена именно на то, чтобы укрепить государственность России. На ее территории должно быть главенствующим именно внутреннее право, устанавливающее национальные постулаты и традиции общественного устройства и ведения [11, с. 114]. Также в статью 67 добавлено понятие федеральных территорий. Они могут быть созданы в России федеральным законом, этим документом определяется и порядок управления такими территориями.

По мнению А.С. Сизовой, важным дополнением является указание на культурное наследие Российской Федерации, которое ей надо сохранять и поддерживать, и не только путем государственного управления, но и всем российским народом, всей нацией. В статье 67.1 (ч. 2) заложено одно из ключевых положений в новой редакции российской Конституции – о признании исторически сложившегося государственного единства. На важность этой поправки обращает внимание профессор Т.Н. Михеева [9, с. 22].

Существенными являются и поправки, касающиеся подрастающего поколения. В части 4 статьи 67.1 делается акцент на то, что дети – это приоритетное направление государственной политики России. Как полагают ученые, «немаловажно сохранить преемственность поколений, обеспечить будущим поколениям веру в то, что Россия – это супердержава и, самое главное, родная страна, которая всесторонне заботится об их дальнейшем развитии и жизненном благополучии» [11, с. 114].

Большинство поправок в Конституцию касаются вопросов организации публичной власти, то есть единой системы государственной и муниципальной власти. Так, ученые-конституционалисты, в частности В.Е. Чиркин и другие, говорили о необходимости создания целостной концепции публичной власти в государстве [15, с. 20]. Г.Н. Чеботарев полагает, что надо преодолеть конституционное регулирование разрыва между государственным и муниципальным уровнями власти [14, с. 21]. С.А. Авакьян считает, что «власть местного самоуправления, которая согласно Конституции Российской Федерации отделена от государственной власти, но взаимодействует с нею, использует различные средства привлечения населения к выработке, принятию и реализации решений по управлению жизнью соответствующих территорий» [2]. Он пишет: «В чем же состоит различие государственной власти и власти местного самоуправления как форм публичной власти? Несколько странно предполагать, что до какого-то уровня вниз идет государственная власть, а далее начинается власть местного самоуправления, причем отделенная от государственной власти» [1, с. 53]. Д.С. Михеев подчеркивает, что оба уровня власти

должны базироваться на единых принципах, так как согласно ст. 3 Конституции РФ источником власти является народ, и местное самоуправление также главным носителем властных полномочий определяет население [8, с. 120]. По мнению Т.Н. Михеевой, два властных уровня не могут не взаимодействовать, решая, по сути, важнейшие вопросы жизнеобеспечения людей в рамках государства [9, с. 20]. Однако, с точки зрения проф. И.В. Упорова, конституционные поправки 2020 г., касающиеся публичной власти, «имеют неоднозначный характер, в том числе в части корректировки соотношения органов государственной власти и органов местного самоуправления» [13, с. 42]. Таким образом, мы видим, что большинство ученых поддерживают данную поправку.

Касательно поправок, гарантирующих обеспечение доступной и качественной медицинской помощи (ст. 72, п. «ж»), С.С. Патюлин, с которым мы полностью согласны, замечает, что «стремление конституционного законодателя улучшить систему здравоохранения и создать наилучшие условия реализации права на охрану здоровья и медицинскую помощь, безусловно, заслуживают поддержки» [10, с. 80]. Думается, это связано, в том числе, и с пандемией, объявленной в связи с коронавирусом, и опасением не получить медицинскую помощь в полном объеме. Эти поправки, как полагает автор, призваны повысить доверие между государством и гражданами.

Наибольшую поддержку населения и ученых-конституционалистов вызвали социальные поправки: об укреплении семейных ценностей и защите «института брака как союза мужчины и женщины, создании условий для достойного воспитания детей в семье (ст. 72, п. ж), об установлении оплаты труда на уровне не менее прожиточного минимума и об индексации пенсий не реже одного раза в год, о ежегодной индексации социальных пособий» (ст. 75, пп. 5, 6, 7). Как представляется, эти поправки свидетельствует о том, что государство вышло на новый уровень своего развития и стремится улучшить жизнь российских граждан. Например, в статье 75.1, которой раньше не было, сказано, что в России создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение труда человека, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность.

Относительно поправок об установлении минимального размера оплаты труда не ниже прожиточного минимума, а также закрепления порядка индексации пенсий, социальных пособий, обязательного социального страхования, нужно отметить следующее. Закрепление размера минимальной оплаты труда с уровнем прожиточного минимума необходимо, так как нельзя допустить, чтобы граждане трудились на такой работе, где они не имели бы возможности обеспечить себя минимальным набором продуктов питания. Однако в настоящее время в России прожиточный минимум не соответствует реальному положению дел по возможности обеспечения нужд человека на месяц. В эту сумму, думается, следует включить еще и другие насущные потребности человека, как материального, так и духовного плана. Также надо отметить, что, по мнению С.С. Патюлина, отсылочный характер предлагаемых в ч. 5 и 6 статьи 75 конституционных новелл, касающихся индексации пенсий, социальных пособий и иных социальных выплат, вызывает вопросы о том, каким законом надо руководствоваться законом и о периодичности индексации, категориях лиц, в отношении которых она будет применяться, исчислении ее размера, порядке начисления и т.д. [10, с. 79]. Подчеркнем, что для исполнения данных народу обещаний необходимо реализовать их на должном уровне, что будет весьма непросто в силу экономических причин, характерных для нашей страны. Поэтому, как полагает А.С. Сизова, с которой следует согласиться, «работу над данным вопросом нельзя считать законченной, следует продолжать совершенствовать механизм определения и установления прожиточного минимума, чтобы он стал удовлетворяющим потребности для обеспечения достойного благосостояния человека в нашей стране» [11, с. 113].

Далее скажем о поправках, внесенных в статьи 83–89 Конституции России, где закрепляются полномочия главы государства, большинство которых осуществляется и оформляется с помощью нормотворчества: Президент РФ издает нормативные правовые и правовые акты, указы и распоряжения, обязательные для исполнения на всей территории страны и установлены ограничения: они не должны противоречить Конституции РФ, федеральным законам [1, с. 47].

В Конституцию включена новая статья, посвященная правам Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение полномочий, – ст. 92.1. Уточнена поправками и процедура отрешения президента от должности и лишения неприкосновенности президента, прекратившего исполнение полномочий. Согласно поправкам значительно расширились полномочия Президента и законодательной ветви власти в их влиянии на судебную ветвь.

Системообразующим изменением в Конституции РФ надо признать дополнение о запрете должностным лицам иметь иностранное гражданство и зарубежные счета. В ряд статей внесены поправки, предусматривающие новые ограничения для высших должностных лиц: требование постоянно проживать в России; запрет иметь иностранное гражданство, вид на жительство или другой документ, даю-

щий право на постоянное проживание на территории другого государства; запрет открывать и иметь счета, хранить деньги и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами России. Такие поправки можно назвать достаточно актуальными для нашей страны в современный период времени.

Следует обратить внимание и на процедуру принятия поправок общероссийским голосованием. Хотя конституционные изменения не затрагивают основ конституционного строя, прав и свобод граждан и было бы достаточно их принятие федеральным законом и одобрения органами законодательной власти не менее двух третей субъектов Федерации, В.В. Путин подчеркнул в Послании Федеральному Собранию необходимость вступления в силу конституционных обновлений лишь после голосования граждан страны. С.А. Авакьян подчеркнул, что законодатель должен сделать население своим союзником как при принятии акта, так и его проведении в жизнь. Наиболее важные конституционные реформы следует проводить посредством всенародного референдума [3, с. 142].

В заключение можно сделать следующие выводы. В 2020 году были внесены поправки в Конституцию РФ по нескольким направлениям: затронут и суверенитет РФ, и экономическая сторона общественной жизни, культура и семейные ценности. Из анализа поправок, внесенных в Конституцию РФ, видно, что их принятие следует считать обоснованным. Актуальность многих поправок, по мнению ученых-конституционалистов, является неоспоримой.

Конституционные поправки стали закономерной необходимостью совершенствования конституционных основ развития экономики, государственной организации России, общественно-политической и социальной сфер. На основе принятых поправок в Конституцию РФ, утверждают ученые-конституционалисты, произошел существенный пересмотр всех составляющих национальной безопасности, что позволит в будущем более конкретно определить ее содержание.

Список источников

1. Авакьян С.А. Политические отношения и конституционное регулирование в современной России: проблемы и перспективы // Журнал рос. права. 2003. № 11. С. 43–54.
2. Авакьян С.А. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. М., 2015.
3. Авакьян С.А. Конституционное реформирование посредством подконституционных актов: проблемы и решения / Конституционное право России: избр. ст. 2010–2016. Махачкала: Изд-во ДГУ, М.: Изд-во «Проспект», 2016. С. 132–145.
4. Авакьян С.А. Нужна ли конституционная реформа в России? / Конституционное право России: избр. ст. 2010–2016. Махачкала: Изд-во ДГУ; М.: Изд-во «Проспект», 2016. С. 145–163.
5. Авакьян С.А. Некоторые мысли о состоянии и перспективах конституционно-политического развития России / Конституционное право России: избр. ст. 2010–2016. Махачкала: Изд-во ДГУ; М.: Изд-во «Проспект», 2016. С. 84–99.
6. Ильин И.М., Козлов В.Н. Поправки к Конституции России, их роль и значение в вопросе укрепления системы национальной безопасности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 9 (124). С. 62–65.
7. Комарова В.В. Конституционная реформа 2020 г. в России (некоторые аспекты) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 8 (117). С. 22–31.
8. Михеев Д.С., Михеева Т.Н. Роль гласности в осуществлении общественного контроля на муниципальном уровне // Вестник Российского университета кооперации. 2016. № 1 (23). С. 120–23.
9. Михеева Т.Н. Взгляд конституционалистов на поправки в конституцию России // Образование и право. 2020. № 5. С. 19–22.
10. Патюлин Г.С. Поправки 2020 года в конституцию российской федерации. К вопросу о гарантиях социальных прав граждан России // Право и государство: теория и практика. 2020. № 3 (183). С. 79–81.
11. Сизова А.С., Галкина А.В. К вопросу о поправках в Конституцию Российской Федерации // Ученые записки. 2020. № 3 (35). С. 112–116.
12. Спивак П. Править Конституцию оказалось не просто... // URL: https://stihi.ru/2020/02/01/7559
13. Упоров И.В. Государственная власть и местное самоуправление в конституционных поправках: проблемы остаются // Дневник науки. 2020. № 6 (42). С. 42–45.
14. Чеботарев Г.Н. Как укрепить единую систему публичной власти? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 19–23.
15. Чиркин В.Е. Современность и публичная власть // Конституционная теория и практика публичной власти: закономерности и отклонения: сб. материалов междунар. науч. конф. / отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2015. С. 18–20.

References

1. Avakian S.A. Political relations and constitutional regulation in modern Russia: problems and prospects. *Journal of Russian Law*. 2003. No. 11: 43-54. (In Russ.)

2. Avakian S.A. Constitutional lexicon: state-legal terminological dictionary. M., 2015. (In Russ.)

3. Avakian S.A. Constitutional reformation by means of unconstitutional acts: problems and solutions. *Constitutional law of Russia: elected articles 2010-2016*. Makhachkala: Publishing House of DSU, Moscow: Publishing House "Prospect", 2016: 132-145. (In Russ.)

4. Avakyan S.A. Is constitutional reform necessary in Russia? *Constitutional Law of Russia: elected articles 2010-2016*. Makhachkala: Publishing House of DSU; Moscow: Publishing house "Prospect", 2016: 145-163. (In Russ.)

5. Avakian S.A. Some thoughts on the state and prospects of constitutional and political development of Russia. *Constitutional law of Russia: election of art. 2010-2016*. Makhachkala: Publishing House of DSU; Moscow: Publishing House "Prospect", 2016: 84-99. (In Russ.)

6. Ilyin I.M., Kozlov V.N. Amendments to the Constitution of Russia, their role and significance in strengthening the national security system. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2020. No. 9 (124):62-65. (In Russ.)

7. Komarova V.V. Constitutional reform 2020 in Russia (some aspects). *Current problems of Russian law*. 2020. Vol. 15. No. 8 (117):22-31. (In Russ.)

8. Mikheev D.S., Mikheeva T.N. The role of the publicin the implementation of public control at the municipal level. *Bulletin of the Russian University of Cooperation*. 2016. No. 1 (23):120-23. (In Russ.)

9. Mikheeva T.N. The view of constitutionalists on amendments to the Constitution of Russia. *Education and Law*. 2020. No. 5: 19-22. (In Russ.)

10. Patyulin G.S. Amendments of 2020 to the Constitution of the Russian Federation. On the issue of guarantees of social rights of Russian citizens. *Law and the State: theory and practice*. 2020. No. 3 (183):79-81. (In Russ.)

11. Sizova A.S., Galkina A.V. On the issue of amendments to the Constitution of the Russian Federation. *Scientific Notes*. 2020. No. 3 (35):112-116.

12. Spivak P. It was not easy to edit the Constitution... https://stihi.ru/2020/02/01/7559

13. Uporov I.V. State power and local self-government in constitutional amendments: problems remain. *Diary of Science*. 2020. No. 6 (42):42-45. (In Russ.)

14. Chebotarev G.N. How to strengthen the unified system of public power? *Constitutional and Municipal Law*. 2020. No. 3: 19-23. (In Russ.)

15. Chirkin V.E. Modernity and public power. *Constitutional theory and practice of public power: patterns and deviations*: collection of materials of the International Scientific Conference / ed. S.A. Avakian. M.: Justicinform, 2015: 18-20. (In Russ.)

Информация об авторах

Х.В. Гаджиева – доцент кафедры конституционного (государственного) и административного права, кандидат юридических наук

З.Н. Омарова – доцент кафедры конституционного (государственного) и административного права, кандидат юридических наук

Information about the authors

H.V. Gadzhieva – Associate Professor, Department of constitutional (state) administrative law, Candidate of Law

Z.N. Omarova – Associate Professor, Department of constitutional (state) administrative law, Candidate of Law

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.04.2022; одобрена после рецензирования 22.04.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 02.04.2022; approved after reviewing 22.04.2022; accepted for publication 27.04.2022

Научная статья
УДК 342

Амнистия: конституционно-правовой опыт реализации в России и Таджикистане

© М.В. Мархгейм, Дж.З. Артыков, 2022

Марина Васильевна Мархгейм [1], ***Джафар Зафаржонович Артыков*** [2]
[1,2] Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
[1] markheim@bsu.edu.ru
[2] 1587746@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье на основе научных и правовых источников рассмотрена амнистия с конституционно-правовых позиций в контексте гуманистических идей с учетом соответствующей практики России и Таджикистана. В данных странах амнистия: конституирована в контексте полномочий соответствующей палаты бикамерального парламента; мотивируется не только гуманистическими соображениями, но и значимыми государственными событиями; оформляется актами различной правовой силы (в России – постановлением Государственной Думы, в Таджикистане – законом); адресуется аналогичным группам лиц по усмотрению соответствующей палаты парламента. Сделан вывод, что амнистия относится к явлениям не просто государственно-правовым, но конституционным, что позволяет ее разрабатывать с позиции субъективного права.

Ключевые слова: конституция, амнистия, гуманизм, права и свободы, закон, парламент, реализация

Для цитирования: Мархгейм М.В., Артыков Д.З. Амнистия: конституционно-правовой опыт реализации в России и Таджикистане // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 5(144). С.43-49

Original article

Amnesty: constitutional-law experience of implementation in Russia and Tajikistan

Marina V. Markhgeym [1], ***Jafar Z. Artykov*** [2]
[1,2] Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia
[1] markheim@bsu.edu.ru
[2] 1587746@bsu.edu.ru

Abstract. Based on scientific and legal sources, the article examines amnesty from constitutional-law positions in the context of humanistic ideas, taking into account the relevant practice of Russia and Tajikistan. In these countries, amnesty is: constituted in the context of the powers of the relevant chamber of the bicameral parliament; motivated not only by humanistic considerations, but also by significant state events; formalized by acts of various legal force (in Russia – by a resolution of the State Duma, in Tajikistan - by law); it is addressed to similar groups of persons at the discretion of the relevant chamber of Parliament. It is concluded that amnesty refers to phenomena not just state-legal, but constitutional, which allows it to be developed from the position of subjective law.

Keywords: constitution, amnesty, humanism, rights and freedoms, law, parliament, implementation

For citation: Markhgeym M.V., Artykov J.Z. Amnesty: constitutional-law experience of implementation in Russia and Tajikistan. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No5 (144):43-49 (In Russ.)

Введение

Амнистия как конституционно предусмотренное полномочие, адресованное соответствующему публичному органу (как правило, парламенту или его палате), традиционно понимается как легальный инициируемый им способ полного или частичного освобождения лица, преступившего закон, от уголовной ответственности или смягчения ее.

В современной юридической науке наряду с продолжающейся разработкой амнистии в качестве основания освобождения от уголовной ответственности [1] амнистия исследуется, например, с позиции ее исторического развития [2] и роли в социально-правовой сфере общества [3], в связи с помилованием [4], правами ad hoc [5] и принципом справедливости [6].

Поскольку формализованного определения амнистии нет, складываются ее новые смысловые сопряжения, как то: административная амнистия [7], миграционная амнистия [8], налоговая амнистия

[9], дачная амнистия [10], амнистия капитала [11], гаражная амнистия [12] и др. Такие подходы позволяют расширить представления о сущности и предназначении амнистии.

Этим же целям служит рассмотрение амнистии с конституционно-правовых позиций в контексте гуманистических идей и прав человека, основанное на научных, конституционных и законодательных источниках с учетом практики России и Таджикистана – стран, имеющих общий опыт государственного строительства в советский период и современные конституционные отличия, в том числе касающиеся амнистии. Помимо этого, на выборе стран для сопоставления их конституционных суверенных решений по поводу амнистии сказались присущий им бикамерализм и гражданства соавторов.

Амнистия: научные трактовки и юридические ипостаси

Исходно отметим, что амнистия в отсутствие легального определения интерпретируется поразному. Чаще всего амнистия (от греческого amnestia – забвение, прощение) трактуется как «полное или частичное освобождение от уголовной ответственности или наказания индивидуально неопределенного круга лиц, совершивших преступления, либо замена этим лицам назначенного судом наказания более мягким, либо сокращение срока наказания. С лиц, отбывших наказание, актом об А. может быть снята судимость» [13, с. 21-22].

Рассматривая амнистию как акт гуманизма, необходимо исходить из того, что каждый человек обладает конституционными правами и свободами, постольку на него распространяются принципы недопустимости дискриминации по любому основанию и недопустимости произвольного ограничения прав и свобод. Суть амнистии заключается в полном или частичном освобождении от наказания, замене наказания более мягким или в прекращении уголовного преследования.

В своей работе «Право амнистии» П.И. Люблинский определял амнистию как «акт верховной государственной власти, предписывающий прекращение судебных и административных действий, направленных к применению мер репрессии, по отношению к известной категории воспрещенных деяний и издаваемый ради достижения каких-либо более высоких задач государственного властвования» [14, с. 137]. Акцент на мотивах амнистии – «ради достижении каких-либо более высоких задач государственного властвования» – делает формулировку, предложенную в начале прошлого века, современной, поскольку в конституциях государств мира нередко расставлены ценностные приоритеты в пользу человека, его прав и свобод. Так, и в Конституции России (ст. 2) [15], и в Конституции Таджикистана (ст. 5) [16] установлено, что «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью».

В юридическом плане амнистия предстает в нескольких ипостасях:

– конституционно-правовая прерогатива конкретного органа;

– конституционно-правовой / публично-правовой институт;

– акт государственной власти, изданный в соответствующей форме и объявляющий ее;

– процесс реализации воли объявляющего ее органа иными уполномоченными органами;

– результат, выраженный в освобождении от предполагаемой или реальной юридической санкции.

Амнистия как государственно-правовое явление проявляет себя и в том, что объявляется она в честь какого-либо значимого государственного события. В этом смысле Россия и Таджикистан – не исключение, но по суверенной воле каждого из государств даже при общности советского прошлого «значимые государственные события» разнятся.

Амнистионная активность в России: мотивы, акты, адресаты

В Российской Федерации согласно п. «ж» ч. 1 ст. 103 ее Конституции и ст. 84 Уголовного кодекса, Государственная Дума, руководствуясь, помимо прочего, принципом гуманизма, уполномочена объявлять амнистию. Подчеркнем, что данное полномочие является дискреционной прерогативой данной палаты парламента.

В течение двадцати двух лет (2000 – 2022 гг.) в России было издано 9 актов об амнистии в форме постановления Государственной Думы. Значимыми государственными событиями в них были определены: Победа в Великой Отечественной войне (2000, 2005, 2010, 2015 гг.); принятие Конституции Чеченской Республики (2003 г.); столетие российского парламентаризма (2006 г.); двадцатилетие Конституции Российской Федерации (2013 г.). Наряду с такими резонами объявления амнистии были и сугубо гуманистические: в отношение несовершеннолетних и женщин (2001 г.); лиц, совершивших экономические преступления (20013 г.); в целях достижения гражданского мира и согласия (2006 г.).

Обрисуем «амнистионную» активность в России за указанный период в хронологическом порядке с учетом мотивов, актов и адресатов.

В 2000 г. амнистия объявлялась в связи с 55-й годовщиной Победы в Великой Отечественной войне (Постановление ГД ФС РФ от 26 мая 2000 г. № 398), которая коснулась 877 тыс. чел. Из них из мест лишения свободы вышли 188 тыс. [17, с. 2]. Данная амнистия не только облегчила участь этих

людей, но и позволила снизить остроту проблемы размещения и содержания осужденных и арестованных. Впрочем, решение таких задач сопутствует амнистии как акту гуманизма.

В русле принципа гуманизма в октябре 2001 г. Государственная Дума объявила амнистию в отношении несовершеннолетних и женщин (Постановление от 30 ноября 2001 № 2172-III ГД). По итогам были амнистированы 10 тыс. подростков и 14 тыс. женщин, осужденных за нетяжкие преступления [17].

В целях налаживания мирной жизни в июне 2003 г. была объявлена амнистия в связи с принятием Конституции Чеченской Республики (Постановление от 06 июня 2003 г. № 4125-III ГД).

В апреле 2005 г. амнистия объявлялась в связи с 60-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (Постановление от 20 апреля 2005 г. № 1761-IV ГД), которая коснулась ветеранов ВОВ, тружеников тыла, блокадников и распространилась на участников боевых действий (включая войну в Афганистане) и совершивших тяжкие преступления.

В 2006 г. амнистии объявлялись дважды – в апреле в честь столетия российского парламентаризма (Постановление от 19 апреля 2006 г. № 3043-IV ГД), в результате которой были амнистированы 14 тыс. несовершеннолетних, женщин с детьми, беременных и пенсионеров, и в сентябре в целях достижения гражданского мира и согласия (Постановление–от 22 сентября 2006 г. № 3498-4 ГД): «Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших преступления в период проведения контртеррористических операций на территориях субъектов Российской Федерации, находящихся в пределах Южного федерального округа».

В ознаменование 65-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., в 2010 г. Государственная Дума объявила амнистию (Постановление от 16 апреля 2010 г. № 3519-5 ГД), также руководствуясь принципом гуманизма. По указанному акту в круг амнистируемых были включены ветераны Великой Отечественной войны, бывшие узники концлагерей, гетто, других мест принудительного содержания, созданных фашистами или их союзниками в период Второй мировой войны. Эта амнистия, по оценкам экспертов, коснулась 200-250 человек (https://www.kommersant.ru).

В 2013 г. амнистии объявлялись дважды – в июле для лиц, осужденных за экономические преступления, которая коснулась около 2,5 тыс. человек, и в декабре – в связи с 20-летием Конституции Российской Федерации. Как сообщалось в прессе, самые острые дискуссии в обществе вызвала вторая. Ее проект был разработан Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. В целом под действие амнистии должно было попасть около 200 тыс. человек, в том числе не менее 100 тыс. человек, отбывавших наказание в местах лишения свободы [17].

Тот факт, что проект столь масштабной и всеобъемлющей амнистии был подготовлен по прямому поручению Президента, был воспринят в обществе как своеобразная декларация о намерениях государства. К сожалению, этот ожидавшийся сигнал в итоге прозвучал не слишком громко: в своем окончательном виде амнистия коснулась не более 20 тыс. человек, в том числе около 2 тыс., отбывавших наказание в местах лишения свободы [17].

Амнистия в связи с 70-летием победы в Великой Отечественной Войне (Постановление от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД) была успешно принята. По сообщению ФСИН России в ее рамках из учреждений уголовно-исполнительной системы было освобождено порядка 250 тыс. человек [18].

Важно подчеркнуть то, что в 2020 г. проект масштабной и всеобъемлющей амнистии был подготовлен в связи с 75-летием Победы в Великой Отечественной войне, но амнистия не состоялась.

Поскольку амнистионные решения со стороны государства ожидались, но не реализовывались, возникали вопросы, адресовавшиеся представителям федеральных публичных органов. Так, по словам пресс-секретаря Президента России Д.С. Пескова, «Вопрос об амнистии к праздникам на повестке Кремля не стоит» [19]. Аналогичную позицию выразил и депутат Государственной Думы П.В. Крашенинников «В ближайшее время не планируется объявлять амнистию. При гармоничном законодательстве нет необходимости постоянно объявлять амнистии» [20]. Последнее мнение в определенном смысле диссонирует с заявляемым в актах об амнистии принципом гуманизма. Складывается впечатление, что он может нивелироваться «гармоничным» законодательством. Представляется, что это отнюдь не так. На официальном уровне амнистия не заявлялась в качестве механизма исправления изъянов законодательства.

Таким образом, судя по рассмотренной «амнистионной картине», объявление амнистии в честь Победы в Великой Отечественной войне *приобрело в России характер традиции*. При этом в России в течение последних 6 лет амнистия ожидалась, но не объявлялась. С одной стороны, объявление амнистии – это дискреционная прерогатива Государственной Думы, с другой – есть наполненный гуманистическим смыслом конституционный постулат о высшей ценности человека, его прав и свобод, проявление которого видится и в акте амнистии. Возможно, ожидаемые эффекты от амнистии стали восприниматься как малоценные по сравнению продолжающимися репрессивными действиями.

Амнистионная активность в Таджикистане: мотивы, акты, адресаты

В Республике Таджикистан согласно ст. 59 ее Конституции и ст. 82 Уголовного кодекса объявления амнистии относиться к ведению Маджлиси Намояндагон – нижней палаты парламента. Основанием реализации акта об амнистии является издаваемый Закон Республики Таджикистан «Об амнистии». Обратим внимание, что в России таким актом является постановление соответствующей палаты российского парламента.

Как мы уже отмечали, амнистия проводится в честь какого-либо государственного события по соображениям гуманизма, что подчеркивается в каждом из актов об амнистии. Так, реализуя принцип государственного гуманизма в Таджикистане в течение двадцати двух (2000 – 2022 гг.) так же, как и в России, в сопоставимый период было принято 9 законов о всеобщей амнистии (2001, 2006, 2007, 2009, 2011, 2014, 2016, 2019, 2021 гг.). Значимыми государственными событиями в них были определены: годовщина государственной независимости (2011, 2016, 2021 гг.) и годовщина принятия Конституции Республики (2014, 2019 гг.). Наряду с такими резонами объявления амнистии были и иные, отмеченные в послании главы государства: в период «независимости республики 4 раза был принят и осуществлен закон об амнистии в связи с легализацией денежных средств и имущества граждан и юридических лиц, что оказало положительное влияние на инвестиционный климат и развитие предпринимательской деятельности» [21].

Опишем «амнистионную» активность в Таджикистане за указанный период в хронологическом порядке с учетом мотивов, актов и адресатов.

Закон Республики Таджикистан от 29 августа 2001 г. «Об амнистии», как это следует из данных, подготовленных Советом юстиции Республики Таджикистан, был применен в отношении 20 406 человек [22, с. 18].

18 августа 2006 г. Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан приняла закон об амнистии, которая коснулась 13 850 человек [22]. Данный закон в основном распространялся на лиц, нуждающихся в амнистии по признакам состояния здоровья, возраста, пола, и устранения опасности совершенного преступления.

По закону об амнистии от 20 июня 2007 г. она была применена в отношении 9 373 человек [22], а по закону об амнистии 2009 г. под её действие попадали около 10 тыс. человек [23], преимущественно женщины, что следует из ст. 9: «положения ст. 1, 2, 4 и 6 настоящего закона не применять в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности или осужденных, за исключением женщин» [24].

В 2011 г. Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан, учитывая предложение Президента Республики Таджикистан, принял Закон «Об амнистии» по случаю 20-летия государственной независимости Республики Таджикистан [25].

В 2014 г. в честь 20-летия принятия Конституции Республики Таджикистан был принят Закон «Об амнистии» [26], положения которого коснулись более 10 тыс. человек, в первую очередь женщин, несовершеннолетних, больных, престарелых, инвалидов, осужденных за различные преступления и находящихся под следствием и судом.

В 2016 г. в канун 25-летия государственной независимости Республики Таджикистан был принят Закон «Об амнистии» [27], который затронул, например, женщин, несовершеннолетних, мужчин старше 55 лет, инвалидов I, II и III групп, участников Великой Отечественной войны и приравненных к ним лиц, участников боевых действий на территории других государств, а также лиц, получивших увечья в результате аварии на Чернобыльской атомной электростанции, лиц, награждённых государственными наградами СССР, Таджикской ССР и Республики Таджикистан, а также иностранных граждан.

По случаю 25-летия Конституции Республики Таджикистан 16 октября 2019 г., был принят закон об амнистии [28], распространивший свое влияние более чем на 20 тыс. человек, в частности несовершеннолетних, женщин, инвалидов, иностранных граждан.

В ознаменование 30-летия государственной независимости Таджикистана 7 сентября 2021 г. был принят закон об амнистии [29], по которому от уголовной ответственности и отбывания наказания освобождены 11,5 тыс. человек, в том числе женщины, несовершеннолетние, мужчины старше 55 лет, инвалиды, участники Великой Отечественной войны и приравненные к ним лица, лица, награждённые государственными наградами СССР, Таджикской ССР и Республики Таджикистан, иностранные граждане.

Таким образом, в Республике Таджикистан формой акта об амнистии является закон, принимаемый нижней палатой парламента. Глава государства может предлагать объявление амнистии в гуманистических и иных целях. Адресатами амнистии определяются, как правило, женщины, несовершеннолетние, инвалиды и другие определенные законом группы лиц.

При этом верно обращается внимание на то, что «нецелесообразно освобождать по амнистии тех лиц, к которым уже применялся акт гуманизма, основанный на доверии, однако впоследствии вновь совершивших преступление, тем самым вероломно воспользовавшихся этим доверием» [30].

Выводы

Обобщая изложенное, отметим, что в России и Таджикистане амнистия конституирована в контексте полномочий соответствующей палаты бикамерального парламента.

Мотивами объявления амнистии в обеих странах являются не только гуманистические соображения, но и значимые государственные события. Общим здесь являются годовщины принятия конституций Российской Федерации и Республики Таджикистан. Наряду с этим в России таковыми признаны годовщины Победы в Великой Отечественной войне, а в Таджикистане – годовщины независимости Республики.

Юридические формы актов об амнистии принципиально различаются: в Российской Федерации – это подзаконный акт, а именно постановление Государственной Думы; в Республике Таджикистан – закон, принимаемый Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли. Полагаем, что закон для такого рода решения более адекватен, поскольку речь идет о правах и свободах неопределенного круга лиц.

Адресатами акта амнистии в обеих странах по усмотрению соответствующей палаты парламента определяются и граждане государства, и иностранные граждане; несовершеннолетние и женщины; инвалиды и больные; участники войны и вооруженных конфликтов; награжденные государственными наградами и др.

Таким образом, амнистия относится к явлениям не просто государственно-правовым, но и конституционным. Применение амнистии в современном государстве, хотя и реализуется на основе принципа гуманизма, не может быть ни произвольным, ни беспредельным.

Список источников

1. Ушакова Е.В. Амнистия как одно из приоритетных оснований освобождения от уголовной ответственности // Теория права и межгосударственных отношений. 2019. № 1 (9). С. 54-59.
2. Фаргиев И.А. Амнистия в России: взгляд в историю // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 103-111.
3. Ванчина Е.С. Амнистия и ее роль в социально-правовой сфере общества // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2017. № 3. С. 48-51.
4 Смородинскова И.А., Литвишков В.М. Амнистия и помилование по законодательству зарубежных стран // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2019. № 4. С. 5-8.
5. Мархгейм М.В. Права ad hoc: нюансы конституционной идентификации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 4(143). С. 90-94.
6. Воронин В.Н. Амнистия на постсоветском пространстве: основания применения и принцип справедливости // Современное общество и право. 2021. № 4 (53). С. 67-78.
7. Малец Д.А. Административная амнистия: перспективы реализации в законодательстве Республики Беларусь // Юстиция Беларуси. 2020. № 6 (219). С. 11-13.
8. Шурухнова Д.Н. Миграционная амнистия в системе мер миграционной политики Российской Федерации // Миграционное право. 2019. № 4. С. 3-6.
9. Клюев Ю.В. Налоговая амнистия: исторический и социально-экономический аспекты // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2018. Т. 8. № 1А. С. 194-198.
10. Крашенинников П.В. Дачная амнистия – дело очень важное // Экономические стратегии. 2018. Т. 20. № 3 (153). С. 108.
11. Зыкова О.А. Амнистия капиталов: понятие и особенности правового регулирования в Российской Федерации // Юридическая наука и практика. 2018. Т. 14. № 3. С. 51-61.
12. Тищенко С.В., Лаврентьев А.Р. «Гаражная амнистия»: очевидные проблемы эксперимента // Градостроительное право. 2021. № 4. С. 11-14.
13. Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 1998. 790 с.
14. Люблинский, П.И. Право амнистии: Историко-догматическое и политическое исследование П.И. Люблинского. [СПб.]: Сенатская тип., 1907. 363 с.
15. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, внесенными в 2008 и 2014 гг., а также поправками, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // URL:http://www.consultant.ru/document/cons_
16. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. (в редакции референдума от 26 сентября 1999 г., 22 июня 2003 г., 22 мая 2016 г.) // URL:https://www.mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya
17. Все амнистии современной России // Коммерсантъ. 2013, 05 декабря, №224.
18. Итоги амнистии: на свободу вышли более 231 тысячи человек // Вести.ru. 2015, 27 октября.

19. Песков: Вопрос об амнистии к праздникам на повестке Кремля не стоит // Российская газета. 2021, 13 мая.
20. Павел Крашенинников: В ближайшее время не планируется объявлять амнистию // Российская газета. 2021, 19 апреля.
21. Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики» 21 декабря 2021, город Душанбе // http://www.president.tj/
22. Артиков З.М. Некоторые особенности применения амнистии в постсоветском Таджикистане (1991-2009гг.) // Вестник ТГУПБП. 2009. №4(40). С. 18.
23. Послание Президента Республики Таджикистан в честь 15-летия Конституции Республики Таджикистан // Садои мардум. 2009 г. 10 ноября.
24. Закон Республики Таджикистан от 3 ноября 2009 г. №560 «Об амнистии» // Народная газета. 2009. 4 ноября.
25. Закон Республики Таджикистан от 20 августа 2011 г. №764 «Об амнистии» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2011. №7-8. Ст. 618.
26. Закон Республики Таджикистан от 29 октября 2014 г. №1130 «Об амнистии» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2014. №8-10. Ст. 533.
27. Закон Республики Таджикистан «Об амнистии» от 24 августа 2016 г. №1355 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2016. №8-9. Ст. 714.
28. Закон Республики Таджикистан от 25 октября 2019 г. №1648 «Об амнистии» // URL:http://isomoni.sud.tj/ru/zakon-respubliki-tadzhikistan-ob-amnistii/?
29. Закон Республики Таджикистан от 7 сентября 2021 г. №1803 «Об амнистии» // URL:http://adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=140144
30. Саидвализода Б.С. Развитие института амнистии в суверенном Таджикистане // Народная газета. 2019, 23 октября.

References

1. Ushakova E.V. Amnesty as one of the priority grounds for exemption from criminal liability. *Theory of law and interstate relations*. 2019. No. 1 (9):54-59. (In Russ.)
2. Fargiev I.A. Amnesty in Russia: a look into history. *North Caucasian Legal Bulletin*. 2021. No. 1: 103-111. (In Russ.)
3. Vanchina E.S. Amnesty and its role in the social and legal sphere of society. *Topical issues of combating crimes*. 2017. No. 3: 48-51. (In Russ.)
4 Smorodinskova I.A., Litvishkov V.M. Amnesty and pardon under the legislation of foreign countries. *Penal enforcement system: law, economics, management*. 2019. No. 4: 5-8. (In Russ.)
5. Markhgeym M.V. Rights ad hoc: nuances of constitutional identification. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No. 4(143):90-94. (In Russ.)
6. Voronin V.N. Amnesty in the post-Soviet space: grounds for application and the principle of justice. Modern Society and Law. 2021. No. 4 (53):67-78. (In Russ.)
7. Malets D.A. Administrative amnesty: prospects for implementation in the legislation of the Republic of Belarus. *Justice of Belarus*. 2020. No. 6 (219):11-13. (In Russ.)
8. Shurukhnova D.N. Migration amnesty in the system of measures of migration policy of the Russian Federation. *Migration law*. 2019. No. 4: 3-6. (In Russ.)
9. Klyuev Yu.V. Tax amnesty: historical and socio-economic aspects. *Economy: yesterday, today, tomorrow*. 2018. Vol. 8. No. 1A:. 194-198. (In Russ.)
10. Krasheninnikov P.V. Dacha amnesty is a very important matter. *Economic Strategies*. 2018. Vol. 20. No. 3 (153):108. (In Russ.)
11. Zykova O.A. Amnesty of capitals: the concept and features of legal regulation in the Russian Federation. *Legal science and practice*. 2018. Vol. 14. No. 3: 51-61. (In Russ.)
12. Tishchenko S.V., Lavrentiev A.R. "Garage amnesty": obvious problems of the experiment. *Urban planning law.* 2021. No. 4: 11-14. (In Russ.)
13. Big Legal Dictionary / Edited by A. Ya. Sukharev, V.D. Zorkin, V.E. Krutskikh. M. : INFRA-M, 1998. 790 p. (In Russ.)
14. Lublinsky, P.I. The Right of Amnesty: A historical, dogmatic and political study by P.I. Lublinsky. [St. Petersburg]: Senatskaya tip., 1907. 363 p. (In Ukr.)
15. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended in 2008 and 2014, as well as amendments approved during the all-Russian vote on July 01, 2020). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (In Russ.)
16. The Constitution of the Republic of Tajikistan of November 6, 1994 (as amended by the referendum of September 26, 1999, June 22, 2003, May 22, 2016). https://www.mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya

17. All amnesties of modern Russia. *Kommersant*. 2013, December 05, No. 224. (In Russ.)
18. Results of the amnesty: more than 231 thousand people were released. Vesti.ru. 2015, October 27.
19. Peskov: The issue of amnesty for the holidays is not on the Kremlin's agenda. *Rossiyskaya Gazeta*. 2021, May 13. (In Russ.)
20. Pavel Krasheninnikov: There are no plans to announce an amnesty in the near future. *Rossiyskaya Gazeta*. 2021, April 19. (In Russ.)
21. Message of the President of the Republic of Tajikistan, Leader of the Nation, dear Emomali Rahmon "On the main directions of the internal and foreign policy of the Republic" December 21, 2021, Dushanbe. http://www.president.tj/ (In Russ.)
22. Artikov Z.M. Some features of the application of amnesty in post-Soviet Tajikistan (1991-2009). *Bulletin of the TSUPBP*. 2009. No. 4(40):18. (In Russ.)
23. Message of the President of the Republic of Tajikistan in honor of the 15th anniversary of the Constitution of the Republic of Tajikistan. *Sadoi mardum*. 2009, November 10. (In Taj.)
24. Law of the Republic of Tajikistan No. 560 of November 3, 2009 "On amnesty". *Narodnaya Gazeta*. 2009. November 4. (In Taj.)
25. Law of the Republic of Tajikistan dated August 20, 2011 No. 764 "On amnesty". *Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan*. 2011. No.7-8. St. 618. (In Taj.)
26. Law of the Republic of Tajikistan dated October 29, 2014 No. 1130 "On amnesty". *Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan*. 2014. No.8-10. St. 533. (In Taj.)
27. Law of the Republic of Tajikistan "On Amnesty" dated August 24, 2016 No. 1355. *Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan*. 2016. No.8-9. St. 714. (In Taj.)
28. Law of the Republic of Tajikistan dated October 25, 2019 No. 1648 "On amnesty".http://isomoni.sud.tj/ru/zakon-respubliki-tadzhikistan-ob-amnistii /? (In Taj.)
29. Law of the Republic of Tajikistan dated September 7, 2021 No. 1803 "On amnesty".http://adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=140144 (In Taj.)
30. Saidvalizoda B.S. Development of the amnesty institute in sovereign Tajikistan. *Narodnaya Gazeta*. 2019, October 23. (In Russ.)

Информация об авторах
М.В. Мархгейм – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права
Дж. З. Артыков – аспирант кафедры конституционного и международного права
Information about the authors
M. V. Markhgeym – Doctor of Law, Professor Head of the Department of Constitutional and International Law
J. Z. Artykov – postgraduate student of the Department of Constitutional and International Law

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.03.2022; одобрена после рецензирования 18.04.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 31.03.2022; approved after reviewing 18.04.2022; accepted for publication 27.04.2022

Научная статья
УДК 342.56

Судебная власть и прокуратура

© Масликов И.С., Матиева Л.А, 2022

Масликов Иван Степанович[1], Матиева Лейла Ахмедовна[2]
[1,2] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г.Ростов-на-Дону, Россия.
[1] maslikov_is@mail.ru
[2] leila.matieva@yandex.ru

Аннотация. В работе раскрыто содержание взаимосвязей судебной власти и прокуратуры, проведен их анализ с учетом процесса изменений с момента принятия Конституции Российской Федерации до сегодняшнего времени. Одним из приоритетных направлений работы является освещение роли прокуратуры как посредника между судебной властью и другими ветвями власти. Особенно подчеркнута роль прокуратуры в механизме защиты прав и свобод человека.

Ключевые слова: Конституция, прокуратура, суды, судебная власть, взаимодействие, государственный аппарат, закон, права и свободы человека

Для цитирования: Масликов И.С., Матиева Л.А. Судебная власть и прокуратура // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. №5(144). С.50-54

Original article

The Judiciary and the Prosecutor's Office

Ivan S. Maslikov[1], Leyla A. Matieva[2]
[1,2] Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia.
[1] maslikov_is@mail.ru
[2] leila.matieva@yandex.ru

Abstract. The paper reveals the relationship between the judiciary and the prosecutor's office and analyses them taking into account the process of change from the adoption of the Constitution of the Russian Federation to the present day. One of the priorities of the work is the coverage of the role of the prosecutor's office as an intermediary between the judiciary and other branches of government. The role of the prosecutor's office in the mechanism for the protection of human rights and freedoms is particularly emphasized.

Keywords: Constitution, prosecutor's office, courts, judiciary, interaction, state apparatus, law, human rights, and freedoms

For citation: Maslikov I.S., Matieva L.A. The judiciary and prosecutor's office. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No5 (144):50-54 (In Russ.)

Как известно, большинство правоведов при употреблении понятия «система разделения властей» подразумевают разделение государственной власти на три ветви власти: законодательную, исполнительную и судебную, которые отделены друг от друга, самостоятельны и независимы, обладают реальными возможностями сдерживания и противодействия друг другу в случае нарушения баланса властей, ущемления прав и свободы граждан [1].

Однако данные понятия не охватывают всю систему органов государства и не раскрывают глубину их взаимоотношений. Ведь под системой принято понимать организационное множество структурных элементов, взаимосвязанных и выполняющих определенные функции.

Деление системы на части – это не простое механическое дробление, а выделение таких структурных подразделений, взаимодействие которых порождает присущие целому качественные характеристики. В этом смысле частями (звеньями) выступают государственные органы в определенных совокупностях, а именно систем представительных, исполнительно-распорядительных органов, судов, прокуратуры, органов местного самоуправления. Система органов государства определяется природой государства, его задачами и функциями, осуществляющимися на различных этапах его развития, основными организационно-правовыми формами деятельности государства в целом; формами государственного устройства.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что нельзя отождествлять понятия «государственная власть» и «государственный механизм» при их большой близости и неотделимости друг от друга. Безусловно, основное назначение механизма государства – осуществление государственной власти. В то же время «механизм государства» и «механизм государственной власти» не тождественные поня-

тия. Под механизмом государства в науке понимают всю систему государственных организаций, обеспечивающих руководство и непосредственное осуществление функций государства [2].

Понятие «механизм государства» в теории государства и права употребляют наряду с понятиями «система органов государства», «государственный аппарат» [3], однако оно более глубоко определяет суть данного явления, как бы раскрывает и показывает эту «систему», этот «аппарат» не в статике, а в динамике, которая обусловлена экономическими отношениями в обществе, политическим режимом.

Исходя именно из такого понимания механизма государства, можно ответить на один из самых актуальных вопросов сегодняшнего дня – о месте прокуратуры в системе органов государства.

Согласно Конституции Российской Федерации 1993 года статья 129, закрепляющая основы организации и деятельности прокуратуры, была включена в главу седьмую «Судебная власть». Тем самым, Конституция юридически включила прокуратуру в систему судебной власти. Однако такое включение являлось формальным, чисто условным, поскольку оно не содержало положений, позволяющих сказать о поглощении прокуратуры судебной властью, о чем свидетельствует сохранение прокуратуры как единой централизованной системы с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору России, особый порядок назначения и освобождения последнего от должности.

Этот правовой нонсенс был устранен в связи с изменениями, принятыми на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 года, как путем изменения названия главы седьмой Конституции, которая теперь именуется «Судебная власть и прокуратура», так и новым содержанием ст.129 основного закона страны.

Так, в пункте первом данной статьи указано, что Прокуратура Российской Федерации является единой федеральной централизованной системой органов, осуществляющих надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции.

При этом был существенно изменен порядок назначения Генерального прокурора и его заместителей, если они ранее назначались на должность и освобождались от должности Советом Федерации по представлению Президента, то теперь они назначаются на должность и освобождаются от должности Президентом Российской Федерации после консультаций с Советом Федерации.

Таким образом, на высшем законодательном уровне было определено место прокуратуры в государственном механизме Российской Федерации как самостоятельной системы органов государства, но зависящей в определенной степени от Президента страны.

Из положений статьи 129 Конституции также следует, что прокуратура является необходимым инструментом контроля за реализацией полномочий (предписаний) всех ветвей государственной власти путем надзора за точным исполнением законодательных актов этими ветвями власти. И в то же время она является связующим звеном между ними, действуя в интересах государства, общества и граждан России.

С другой стороны, необходимо выделить роль суда как второго важнейшего и основного элемента механизма разделения и взаимодействия властей, поскольку окончательную точку в разрешении споров между различными ветвями власти, а также между ними и гражданами ставит суд.

Механизм взаимодействия судебной власти и прокуратуры раскрыт в ст.35 Федерального закона «О прокуратуре». При этом хотелось бы обратить внимание на ч.3 этой статьи, согласно которой прокурор в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации вправе обратиться в суд с заявлением или вступить в дело в любой стадии процесса, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства.

Даная норма права имеет важнейшее значение, поскольку в ней определяется главная цель деятельности прокуратуры – правозащита. Эта деятельность имеет двуединую направленность: охрана прав граждан непосредственно, охрана этих прав через защиту охраняемых законом интересов государства и общества [4].

Оба эти направления деятельности прокуратуры необходимы для защиты прав граждан. Безусловно, судебный порядок защиты прав граждан является наиболее надежным и эффективным. Вместе с тем необходимо учитывать, что механизм судебной защиты прав граждан длителен по времени, налагает на граждан обязанность собирания доказательств, подтверждающих их требования, во многих случаях требует оказания профессиональной правовой помощи, зачастую оказывается не по карману гражданам из-за ее дороговизны.

Предупреждение и пресечение злоупотреблений властью, охрана прав граждан входят в компетенцию практически всех органов государства. Очевидно, что властные полномочия по защите прав и свобод граждан должны быть распределены так, чтобы не допустить их концентрацию в руках одной ветви власти. Монополизм вреден не только в предпринимательской деятельности, но и в правозащите. Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что в Российской Федерации должна быть многовариантная система защиты прав граждан, которые должны иметь выбор способа защиты [5].

Одним из спорных вопросов взаимоотношений прокуратуры и судебной власти является вопрос внешнего контроля за судебной деятельностью. Положение судебной власти в государственном механизме России зачастую приводит к неправильному непониманию ее независимости. Суд должен быть независим от всего, что мешает осуществлению правосудия, но он не может быть независим от закона. Абсолютная независимость – основа бесконтрольности и злоупотреблений. Нельзя упускать из виду, что разделение единой государственной власти на самостоятельные и независимые четыре ветви власти – не самоцель, а средство обеспечения ее надлежащего функционирования, которая достигается ее взаимодействием, а не односторонним воздействием судебных органов на другие ветви власти.

При этом необходимо отличать понятие «надзора за исполнением законов при отправлении правосудия» от понятия «надзора за судом». В действительности прокурорский надзор за исполнением законов в уголовном и гражданском судопроизводствах не ограничивает независимость судебной власти. Ведь никто не утверждает, что подача апелляционной или кассационной жалобы адвокатом, осужденным, стороной по делу подрывает независимость суда. Каким же образом происходит ущемление этой независимости принесением апелляционного, кассационного представления прокурором?

Точка зрения прокурора о законности и обоснованности судебного акта, изложенная в представлении, не решает и не предопределяет исход дела. Поэтому прокурорский надзор за законностью и обоснованностью решений, принятых судом, является деятельностью, содействующей правильному осуществлению правосудия, а не оказывающей давления на суды.

Действительно, Конституция закрепила положение о том, что судьи подчиняются только закону. Однако очевидно, что должен быть и механизм, обеспечивающий такое подчинение, лежащий вне судебной системы. Это обусловлено тем, что не все судьи достаточно квалифицированные и добросовестные, в результате чего выносятся неправосудные судебные постановления. Практически, кроме прокурорского надзора за правильным применением и исполнением судами законов, иного надзора со стороны других ветвей власти нет. Очевидно, что ликвидация этого надзора может привести к судебному произволу, поскольку внутрисудебный контроль не является всеобъемлющим, а иногда носит щадящий характер.

Продолжающаяся до настоящего времени судебная реформа превратила суд в реальную власть, главной задачей которой стала защита прав и свобод граждан. Однако это, как указывалось выше, не дает оснований для утверждения, что суды перестали выполнять правоохранительную функцию. Защита прав граждан и охрана права судами – это две стороны одной медали.

Установив нарушение прав и законных интересов граждан, органы прокуратуры обращаются в соответствующие органы с представлением о восстановлении этих прав. В случаях неудовлетворения их требований, обладая силой государственной власти, они должны обращаться для восстановления нарушенного закона в суд, который с момента обращения включается в процесс восстановления законности. Таким образом, налицо взаимодействие различных органов государства. Органы власти или самоуправления нарушают закон, принятый законодательной властью, прокурор, выявив это нарушение, обращается в суд, который признает незаконность принятого подзаконного нормативного акта, действия соответствующего органа или должностного лица.

Вышеуказанная схема является моделированием процесса восстановления законности, прав и свобод, законных интересов граждан, их объединений, юридических лиц, в котором суд и прокуратура являются его важнейшими участниками. О том, что такой механизм работает, свидетельствует количество исков, с которыми прокуратура обращается в судебные органы.

Более того, правосудие как одна из властных прерогатив государства приобрело в настоящее время и значение публичной службы, поскольку разрешение конфликтов и споров стало жизненно необходимым для налаживания эффективного социального взаимодействия людей, общества в целом. Процессуальная регламентация коллективного взаимодействия граждан, государственно-правовых институтов необходима повсюду, ибо подавляющее число противоправных действий вызвано различными формами нарушения этого взаимодействия.

Безусловно, что для выполнения этой социальной функции судебной власти нужен помощник. Таким помощником является прокуратура, которая имеет право и возможность обращения в суд за разрешением практически любых правовых конфликтов.

Такое положение способствует как расширению судебной юрисдикции, так и сближению судебной власти и прокуратуры. Это позволяет сделать вывод о том, что судебная власть и прокуратура являются важнейшими элементами в государственном механизме Российской Федерации.

Тесное взаимодействие судебной власти и органов прокуратуры происходит также при участии прокуроров в рассмотрении уголовных и гражданских дел. Это предусмотрено ст.35 Закона «О прокуратуре Российской Федерации».

Наиболее значительное участие прокурора в уголовном судопроизводстве. Как известно, суд рассматривает только те уголовные дела, которые он получает из прокуратуры с обвинительным за-

ключением, обвинительным актом, обвинительным постановлением, утвержденным прокурором. Органы прокуратуры осуществляют правоохранительную функцию путем осуществления надзора за деятельностью органов полиции, Следственного Комитета России и ФСБ.

Осуществляя надзор за следствием и утверждая обвинительные акты, прокурор как бы отсеивает некачественные материалы, подлежащие передачи в суд. Трудно представить, какого бы «качества» были уголовные дела, если бы они сразу, минуя прокурора, передавались в суд. Выполняя данную функцию, прокуратура вновь выступает связующим звеном между исполнительной и судебной властями.

В одном из первых актов советской юстиции, инструкции Наркомюста «Об организации обвинения и защиты в суде», говорилось, что обвинители назначаются, главным образом, по делам, когда важность и сложность дела, а равно спорность собранных в отношении обвиняемого улик требуют всестороннего освещения дела на началах состязательности. Столкновение двух противоположных позиций обвинения и защиты рождает спор, борьбу мнений. Именно состязательность в правильном ее понимании позволяет исследовать каждое доказательство и проверить его под углом зрения обвинения и защиты, дает возможность суду услышать и взвесить все доводы, как в пользу обвинения, так и в пользу подсудимого. Задача прокурора в судебном разбирательстве – наиболее ясно и обстоятельно обосновать объективность предъявленного обвинения [6]. Только при таком подходе он может способствовать всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела, правильному его решению.

Необходимо также сказать, что прокурор, поддерживая обвинение, выступает представителем не государства в абстрактном виде, а представителем одной из ветвей государственной власти, исполнительной или президентской, которые делегировали ему свои полномочия по поддержанию этого обвинения. Но это не означает, что прокурор не может отказаться от обвинения, если оно не подтверждается доказательствами (а также в других случаях); он обязан это сделать. Никаких препятствий ему в этом нет. Являясь посредником между этими властями, прокурор не может и не должен «покрывать грехи» одной из них. В противном случае, зачем нужен такой посредник? Только при таком подходе к оценке роли прокурора можно говорить о необходимости его участия в уголовном судопроизводстве.

Взаимодействует прокуратура не только с судами общей юрисдикции и арбитражными судами, но и с Конституционным Судом. Закон о Конституционном Суде РСФСР от 12 июля 1991 года устанавливал довольно широкие возможности для взаимодействия Конституционного Суда и Генерального прокурора в сфере конституционного судопроизводства. Он предусматривал возможность обращения Генерального Прокурора в Конституционный суд с ходатайством о проверке конституционности международного договора или нормативного акта; Генеральный прокурор был отнесен к числу участников заседаний Конституционного Суда.

Эта норма соответствовала статусу прокуратуры и была направлена на повышение эффективности деятельности Конституционного Суда. Генеральный Прокурор обладает информацией о правоприменительной практике, о недостатках законодательных и иных нормативных актов. Очевидно, что использование этой информации в конституционном судопроизводстве было бы целесообразно, а иногда и необходимо для принятия обоснованных решений.

К сожалению, Конституция 1993 года не включила прокуратуру в перечень органов и должностных лиц, имеющих право запроса в Конституционный Суд (п.2 ст.125 Конституции), ее также нет и в п.4 ст. 125 Конституции, где говорится о жалобах граждан и запросах судов с просьбой о проверке конституционности закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле. Безусловно, эти конституционные нормы оказали решающее влияние на разработчиков Федерального Конституционного закона РФ «О Конституционном Суде», поскольку ст. ст. 84, 86,96 этого закона, регламентирующие право на обращение в Конституционный Суд, органам прокуратуры его не предоставляет. Сокращение полномочий прокурора, наделение его правами, меньшими, чем права отдельного гражданина, вряд ли соответствует духу Конституции и общей задаче правового государства расширять способы защиты прав личности и общества в целом.

Однако положение в этом вопросе несколько изменилось в лучшую сторону с принятием новой редакции Закона «О прокуратуре Российской Федерации». Согласно ч.6 ст.35 этого закона Генеральный Прокурор Российской Федерации вправе обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации по вопросу нарушения конституционных прав и свобод граждан законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле. Данная норма закона не противоречит Конституции и Закону «О Конституционном Суде Российской Федерации», поскольку в ст. 96 этого закона оговорено, что правом на обращение в Конституционный Суд, кроме граждан и их объединений, обладают иные органы и лица, указанные в федеральном законе. На наш взгляд, было бы более правильным, если бы таким правом обладал не только Генеральный Прокурор, но, по крайней мере, и прокурор субъекта Российской Федерации.

Список источников

1. Щедрин Ю. Третья власть и прокурорский надзор // Вестник ВС СССР. 1991. № 1. С.8.
2. Копейчиков В.С. Механизм Советского государства. М., 1968. С.30.
3. Козлов Ю.М. Органы советского государственного управления. М.,1960. С.5-6.
4. Становление правового государства в Российской Федерации и функции прокуратуры –Круглый стол // Государство и право. 1994. № 5. С.7-8.
5. Скуратов Ю.И. Разрушать или реформировать? // Российская Федерация. 1995. № 7. С.53.
6. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М.,1951. С.56.

References

1. Shchedrin Y. Third power and prosecutor's supervision. *Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR*. 1991. No 1:8. (In Russ.)
2. Kopeychikov V.S. Mechanism of the Soviet State. M., 1968:30. (In Russ.)
3. Kozlov J.M. Bodies of the Soviet State Administration. M.,1960: 5-6. (In Russ.)
4. Formation of the Rule of Law in the Russian Federation and Functions of Prosecutor's Office. *State and Law*. 1994. No 5:7-8. (In Russ.)
5. Skuratov Y.I. To destroy or reform? *The Russian Federation*. 1995. No 7:53. (In Russ.)
6. Strogovich M.S. Criminal prosecution in the Soviet criminal process. M.,1951:56. (In Russ.)

Информация об авторах

И.С. Масликов – кандидат юридических наук, доцент
Л.А. Матиева – магистрант 1 курса

Information about the authors

I.S. Maslikov – Candidate of Law, Associate Professor
L.A. Matieva – Master's student (1st year)

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 05.04.2022; одобрена после рецензирования 18.04.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 05.04.2022; approved after reviewing 18.04.2022; accepted for publication 27.04.2022

Научная статья
УДК 342.56

Интерпретация принципов состязательности и равноправия сторон Конституционным Судом Российской Федерации

© Н.В. Стус, Э.З. Джамиль, 2022

Нина Владимировна Стус [1], Элла Зурабиевна Джамиль [2]
[1]Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия. stus@bsu.edu.ru
[2]Четвертый кассационный суд общей юрисдикции, г. Краснодар, Россия. hanga17@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты анализа решений Конституционного Суда Российской Федерации, касающиеся интерпретации конституционных принципов состязательности сторон и равноправия сторон. Авторы уделили внимание 15 решениям (определения и постановления) Конституционного Суда Российской Федерации, которые были приняты в 1996-2019 г.г. По итогам осуществленного исследования установлен вклад интерпретационной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации в содержательное наполнение конституционных принципов состязательности и равноправия сторон рядом аспектов. Например, трактовка содержательного единства применительно к конституционному судопроизводству и дифференцированно применительно к иным видам судопроизводства; отождествление заявленных конституционных принципов с комплексом конституционных принципов, идентифицирующих статус суда и осуществления им правосудия и др.

Ключевые слова: конституционное судопроизводство, интерпретационный акт, принцип состязательности сторон, принцип равенства сторон, гарантии, субъективные права, суд

Для цитирования: Стус Н.В., Джамиль Э.З. Интерпретация принципов состязательности и равноправия сторон Конституционным Судом Российской Федерации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 5(144). С.55-62

Original article

Interpretation of the principles of competition and equality of the parties by the Constitutional Court of the Russian Federation

Nina V. Stus[1], Ella Z. Jamil[2]
[1] Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia. stus@bsu.edu.ru
[2] the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction, Krasnodar, Russia. hanga17@mail.ru

Abstract. The article presents the results of the analysis of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation concerning the interpretation of the constitutional principles of the adversarial nature of the parties and equality of the parties. The authors pay attention to 15 decisions (definitions and resolutions) of the Constitutional Court of the Russian Federation, which were adopted in 1996-2019. Based on the results of the study, the contribution of the interpretative activity of the Constitutional Court of the Russian Federation to the content of the constitutional principles of competition and equality of the parties has been established by a number of aspects. For example, the interpretation of substantive unity in relation to constitutional proceedings and differentially in relation to other types of legal proceedings; identification of the declared constitutional principles with a set of constitutional principles identifying the status of the court and its administration of justice, etc.

Keywords: constitutional legal proceedings, interpretative act, the principle of adversarial parties, the principle of equality of the parties, guarantees, subjective rights, court

For citation: Stus N.V., Jamil E.Z. Interpretation of the principles of competition and equality of the parties by the Constitutional Court of the Russian Federation. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2022. No5 (144):55-62 (In Russ.)

Конституционный Суд Российской Федерации является высшей судебной инстанцией, входящей в единую судебную систему России и осуществляющей правосудие. Вместе с тем, особое место Конституционного Суда в системе государственной власти обусловлено его компетенцией.

Как справедливо фиксирует действующий Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации не только разрешает дела о соответствии Конституции Российской Федерации различного уровня нормативных актов, но и рассматривает жалобы на нарушение конституционных прав и свобод граждан в условиях современных рисков [1, с. 21-25; 2], давая толкование Конституции страны.

«Оценка степени воплощения и реализации конституционных идей и ценностей в действующем законодательстве составляет органическую часть предмета деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. Согласно ч. 2 ст. 74 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение по делу, оценивая, как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов» [3, с. 55-59].

Любое принимаемое Конституционным Судом Российской Федерации решение имеет значение, поскольку, «признавая неконституционными отдельные положения действующего законодательства, Конституционный Суд Российской Федерации автоматически объявляет их не подлежащими применению и тем самым очищает правовую систему от чужеродных элементов, нарушающих права и свободы человека, угрожающих стабильности правопорядка» [4, с. 88].

Когда «нарушения Конституции России не выявляются, Конституционный Суд Российской Федерации подтверждает, что оцениваемое законодательное предписание продолжает действовать. Таким образом, одна из важнейших функций Конституционного Суда Российской Федерации – это своеобразная санация, оздоровление правового пространства путем отсеивания «недоброкачественных» норм, не вписывающихся в конституционный правопорядок» [5, с. 2-4].

По поводу природы и предназначения принимаемых Конституционным Судом Российской Федерации решений в юридической науке не сложилось единообразного подхода.

Так, Н.Н. Ковтун считает, что «акты Конституционного Суда понимаются и как судебные прецеденты, и как правовые констатации или правовые обыкновения, и как решения преюдициального плана, и как правовые презумпции, и, что является особенно принципиальным, – как нормативные акты» [6].

Постановления Конституционного Суда Российской Федерации определяют как «нормативно-интерпретационные, посредством которых Суд осуществляет правокорректирующую функцию» [7, с. 21-25; 10]; «особый источник права, воплощающий в себе как нормативные, так и конституционно-доктринальные начала» [8, с. 85]; «особые решения государственного органа, принятые во исполнение Конституции, наделенные ею силой общеобязательности, декларирующие, исходя из известных конституционных принципов, содержание того или иного права и на основе этого констатирующие конституционность или неконституционность нормы текущего законодательства» [9, с. 56-57]; «источники права, формулирующие конституционно-правовые прецеденты» [10, с. 18]; акты толкования [11, с. 30; 12, с. 286].

На наш взгляд, не отрицая самостоятельный смысл и аргументацию каждого из представленных подходов, их объединение к пониманию решений Конституционного Суда Российской Федерации возможно в рамках категории интерпретационного акта.

В данной связи солидаризируемся с Е.М. Шайхутдиновым и В.М. Шафировым в том, что «интерпретационный акт – важная, теоретическая и практически значимая категория. Ее исследование предполагает в первую очередь осознание того, что юридически значимая деятельность по толкованию права по своему объекту охватывает интерпретацию любых явлений правового характера, в том числе нормативные правовые акты, нормативно-регулятивные средства права (принципы и нормы права), индивидуальные правовые предписания, договоры, фактические обстоятельства. Равно как и интерпретационный акт может содержать результат толкования, в частности закона, нормативного договора, правового обычая, юридического прецедента, а также отдельных принципов и норм, правоприменительных решений» [13, с. 15].

Вместе с тем, ученые представляют однолинейный подход, отождествляя интерпретационный акт только с результатом толкования. Мы считаем, что толкование является не только самостоятельным направлением деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, но также присуще любому из реализуемого этой судебной инстанцией функционалу. Поэтому каждый из принятых актов можно расценивать в качестве интерпретационного.

С учетом изложенного данная часть работы представляет собой результаты аналитики решений Конституционного Суда Российской Федерации, касающихся интерпретации конституционных принципов состязательности сторон и равноправия сторон. Количественно это 15 решений (определения и постановления) Конституционного Суда Российской Федерации, принятых с 1996 по 2019 гг.

Сделаем ремарку, что применительно к конституционному судебному процессу выявлено единичное упоминание рассматриваемых принципов состязательности сторон и равноправия сторон в Определении от 18 июля 2019 г. № 2146-О. В нем указано, что «статья 35 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", закрепляя принцип состязательности и равноправия сторон как в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, так и в случае разрешения дел Конституционным Судом Российской Федерации в порядке, предусмотренном статьей 47.1 данного Федерального конституционного закона, направлена на конкретизацию статьи 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации» [14, 15].

Полагаем, приведенное установление из решения Конституционного Суда Российской Федерации подчеркивает позицию данного органа конституционного контроля о содержательном единстве принципа состязательности и равноправия сторон.

Дальнейший анализ позволил сделать вывод, что Конституционный Суд Российской Федерации принципы состязательности и равноправия сторон определяет в комплексе конституционных принципов, идентифицирующих статус суда и осуществления им правосудия.

Например, в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2004 г. № 133-О сказано: «Конституция Российской Федерации устанавливает, что государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную (статья 10), а правосудие осуществляется только судом (статья 118, часть 1). Указанные положения во взаимосвязи со статьей 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, закрепляющей принцип состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве, не допускают возложения на суд каких бы то ни было функций, не совместимых с его прерогативами по осуществлению правосудия» [16].

Из представленного положения еще раз следует то, что Конституционный Суд Российской Федерации установление ч. 3 ст. 123 Конституции России раскрывает как единый принцип состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве.

В заявленном Определении есть пояснение по поводу реализации состязательности и равноправия. В частности, «принятие судом в целях осуществления правосудия решения о получении доказательств, предназначенных для проверки уже имеющихся в деле доказательств, не препятствует сторонам обвинения и защиты использовать на началах состязательности и равноправия любые предусмотренные законом средства отстаивания своих интересов в суде, включая возражение против получения и исследования таких доказательств в судебном следствии и оспаривание их допустимости и достоверности. Суд в таком случае не освобождается от обязанности исследовать доводы сторон и – при возникновении у него сомнений в допустимости и достоверности полученных им либо представленных сторонами доказательств – отвергнуть их в соответствии» [16].

Конституционный Суд Российской Федерации рассматривает состязательность и равноправие сторон в качестве гарантии реализации субъективного права на судебную защиту. Например, в его Определении от 12 апреля 2005 г. № 113-О зафиксировано, что «право на судебную защиту предполагает наличие гарантий, которые позволяли бы реализовать его в полном объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости. Одной из таких гарантий … является закрепленное в статье 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации положение об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон» [17].

Этот же тезис был изложен Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 20 октября 2015 г. № 27-П: «рассмотрение судом апелляционной инстанции частной жалобы на определение суда первой инстанции в процедуре письменного производства в судебном заседании без проведения слушания с участием сторон по делу может осуществляться лишь при условии надлежащего гарантирования им права на судебную защиту на основе принципа состязательности. Если для проверки законности и обоснованности определения суда первой инстанции, на которое подана частная жалоба, суду апелляционной инстанции необходимо исследовать и оценить не только доказательства, положенные в основу данного определения, но и представленные стороной новые доказательства, которые не были предъявлены в суд первой инстанции по уважительной причине, суд апелляционной инстанции обязан назначить судебное заседание с проведением слушания и известить лиц, участвующих в деле, о времени и месте судебного заседания» [18].

Рассматриваемые принципы Конституционным Судом Российской Федерации интерпретируются в качестве руководства для установления процессуальных прав на различных стадиях судопроизводства. Такой вывод следует из положений определения Конституционного Суда Российской Федерации от 12 апреля 2005 г. № 113-О: принципы состязательности и равноправия сторон должны распространяться на все стадии административного судопроизводства [17].

Кроме того, в нем отмечено, что «объем процессуальных прав, предоставленных сторонам в надзорной инстанции, исходя из конкретных целей и особенностей этой процессуальной стадии, может быть меньше, чем в судах других инстанций, однако при определении таких прав законодатель должен учитывать конституционные требования об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон. Это означает, что на разных стадиях … судопроизводств, в том числе в надзорной инстанции, прокурор и лицо, в отношении которого ведется производство …, должны обладать соответственно равными процессуальными правами [17].

Предлагаемый подход также подтверждает содержание Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2004 г. № 133-О: «вопрос о прекращении производства по жалобе К. возник в связи с ходатайством лишь одного из участников процесса – представителя Президента

Российской Федерации в Конституционном Суде, однако в соответствии со статьей 35 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» все стороны пользуются равными процессуальными правами и возможностями представить свои возражения, но они даже не были извещены о поводах и времени рассмотрения этого вопроса. Очевидно, что более всего были затронуты интересы заявителя, который фактически не получил доступа к правосудию и был лишен возможности реализовать права стороны в конституционном судопроизводстве, предусмотренные статьей 53 названного Закона» [19].

В рамках данной практикоориентированной работы уточним, что не только Конституционный Суд Российской Федерации касается вопросов состязательности и равноправия сторон. Этот аспект затрагивается и деятельностью Верховного Суда Российской Федерации. К примеру, согласного постановлению его Пленума от 31 октября 1995 г. № 8 «в силу конституционного положения об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации) суд по каждому делу обеспечивает равенство прав участников судебного разбирательства по представлению и исследованию доказательств и заявлению ходатайств».

Далее в Постановлении представлены конкретные рекомендации применительно к гражданскому судопроизводству: «…следует исходить из представленных истцом и ответчиком доказательств. Вместе с тем суд может предложить сторонам представить дополнительные доказательства. В случае необходимости, с учетом состояния здоровья, возраста и иных обстоятельств, затрудняющих сторонам возможность представления доказательств, без которых нельзя правильно рассмотреть дело, суд по ходатайству сторон принимает меры к истребованию таких доказательств» [20].

Содержание Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 2-П в равной мере можно сопоставить с двумя вышеназванными видовыми интерпретационными категориями [21].

В продолжение укажем, что в соответствии с установлениями Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 4 ноября 2004 г. № 430-О принципы состязательности и равноправия сторон являются гарантиями судебной защиты и справедливого разбирательства дела. Отмеченное Определение прямо фиксирует: «между тем согласно статье 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, что предполагает предоставление сторонам обвинения и защиты равных процессуальных возможностей по отстаиванию своих прав и законных интересов. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, необходимой гарантией судебной защиты и справедливого разбирательства дела является равно предоставляемая сторонам реальная возможность довести свою позицию относительно всех аспектов дела до сведения суда, поскольку только при этом условии в судебном заседании реализуется право на судебную защиту, которая должна быть справедливой, полной и эффективной» [22].

Конституционный Суд Российской Федерации интерпретирует конституционные принципы состязательности и равноправия сторон применительно к различным видам судопроизводства. В этой связи объективно внимание к месту данных принципов в уголовном судопроизводстве. Как правило, Конституционный Суд Российской Федерации заявленные принципы идентифицирует в качестве основания отделения функции разрешения уголовного дела от функции обвинения и защиты, а также возложения осуществления каждой из них на различные субъекты уголовного судопроизводства.

Одним из первых решений Конституционного Суда Российской Федерации, давшим трактовку состязательности, является именно постановление, касающееся уголовного судопроизводства: «Этот конституционный принцип полагает построение судопроизводства, при котором функция правосудия (разрешения дела), осуществляемая только судом, отделена от функций спорящих перед судом сторон. При этом суд обязан обеспечивать справедливое и беспристрастное разрешение спора, предоставляя сторонам равные возможности для отстаивания своих позиций, и потому не может принимать на себя выполнение их процессуальных (целевых) функций. В уголовном судопроизводстве состязательность означает строгое отграничение функций суда по разрешению дела от функций обвинения и защиты, каждая из которых возложена на определенных участников процесса» [23, 24, 25].

В обозначенном ключе содержание последующих решений Конституционного Суда Российской Федерации. Так, об этом непосредственно указывает, к примеру, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. № 13-П, дополненное тем, что «в соответствии с названным конституционным принципом Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации закрепляет, что суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты и создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (часть третья статьи 15), а также устанавливает правовой статус лиц, представляющих в уголовном процессе стороны обвинения и защиты, исходя из существа возлагаемых на каждую из этих сторон процессуальных функций (главы 6 и 7), обеспечивая тем самым их реальное разделение» [26].

Конституционным Судом Российской Федерации непосредственно подчеркивалось, что «возложение на суд обязанности в той или иной форме выполнять функцию обвинения не согласуется с предписаниями статьи 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации и препятствует независимому и беспристрастному осуществлению правосудия» [23].

Рассматривая данную интерпретационную группу решений, укажем положения Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2005 г. № 4-П, согласно которому «ставя и решая по собственной инициативе вопрос об избрании в качестве меры пресечения заключение под стражу или о продлении срока содержания под стражей, суд, по смыслу статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, не освобождается от обязанности выслушать мнения сторон, а стороны не могут быть лишены возможности привести свои доводы. Это не означает, что суд принимает на себя функции стороны обвинения, поскольку правовые и фактические основания для избрания меры пресечения связаны не с поддержкой, а тем более признанием обоснованным выдвинутого в отношении лица обвинения в совершении преступления, а с необходимостью обеспечения условий дальнейшего производства по уголовному делу.

Иное понимание приведенных положений, … могло бы привести к нарушению прав участников уголовного судопроизводства, гарантированных статьями 22, 46 (часть 1) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации» [27].

Следует уточнить, что в рассматриваемой интерпретационной группе выявлено решение Конституционного Суда, в котором дается характеристика принципа состязательности в качестве самостоятельного, но с уточнением, что в уголовном судопроизводстве. Так, в соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П принцип состязательности «в уголовном судопроизводстве означает прежде всего строгое разграничение судебной функции разрешения дела и функции обвинения, которые, таким образом, осуществляются разными субъектами» [28].

Подводя итоги осуществленного анализа решений Конституционного Суда Российской Федерации, представим установленный вклад его интерпретационной деятельности конституционных принципов состязательности и равноправия сторон в следующих аспектах:

– содержательного единства применительно к конституционному судопроизводству и дифференцированно применительно к иным видам судопроизводства;

– комплекса конституционных принципов, идентифицирующих статус суда и осуществления им правосудия;

– качестве гарантии реализации субъективного права на судебную защиту и справедливого разбирательства дела;

– руководства для установления процессуальных прав на различных стадиях судопроизводства;

– оснований отделения функции разрешения уголовного дела от функции обвинения и защиты, а также возложения осуществления каждой из них на различные субъекты уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Новикова А.Е. Проблемы институционализации правозащитных рисков в современной конституционно-правовой науке России // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. №. 10. С. 21-25.

2. Новикова А.Е. Риск как объект конституционно-правовой науки. Монография. М., 2019. 98 с.

3. Уваров А.А. О типологии правопонимания в решениях Конституционного Суда РФ // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 5. С. 55-59.

4. Орешкин С.И. Введение в судебную политику / отв. ред. Ю.Ю. Ветютнев. Элиста, 2007. 152 с.

5. Тутынина Е.Г. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации как вид интерпретационных актов и средство судебной политики // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 9. С. 2-4.

6. Ковтун Н.Н. Плеяда пяти немерцающих звезд-доминант, или Система российского уголовно-процессуального права в поисках доминанты и внутренней согласованности // URL: https://www.iuaj.net/node/2746

7. Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2003. 687 с.

8. Бондарь Н.С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда Российской Федерации как источников права // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 75-85.

9. Котов О.Ю. Влияние решений Конституционного Суда России на гражданское судопроизводство. М.: Городец, 2002. 188 с.

10. Эбзеев Б.С. Конституционный Суд РФ: правовая природа, функции, основные направления деятельности // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 6. С. 21-36.

11. Петрушев В.А. О юридической природе постановлений Конституционного Суда Российской Федерации о толковании Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 11. С. 27-30.

12. Сырых В.М. Теория государства и права. М., 2004. 512 с.

13. Шайхутдинов Е.М., Шафиров В.М. Интерпретационные акты (теоретико-прикладное исследование): Монография. Красноярск, 2007. 154 с.

14. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2019 г. № 2146-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кирилина Михаила Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 3, статьей 35, пунктом 2 статьи 43, частью первой статьи 96 и статьей 97 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации"» // Документ опубликован не был; http://www.consultant.ru/

15. Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 г. № 836-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мирзояна Халута Задеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части третьей статьи 3, статьей 35, пунктом 2 статьи 43, частью первой статьи 96 и статьей 97 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации"» // Документ опубликован не был; http://www.consultant.ru/

16. Определение Конституционного Суда РФ от 20.11.2003 г. № 451-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Веккера Сергея Вадимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 86, 87, 235, 252, 253, 283 и 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был; http://www.consultant.ru/

17. Определение Конституционного Суда РФ от 12.04.2005 г. № 113-О «По жалобе гражданина Маслова Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав частями 1, 2 и 3 статьи 30.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 5.

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.10.2015 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.И. Карабанова и В.А. Мартынова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 1.

19. Определение Конституционного Суда РФ от 08.04.2004 г. № 133-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности статьи 33 Патентного закона Российской Федерации и абзацев 3 и 4 подпункта "Л" пункта 1 Положения о пошлинах за патентование изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, регистрацию товарных знаков, знаков обслуживания, наименований мест происхождения товаров, предоставление права пользования наименованиями мест происхождения товаров в связи с жалобой гражданина Котова Владимира Михайловича» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 6.

20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (ред. от 03.03.2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1.

21. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2000 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей, четвертой и пятой статьи 377 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан А.Б. Аулова, А.Б. Дубровской, А.Я. Карпинченко, А.И. Меркулова, Р.Р. Мустафина и А.А. Стубайло» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 3.

22. Определение Конституционного Суда РФ от 04.11.2004 г. № 430-О «По жалобе гражданки Старовойтовой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 42, частью восьмой статьи 162 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 2.

23. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 5.

24. Определение Конституционного Суда РФ от 05.11.2004 г. № 380-О «По запросу Всеволожского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части шестой статьи 388 и части первой статьи 402 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 2.

25. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // СЗ РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.

26. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 4.

27. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламенти-

рующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3.

28. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 4.

References

1. Novikova A. E. Problems of institutionalization of human rights risks in modern constitutional and legal science of Russia. *State power and local self-government*. 2011. No 10: 21-25. (In Russ.)

2. Novikova A.E. Risk as an object of constitutional and legal science. Monograph. M., 2019. (In Russ.)

3. Uvarov A.A. On the typology of legal understanding in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Constitutional and municipal law*. 2019. No 5: 55-59. (In Russ.)

4. Oreshkin S.I. Introduction to judicial policy / Ed. Yu.Yu. Vetyutnev. Elista, 2007. 152 p. (In Russ.)

5. Tutynina E.G. Rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation as a type of interpretative acts and a means of judicial policy. *Arbitration and civil procedure.* 2012. No 9:2-4. (In Russ.)

6. Kovtun N.N. The Galaxy of five non-twinkling dominant stars, or the System of Russian criminal procedure law in search of dominance and internal consistency. https://www.iuaj.net/node/2746 (In Russ.)

7. Lazarev L.V. Legal positions of the Constitutional Court of Russia. M., 2003. 687 p. (In Russ.)

8. Bondar N.S. Normative-doctrinal nature of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as sources of law. *Journal of Russian Law*. 2007. No 4: 75-85. (In Russ.)

9. Kotov O.Yu. The influence of decisions of the Constitutional Court of Russia on civil proceedings. M.: Gorodets, 2002. 188 p. (In Russ.)

10. Ebzeev B.S. Constitutional Court of the Russian Federation: legal nature, functions, main activities. *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation.* 1996. No 6: 21-36. (In Russ.)

11. Petrushev V.A. On the legal nature of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the interpretation of the Constitution of the Russian Federation. *Constitutional and Municipal Law*. 2007. No 11: 27-30. (In Russ.)

12. Syrykh V.M. Theory of State and law. M., 2004. 512 p. (In Russ.)

13. Shaikhutdinov E.M., Shafirov V.M. Interpretative acts (theoretical and applied research): Monograph. Krasnoyarsk, 2007. 154 p. (In Russ.)

14. Ruling of the Constitutional Court of the RF, 18.07.2019 No2146-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Kirilin Mikhail Yuryevich for violation of his Constitutional Rights by par.3 of Part 1 of Art. 3, Art.35, par. 2 of Art. 43, Part one of Art.96 and Art.97 of the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation Federation"/ http://www.consultant.ru

15. Ruling of the Constitutional Court of the RF dated 26.03.2019 No. 836-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Mirzoyan Khalut Zadeevich on violation of his Constitutional rights by paragraph 3 of Part 3 of Art. 3, Article 35, paragraph 2 of Article 43, Part one of Article 96 and Article 97 of the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation Federation"" / The document was not published; http://www.consultant.ru

16. Ruling of the Constitutional Court of the RF dated 20.11.2003 No. 451-O "On refusal to accept for consideration the complaints of citizen Sergey Vadimovich Vekker on violation of his constitutional rights by the provisions of Articles 86, 87, 235, 252, 253, 283 and 307 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" / The document was not published; http://www.consultant.ru/

17. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 12.04.2005 No. 113-O "On the complaint of citizen Maslov Alexander Ivanovich for violation of his constitutional rights by parts 1, 2 and 3 of Article 30.11 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation". *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 2005. No 5.

18. Resolution of the Constitutional Court of the RF No27-P dated 10/20/2015 "On the case of checking the constitutionality of Part Three of Article 333 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens A.I. Karabanov and V.A. Martynov". *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 2016. No. 1.

19. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation, 08.04.2004 No133-O "On Termination of Proceedings in the Case of Checking the Constitutionality of Art. 33 of the Patent Law of the Russian Federation and Par.3 and 4 of subpar. "L" of paragraph 1 of the Regulations on Fees for Patenting Inventions, Utility Models, Industrial Designs, Registration of Trademarks, Service Marks, Names places of origin of goods, granting the right to use the names of places of origin of goods in connection with the complaint of citizen Vladimir Mikhailovich Kotov". *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 2004. No. 6.

20. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 31.10.1995 No. 8 "On some issues of application by courts of the Constitution of the Russian Federation in the administration of justice" (ed. of 03.03.2015). *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation.* 1996. No. 1.

21. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2-P dated 02/14/2000 "On the Case of Checking the Constitutionality of the Provisions of Parts Three, Four and Five of Article 377 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaints of citizens A.B. Aulov, A.B. Dubrovskaya, A.Y. Karpinchenko, A.I. Merkulov, R.R. Mustafin and A.A. Stubailo". *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 2000. No. 3.

22. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 430-O dated 04.11.2004 "On the complaint of citizen Olga Vasilyevna Starovoitova for violation of her constitutional rights by paragraph 1 of Part two of Article 42, part eight of Article 162 and part two of Article 198 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 2005. No 2.

23. Resolution of the Constitutional Court of the RF No19-P dated 28.11.1996 "On the case of checking the constitutionality of Art. 418 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the request of the Karatuzsky District Court of the Krasnoyarsk Territory". Bulletin of the Constitutional Court of the RF. 1996. No5. 24. Definition of the Constitutional Court of the RF dated 05.11.2004 No380-O "At the request of the Vsevolozhsk City Court of the Leningrad region on checking the constitutionality of Part 6 of Art. 388 and part 1 of Article 402 of the Criminal Procedure Code of the RF". *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 2005. No 2.

25. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 18-P dated 08.12.2003 "On the case of checking the constitutionality of the provisions of the Articles 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 and 408, as well as Chapters 35 and 39 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in communications with requests of courts of general jurisdiction and complaints of citizens". *SZ RF*. 2003. No. 51. Art. 5026.

26. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 13-P of 29.06.2004 "On the case of checking the constitutionality of certain provisions of Articles 7, 15, 107, 234 and 450 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of a group of deputies of the State Duma". *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 2004. No. 4.

27. Resolution of the Constitutional Court of the RF No4-P of 22.03.2005 "On the Case of Checking the Constitutionality of a Number of Provisions of the Criminal Procedure Code of the RF Regulating the Procedure and Timing of the Use of detention as a preventive measure at the stages of criminal proceedings following the end of the preliminary investigation and Referral of the criminal case to the court, in connection with complaints of a number of citizens". *Bulletin of the Constitutional Court of the RF*. 2005. No 3.

28. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 7-P dated 04/20/1999 "On the case of checking the constitutionality of the provisions of Paragraphs 1 and 3 of Part One of Article 232, Part Four of Article 248 and Part One of Article 258 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the requests of the Irkutsk District Court of the Irkutsk Region and the Soviet District Court of Nizhny Novgorod". *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 1999. No 4.

Информация об авторах

Н.В. Стус– доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права
Э.З. Джамиль – помощник судьи

Information about the authors

N.V. Stus – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and International Law
E.Z. Jamil – Assistant Judge

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.03.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 23.03.2022; approved after reviewing 15.04.2022; accepted for publication 27.04.2022.

Гражданское право

Научная статья
УДК 347.4

Правовая квалификация отказа от исполнения договора в обязательствах по выполнению работ и оказанию услуг

© Я.Б. Гетман, 2022

Яна Борисовна Гетман
Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, Ростов-на-Дону, Россия. yanget@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы правовой квалификации отказа от исполнения договора в обязательствах по выполнению работ и оказанию услуг. Установление наличия основания одностороннего отказа от договора является важным для определения последствий прекращения договорных отношений.

Ключевые слова: односторонний отказ, исполнение договора подряда, обеспечения права на защиту, интерес заказчика, обязательства, выполнение работ, оказание услуг, исполнение обязательств

Для цитирования: Гетман Я.Б. Правовая квалификация отказа от исполнения договора в обязательствах по выполнению работ и оказанию услуг // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 5(144). С. 63-66

Civil law

Original article

Legal classification of refusal to fulfill the contract in obligations to fulfill the work and provision of services

Yana B. Getman
Rostov branch of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia. yanget@rambler.ru

Abstract. The article discusses the problems of legal classification of refusal from the execution of the contract in the obligations to fulfill the work and the provision of services. The establishment of the presence of the base of one-way refusal to the contract is important for determining the consequences of the termination of contractual relations.

Keywords: one-sided refusal, fulfill the contract, ensure the right, interests of customer, obligations, fulfill work, provision of services, fulfillment of obligations

For citation: Getman Ya.B. Legal classification of refusal to fulfill the contract in obligations to fulfill the work and provision of services. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No5 (144):63-66 (In Russ.)

В отношении института одностороннего отказа от исполнения обязательства действует правило о недопустимости. Действующее законодательство в особых случаях допускает исключения из этого правила. Особое внимание следует обратить здесь на возможность договорного регулирования, но с условием, что все участники обязательства являются лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность [1]. Современное гражданское законодательство в качестве последствия одностороннего отказа от договора (исполнения договора), соответственно, в случаях, когда это допускается, предусматривает п.2 ст.450.1 ГК РФ расторжение договора. Анализ правоприменительной практики показывает, что в отношении различных договорных обязательств этот вопрос порождает дискуссии. В целях исследования отдельных проблем практической реализации этих положений обратимся к институтам подряда и оказанию услуг. Гражданский кодекс РФ в главе 37 устанавливает основания для реализации права сторон по отказу от исполнения договора подряда.

Особого внимания требуют нормы гражданского законодательства, фиксирующие отказ от исполнения подрядного обязательства в любое время и без оснований.

ГК РФ определяет случаи одностороннего отказа от договора подряда как для заказчика (п. 3 ст. 708, п. 5 ст. 709, п. п. 2, 3 ст. 715, ст. 717, п. 3 ст. 723 ГК РФ), так и для подрядчика (п. 3 ст. 716, п. 2 ст. 719 ГК РФ).

Заключая подрядные обязательства, следует учитывать положения ст. ст. 717, 719 ГК РФ, устанавливающие условия одностороннего отказа от исполнения договора, особенно возможность изменения их соглашением сторон (абз. 2 п. 4 ст. 421 ГК РФ). Например, по правилам ст. 717 ГК РФ допускается возможность для сторон исключить право заказчика на отказ от исполнения договора подряда в любое время до сдачи ему результата работы.

Прекращение договоров возмездного оказания услуг и подряда происходит по различным основаниям, как зависящим, так и не зависящим от воли сторон. Среди них наиболее частой причиной судебных споров является расторжение договора вследствие одностороннего отказа одной из сторон. Отказ заказчика может быть обусловлен нарушением договора подрядчиком (исполнителем) [2] (п.2-3 ст. 715, п.3 ст. 723, п.2 ст. 737 ГК РФ), существенным изменением обстоятельств выполнения работ (п.5 ст. 709 ГК РФ), а может быть и не обусловлен этими внешними для заказчика причинами. Последний может просто утратить интерес к исполнению договора контрагентом. Сущность подрядного договора и договора по оказанию услуг не может лишить заказчика права выбора исполнения работ или услуг. Поэтому законодатель предоставляет ему право отказаться от исполнения договора без обоснования причин такого отказа: они не имеют правового значения (ст. 717, п.2 ст. 731, п.1 ст. 782 ГК РФ) [3], если только сам заказчик не настаивает на том, что его отказ является следствием нарушения договора подрядчиком (исполнителем). Такой отказ в доктрине и решениях судов именуют немотивированным (абз. 3 п. 4 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. N 16 "О свободе договора и ее пределах") [4] или безмотивным.

Основаниями отказа подрядчика (исполнителя) от исполнения договора является неисполнение его контрагентом своих обязанностей (п.3 ст. 716, п.2 ст. 719 п.3 ст. 745 ГК РФ), невозможность исполнения, возникшая по вине заказчика услуг (п.2 ст. 781 ГК РФ). В отличие от заказчика, подрядчику не предоставлено ГК РФ право немотивированного отказа от договора.

Право на отказ стороны от исполнения договора, являющееся следствием ненадлежащего исполнения другой стороной своей обязанности, возникает у стороны договора не в любом случае нарушения ее контрагентом, а только в прямо предусмотренных законом случаях. Примером является право на отказ, предоставленное подрядчику п. 3 ст. 716 ГК РФ в случае, если уведомление им заказчика о наличии препятствий к исполнению договора, предусмотренных п.1 этой статьи, осталось без должной реакции со стороны заказчика. При этом подрядчик получает право требовать возмещения убытков, возникших вследствие вынужденного отказа от договора.

Установление наличия основания одностороннего отказа от договора является важным для определения последствий такого прекращения договорных отношений. Такой вопрос часто встает перед судами при разрешении споров. В судебном деле по спору между строительной организаций и заказчиком, рассмотренном Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ, истец и ответчик по-разному квалифицировали основания такого отказа. Заказчик посчитал, что имеет право отказаться от исполнения договора на основании п.2 ст. 715 ГК РФ в связи с тем, что подрядчик несвоевременно начал выполнение работ. Однако суд подтвердил правильность позиции подрядчика о необходимости применения в деле ст. 717 ГК РФ о немотивированном отказе заказчика от договора, которая предусматривает обязанности заказчика уплатить цену договора пропорционально выполненной работе и возместить убытки, вызванные прекращением договорных отношений [5].

Возникновение на практике споров о разграничении договоров подряда и оказания услуг часто связано с желанием юристов применить к подрядным отношениям нормы главы 39 ГК РФ о немотивированном отказе, которые предусматривают другие последствия, нежели регламентирующие такой же отказ нормы главы 37 ГК РФ.

Заказчик, потерявший интерес к выполнению работы подрядчиком, на основании ст. 717 ГК РФ обязан оплатить подрядчику уже сделанную им до получения извещения об отказе работу. Кроме того, на него ложится бремя образования в имущественной сфере подрядчика убытков в связи с расторжением подрядчика договора, которые заказчик обязан возместить. В отношении заказчика, немотивированно отказавшемуся от получения услуг, законодатель устанавливает более лояльные правила: согласно п.1 ст. 782 ГК РФ, он обязан возместить исполнителю лишь расходы. Иные убытки остаются в имущественной сфере исполнителя. Примечательно, что ст. 717 ГК РФ содержит оговорку о возможности сторонам предусмотреть в договоре иные последствия немотивированного отказа, а подобного указания на диспозитивность нормы нет. Подобная разница в регулировании сходных отношений не могла не породить вопросы на практике о характере нормы п.1 ст. 782 ГК РФ. Рассмотрим подробнее эту проблему.

Анализ правоприменительной практики показывает на ряд тенденций в отношении процедуры отказа заказчика от договора на основании п.1 ст. 782 ГК РФ. Так, заказчик вправе отказаться от договора в любое время. Если к этому моменту он уже исполнил свои обязательства по оплате услуг или внесению аванса, уплаченные им денежные средства должны быть возвращены исполнителем за вычетом суммы его расходов. Если встречные обязательства заказчика еще не были им исполнены, он также имеет право на немотивированный отказ от договора. Расходы исполнителя в этом случае должны быть возмещены несостоявшимся услугополучателем добровольно или в соответствии с решением суда [6].

Предоставленное п.1 ст. 782 ГК РФ право также может использовать третья сторона договора, не являющаяся заказчиком, если ей принадлежит законный экономический интерес в исполнении

договора и она внесла плату за услуги (или была обязана внести ее в соответствии с положениями договора) [7].

Состав расходов исполнителя, подлежащих возмещению заказчиком, не ограничивается теми, которые были понесены до момента получения исполнителем извещения о расторжении договора. Заказчик должен возместить также расходы, которые исполнитель должен был понести к этому моменту [8], например для обеспечения оказания услуг на будущий, предусмотренный договором период [9].

Привилегированное положение заказчиков услуг по сравнению с правовым положением отказывающихся на тех же основаниях исполнителей (в соответствии с п. 2 ст. 782 ГК РФ они обязаны полностью возместить заказчику убытки) объясняет стремление последних на практике устанавливать в договоре ограничения для заявления немотивированного отказа заказчиком и даже запрет на реализацию этого предусмотренного ГК РФ права. Распространены также условия об установлении санкций в виде неустойки или платы исполнителю за «выход из договора».

Поскольку норма п. 2 ст. 782 ГК РФ не содержит диспозитивной оговорки, на практике считали ее императивной, запрещающей иное договорное регулирование. Примером такого подхода является дело по спору между адвокатским бюро и коммерческой организацией, заключившими договор оказания правовых услуг. В данном соглашении стороны закрепили условие о неустойке за отказ заказчика от исполнения договора. Это условие было признано Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ ничтожным ввиду противоречия его норме п.1 ст. 782 ГК РФ, которую суд квалифицировал как императивную [10].

Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 "О свободе договора и ее пределах" внесло коррективы в эту практику. Во-первых, разъяснили механизм выявления диспозитивных норм в гражданском законодательстве: отсутствие в норме оговорки о возможности изменения установленного ею правила соглашением сторон не свидетельствует однозначно о ее императивности, судам рекомендовано устанавливать правовую природу нормы исходя из преследуемых ею целей правового регулирования. Во-вторых, в качестве иллюстрации общего правила обращено внимание на последствия отказа от договора, предусмотренные ст. 782 ГК РФ, указано на диспозитивность нормы в этой части. По поводу возможности сторон совместным волеизъявлением запретить односторонний отказ от исполнения договора, Пленум, однако, не выразил свою позицию.

Для некоторых сфер применения договора возмездного оказания услуг диспозитивное регулирование рассматриваемых отношений вообще не целесообразно. Это касается отношений по оказанию услуг потребителям, которые строятся, как правило, на основе договоров присоединения. Права потребителей на немотивированный отказ от договора основаны на положении ст. 32 Закона "О защите прав потребителей" и не могут быть ограничены договором.

Тем не менее, представляется, что необходимо ограничить свободу договора в части установления в нем запрета на безмотивный отказ. Сущности отношений между исполнителем и получателем услуг противоречит навязывание заказчику ненужных ему действий исполнителя.

Список источников

1. ГК РФ ст. 310; абзац четвертый п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 "О свободе договора и ее пределах"
2. Решение Верховного Суда РФ от 25 апреля 2018 г. № АКПИ18-146 // СПС «Гарант».
3. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 мая 2014 г. № ВАС-5300/14 // СПС «Гарант».
4. Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 5.
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 5 июля 2016 г. N 305-ЭС16-2157 по делу №А40-179908/2014 // СПС «Гарант».
6. Определения Конституционного Суда РФ от 25 октября 2016 г. № 2269-О п.2 "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Воронина Валерия Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 782 Гражданского кодекса РФ // СПС «Гарант». Разъяснение по вопросу 5 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 4 марта 2015г.Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 5.
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24 июня 2019 г. № 305-ЭС19-1106 // СПС «Гарант».
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22 марта 2018 г. № 305-ЭС17-18329 // СПС «Гарант».
9. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда от 17 января 2012 г. № 11292/11 // СПС «Гарант».
10. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 07 сентября 2010 г. № 2715/10 // СПС «Гарант».

References

1. Civil Code of the Russian Federation Article 310; paragraph four of paragraph 2 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 14.03.2014 No. 16 "On freedom of contract and its limits" (In Russ.)

2. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 25, 2018 No. AKPI18-146. SPS "Garant" (In Russ.)

3. Ruling of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated May 16, 2014 No. VAS-5300/14. SPS "Garant" (In Russ.)

4. Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2014. № 5.

5. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 5, 2016 N 305-ES16-2157 in case no.A40-179908/2014. SPS "Garant" (In Russ.)

6. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 25, 2016 no. 2269-On item 2 "On refusal to accept a complaint for consideration citizen Voronin Valery Viktorovich on violation of his constitutional rights by paragraph 1 of Article 782 of the Civil Code of the Russian Federation // SPS "Garant". Explanation on question 5 of the Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1, approved. By the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on March 4, 2015. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No 5. (In Russ.)

7. Definition of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 24, 2019 No. 305-ES19-1106.SPS "Garant" (In Russ.)

8. Definition of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 22, 2018 No. 305-ES17-18329. SPS "Garant" (In Russ.)

9. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of January 17, 2012 No. 11292/11. SPS "Garant" (In Russ.)

10. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated September 07, 2010 No. 2715/10. SPS "Garant" (In Russ.)

Информация об авторе

Я.Б. Гетман – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Y.B. Getman – Candidate of Law, Associate Professor

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.03.2022; одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 17.03.2022; approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 27.04.2022

Научная статья
УДК 347.4

Актуальные вопросы судебной практики по спорам о взыскании убытков, причиненных односторонним отказом заказчика от договора подряда и оказания услуг

© Я.Б. Гетман, 2022

Яна Борисовна Гетман
Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, Ростов-на-Дону, Россия. yanget@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы взыскания убытков, причиненных односторонним отказом заказчика от договора подряда и оказания услуг. Вопросы возмещения убытков имеют особое значение для защиты нарушенного права. В правоприменительной практике особое значение уделяется взысканию убытков при одностороннем отказе заказчика от договора в обязательствах по выполнению работ и оказанию услуг.

Ключевые слова: возмещение убытков, взыскание убытков, односторонний отказ заказчика, обязательства по выполнению работ, обязательства по оказанию услуг

Для цитирования: Гетман Я.Б. Актуальные вопросы судебной практики по спорам о взыскании убытков, причиненных односторонним отказом заказчика от договора подряда и оказания услуг // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 5(144). С.67-69

Original article

Topical issues of judicial practice on disputes on the recovery of losses caused by the unilateral refusal of the customer from the contract of work and provision of services

Yana B. Getman
Rostov branch of Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia. yanget@rambler.ru.

Abstract. The article discusses the problems of recovery of losses caused by the unilateral refusal of the Customer from the Contract of work and provision of services. Issues of damages are of particular importance to protect violated right. In law enforcement practice, the recovery of losses under the unilateral refusal of the customer from the contract in the obligations to fulfill the work and the provision of services.

Keywords: damages, recovery of losses, unilateral refusal of the customer, one-sided refusal, contract of work, interests of the customer

For citation: Getman Ya.B. Topical issues of judicial practice on disputes on the recovery of losses caused by the unilateral refusal of the customer from the contract of work and provision of services. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No5 (144): 67-69 (In Russ.)

Вопросы возмещения убытков имеют особое значение для защиты нарушенного права. В правоприменительной практике особое значение уделяется взысканию убытков при одностороннем отказе заказчика от договора в обязательствах по выполнению работ и оказанию услуг. Гражданское законодательство устанавливает обязанность заказчика возместить убытки при реализации права, установленного ст.717 ГК РФ на отказ от исполнения договора подряда до сдачи результатов работ. Подлежит оплате подрядчику и часть цены, предусмотренной договором, пропорционально объему работы, которая была выполнена до вручения извещения заказчика об отказе от исполнения договора.

Особый интерес представляет в этой сфере разъяснение, что «ст.717 ГК РФ устанавливает максимальный предел возмещения убытков в случае одностороннего отказа заказчика от исполнения договора подряда» [1]. При этом исключения из общего правила возмещения убытков отсутствуют. Истец не освобождается от обязанности доказывания возникших убытков. Определенно приходим к выводу об ограничении размера возмещения, если фактический ущерб превышает максимальный предел, установленный законом [2].

А.Г. Карапетов и Р.С. Бевзенко отмечают, что интересы исполнителя требуют вместо права на компенсации ему расходов закрепления хотя бы права на полное возмещение убытков [3]. Еще более справедливым механизмом перераспределения неблагоприятных последствий такого отказа является, по мнению этих авторов, установление обязанности заказчика возместить всю стоимость услуг за вычетом тех средств, который исполнитель сэкономил за счет того, что по факту не оказывал (или частично не оказывал) услугу. Учет такой экономии актуален для тех обязательств по оказанию услуг, в

которых исполнение осуществляется с обязательным участием услугополучателя (медицинские, косметологические и т.п.). Что касается услуг, которые рассчитаны на определенное количество заказчиков и должны быть оказаны даже при отсутствии одного или нескольких из них (такие как групповая экскурсия, театральное представление, чтение лекции), то экономии исполнителя здесь не возникает и его интересам соответствует компенсация всей стоимости услуг [3].

Так, при определении последствий отказа от договора, применяемый к потребителям и иным участникам гражданского оборота, породил вопросы при разрешении спора о размере возмещения, причитающегося туроператору в связи с отказом туриста от договора, который был заявлен турагенту. Договором между турагентом и туроператором была установлено неустойка за отказ туриста от договора. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ пришла к выводу, что в этом случае агент лишь доводит волю туриста до туроператора и не может считаться лицом, ответственным за неблагоприятные для туроператора последствия, вызванные этим отказом. Поскольку для туриста предусмотрена обязанность возместить фактические расходы, понесенные при организации туристского продукта, то и с агента как с посредника подлежит взысканию именно эта сумма [4].

Однако и в договорах с участием потребителей, и между предпринимателями интерес исполнителя при безмотивном отказе услугополучателя от договора является недостаточно защищенным. Расчет подлежащей возмещению суммы как полная стоимость услуги за вычетом экономии исполнителя не только экономически более выгоден для исполнителя, чем компенсация расходов, но и удобен для него тем, что бремя доказывания размера экономии ложится на заказчика. При применении варианта о возмещении расходов и даже убытков заказчика бремя доказывания ложится на исполнителя, что усиливает позицию заказчика, и поэтому этот вариант актуален для отношений с потребителями.

Несмотря на то, что судебная практика допускает установление в договоре такого последствия немотивированного отказа от договора как возмещение убытков, замена этой меры ответственности неустойкой неоднозначно оценивалась судами. Обоснование этой позиции строилось на анализе природы основания отказа от исполнения договора по п.1 ст. 782 ГК РФ: он заявляется заказчиком при правомерном поведении контрагента, поэтому неустойка не может здесь устанавливаться ни как форма ответственности, ни как способ обеспечения исполнения обязательства [5]. Тем не менее, недавнее закрепление в законодательстве такого инструмента регулирования своих отношений предпринимателями как плата за односторонний отказ от договора (п.3 ст. 310 ГК РФ в редакции Федерального закона от 08 марта 2015 N 42-ФЗ) дает возможность использовать его вместо неустойки. Плата за отказ от договора, также как и неустойка, может в исключительных случаях уменьшаться в судебном порядке, если будет доказано явное ее несоответствие последствиям расторжения договора. При принятии решения об уменьшении платы за отказ от договора суд также должен оценивать добросовестность стороны, требующей ее взыскания (п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ "О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении").

Следует отметить, что изменение последствий, предусмотренных п.1 ст. 782 ГК РФ, возможно и в случае, если договор оказания услуг не содержал иного регулирования. Стороны могут прекратить отношения по соглашению сторон (п.1 ст. 450 ГК РФ), предусмотрев в нем обязанность заказчика полностью компенсировать убытки исполнителя.

Таким образом, законодательное регулирование отношений, возникших из одностороннего безмотивного отказа от исполнения договора возмездного оказания услуг заказчиком, нуждается в совершенствовании в части размера возмещения, компенсируемого исполнителю. Оно должно различаться в зависимости от правового статуса заказчика. Для предпринимательского обязательства целесообразно установить обязанность заказчика возместить контрагенту всю стоимость услуг с учетом экономии услугодателя, которая возникла у него в связи отсутствием необходимости осуществлять фактические действия по оказанию услуг. Для изменения этого последствия стороны всегда смогут воспользоваться правом установить в договоре плату за отказ от договора в соответствии с п.3 ст. 310 ГК РФ. В отношении с участием потребителя допустимо законодательное закрепление его обязанности возместить заказчику убытки в полном размере, однако только в том случае, если на этапе заключения соглашения потребитель имел возможность заключить такой же договор по более высокой цене, но с закреплением права отказаться от исполнения договора, не возмещая убытки исполнителю.

Список источников

1. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.01.2000 № 51 "Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда",п.19
2. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 24 января 2020 г. № Ф08-10549/19 по делу № А53-413/2019;Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 5 июня 2020 г. N Ф10-1614/20 по делу N А68-11390/2019; Постановление Арбитражного суда Восточно-

Сибирского округа от 5 декабря 2019 г. № Ф02-6045/19 по делу № А19-13445/2018;Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25 марта 2019 г. № Ф07-1767/19 по делу № А56-11663/2017

3. Карапетов А.Г., Бевзенко Р.С. Комментарий к нормам ГК об отдельных видах договоров в контексте постановления Пленума ВАС РФ "О свободе договора и ее пределах" // Вестник экономического правосудия. 2014. № 9.

4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 2 декабря 2014 г. № 310-ЭС14-142 // СПС «Гарант».

5. Определение Верховного Суда РФ от 11 марта 2015 г. № 305-ЭС15-249 // СПС «Гарант»; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 2 декабря 2014 г. № 310-ЭС14-142 // СПС «Гарант».

References

1. Information letter from the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 24.01.2000 N 51 "Review of the Practice of Dispute Resolution under the Construction Contract Agreement", paragraph 19 (In Russ).

2. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District of January 24, 2020 N F08-10549 / 19 in case No. A53-413 / 2019; Resolution of the Arbitration Court of the Central District of June 5, 2020 N F10-1614 / 20 in case N A68 11390/2019; Decision of the Arbitration Court of the East Siberian District dated December 5, 2019 N F02-6045 / 19 in case No. A19-13445 / 2018; Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District of March 25, 2019 N F07-1767 / 19 in case N A56-11663 / 2017. (In Russ).

3. Karapetov A.G., Bevzenko R.S. Commentary on the standards of GC on certain types of contracts in the context of the decision of the Plenum of the Russian Federation "On Freedom of the Agreement and its limits" // Bulletin of Economic Justice. 2014. N 9. // ATP "Garant".(In Russ).

4. Definition of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of December 2, 2014 N 310-ES14-142 // SPS "Garant".

5. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of March 11, 2015 N 305-ES15-249 // SPS "Garant"; Definition of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of December 2, 2014 N 310-ES14-142 // SPS "Garant".

Информация об авторе

Я.Б. Гетман – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Y.B. Getman – Candidate of Law, Associate Professor

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.03.2022; одобрена после рецензирования 18.04.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 17.03.2022; approved after reviewing 18.04.2022; accepted for publication 27.04.2022

Научная статья
УДК 347.56

Авторские права в электронном образовательном пространстве

© Мещерякова С. Н., 2022

Светлана Николаевна Мещерякова
Южный университет (ИУБиП), г. Ростов-на-Дону, Россия. snm1003@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется вопрос правомерной реализации задачи, возникшей в настоящее время перед работниками педагогической сферы, по развитию рабочего интернет-пространства, то есть, своей личной профессиональной территории. Акцентировано внимание на том, что многообразие интернет-контента привлекает перспективой его использования на всевозможных электронно-информационных курсах, в собственных учебных и методических разработках, при проведении мероприятий, но всегда надо помнить, что обширные возможности беспрепятственного доступа к информационному контенту не освобождает от ответственности за его неправомерное использование. Автор конкретизирует некоторые правовые моменты и дает разъяснение для использования заимствованного электронного контента с соблюдением законодательства.

Ключевые слова: электронно-информационные ресурсы, защита авторских прав, дистанционное обучение, виртуальное пространство, электронное образовательное пространство, образовательный контент, исключительные права

Для цитирования: Мещерякова С.Н. Авторские права в электронном образовательном пространстве // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 5 (144). С.70-73

Original article

Copyright in the electronic educational space

Svetlana N. Meshcheryakova
Southern University (IBML), Rostov-on-Don, Russia. snm1003@yandex.ru

Abstract. The article explores legitimate implementation of the task that has now arisen before the employees of the pedagogical sphere, for the development of the working Internet space, that is, their personal professional territory. Focuses attention on the fact that the variety of Internet content attracts with the prospect of its use in various electronic information courses, in their own educational and methodological developments, but it should always be remembered that extensive opportunities for unhindered access to information content does not exempt from responsibility for its misuse. The author specifies some legal points and provides an explanation for the use of borrowed electronic content in compliance with the law.

Keywords: e-resources, copyright protection, distance learning, virtual space, electronic educational space, educational content, exclusive rights

For citation: Meshcheryakova S.N. Copyright in the electronic educational space. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No5 (144):70-73 (In Russ.)

В современных реалиях перед работниками педагогической сферы возникла задача по развитию рабочего интернет-пространства своей личной профессиональной территории. И по открывающимся перспективам обозримого будущего, дальше аудиторная работа будет все больше уступать место дистанционной. В связи с чем, педагогам придется набирать обороты в направлении развития рабочего виртуального пространства, не вызывает сомнений тот факт, что в наше время все меньше берутся за основу печатные издания при подготовке рабочего материала, а все необходимое для работы мы находим в сети Интернет.

В настоящее время появилась масса возможностей найти материал для проведения занятий, использовать как свои наработки, так и чужие. Многообразие видео, фото и аудио контента, разнообразие контрольно-измерительных ресурсов, книг и научных статей, привлекают перспективой их использования на всевозможных электронно-информационных курсах, в собственных учебных и методических разработках, а также, конечно, в проведении мероприятий. Но всегда надо помнить, что обширные возможности беспрепятственного доступа к информационному контенту не освобождают от ответственности за его неправомерное использование [2, с. 143]. И если работники образования ведут свою деятельность в сфере юриспруденции, эта ситуация им более или менее ясна. Но очень важно в данном направлении проводить обучающую работу с педагогическим контингентом других сфер.

Хотелось бы пояснить несколько вопросов о соблюдении авторских прав в данном ракурсе. Речь пойдет не об охране авторских прав с цитатами из ГК РФ, не о его защите, с погружением в детали гражданского и арбитражного процесса, а конкретно о соблюдении авторских прав всеми работника-

ми данной сферы. В современном мире требования таковы, что все педагоги являются авторами, занимаясь научной работой и публикуя свои труды, а соответственно, пользуются чужими научными и методическими трудами.

Права на произведение бывают разнообразными: авторскими (право авторства, право на имя, право на обнародование, право на судебную защиту репутации (известного) автора) и исключительными (публичный показ, воспроизведение, распространение, переработка, перевод и пр.). И если авторские права неотчуждаемы, то исключительные могут свободно быть переданы другому лицу, именуемому впоследствии правообладателем. В таком случае у автора остаются именно авторские права (к примеру, свое произведение он самостоятельно публиковать уже не сможет) [3, с.87].

Авторское право защищает произведения науки, литературы и искусства (нас в данном случае интересует наука), возникает в момент создания произведения и обязательно в том случае, если имеется указания автора на самом произведении или его экземпляре. Для возникновения, осуществления и защиты авторских прав не требуется регистрация произведения или соблюдение каких-либо иных формальностей.

Из содержания Закона мы знаем, что право на авторство, равно как и имя, защита репутации автора охраняются бессрочно. А исключительные права на любое произведение являются действующими в течение всей жизни автора и 70 лет после его смерти. Об этом каждый педагог должен помнить, когда работает над каким-либо научным трудом, имея в виду не только научные статьи, но и любую наработку для образовательного процесса [4, с.33].

Не являются объектами авторского права идеи, концепции, принципы, методы, процессы, системы, способы, решения технических, организационных или иных задач; но являются производные произведения, то есть произведения, представляющие собой переработку другого произведения; составные произведения, то есть произведения, представляющие собой по подбору или расположению материалов результат творческого труда. То есть, если мы, имея определенные знания, так сказать, перерабатываем их и формулируем по-своему, то это наше авторство, если же мы цитируем текст без ссылки на автора – это уже плагиат.

Но возникает вопрос: весь ли контент, выложенный в Интернете, обязательно имеет авторство. Это не всегда так. Такой информацией (у которой есть авторство) может являться размещение электронного контента в блоге или на сайте интернет-пространства, логотип, подпись, титры и т.п. В случае если подобная информация отсутствует (допустим, выложено изображение без уточняющей опознавательной информации), то установить автора фактически невозможно.

Еще один немаловажный факт. Если перед нами ситуация, когда авторство не может быть установлено, свободно использовать контент нельзя. Выбранная конкретная информация (контент) может быть «копией с копии», где на этот момент авторские права уже нарушены ранее (но и в таком случае это не снимает ответственности) [6, с.517].

В итоге, делаем вывод о том, что использовать можно только правомерно обнародованные произведения. Буквально это означает, что обнародовать произведение может только либо сам автор, либо правообладатель, которому были переданы соответствующие права. Провести проверку на предмет того, действительно ли материал обнародован в Интернете правомерно, очень сложно, практически нереально. В случае использования какого-либо материала из Интернета, можно рекомендовать обращать внимание на конкретный сайт, с которого берется этот материал, а также на обозначенные условия его использования, которые опубликованы именно на этом сайте. Если условий нет, это практически однозначно говорит нам о том, что контент уже содержит незаконную копию.

Хочется напомнить, что исключительными правами на любое конкретное произведение может пользоваться правообладатель (и это далеко не всегда сам автор). Права на использование произведения могут быть отданы другому лицу на определенных оговоренных условиях.

Право использования любого научного материала может быть получено только путем заключения лицензионного договора или по открытой лицензии. Лицензионный договор, согласно законодательства, заключается (с правообладателем) обязательно в письменной форме, а условия использования произведения в этом случае четко прописываются в договоре. Как правило, этими вопросами занимается не сам педагог, а образовательная организация, в которой он трудится. Плюс ко всему, правообладатель имеет право сделать открытое заявление о возможности использовать его авторский труд (произведение) безвозмездно на определенных им условиях и сроках, если мы встречаем об этом информацию в электронном ресурсе, то проблем не возникает. Заявление такое в обязательном порядке публикуется на сайте соответствующего органа исполнительной власти федерального уровня. Что касается открытой лицензии, она должна находиться в свободном доступе (допустим, опубликована на сайте). Все условия прописываются в тексте, при этом в любой момент лицензия может быть отозвана правообладателем. Если нет информации об отзыве, значит, мы можем вполне законно использовать эту информацию, с соблюдением заявленных условий.

С точки зрения образовательных организаций, надо сказать, что возможно свободное использование произведения в информационных, научных, учебных или культурных целях [1, ст.1274-1280]:

-цитирование;

-использование произведений, в отношении которых уже истек срок действия авторского права;

-использование произведений и отрывков из них в качестве иллюстраций в изданиях, радио- и телепередачах, аудио- и видеозаписях учебного характера;

-использование политических речей (публично произнесенных), а также обращений и докладов;

- распространение и воспроизведение произведений и статей по текущим экономическим, политическим, социальным и религиозным вопросам в случаях, если такие воспроизведение, сообщение, доведение не были специально запрещены автором или иным правообладателем;

-воспроизведение и распространение в освещении текущих событий произведений, которые становятся увиденными или услышанными в ходе таких событий;

-публичное исполнение произведений путем их представления в живом исполнении, осуществляемое <u>без цели извлечения прибыли</u> (здесь и далее подчеркнуто автором) в образовательных организациях;

-создание экземпляров произведений в форматах, предназначенных исключительно для использования слепыми и слабовидящими (не применяются в отношении произведений, созданных в целях использования в специальных форматах, а также в отношении фонограмм, состоящих в основном из музыкальных произведений);

-создание произведения в жанре литературной, музыкальной или иной пародии либо в жанре карикатуры на основе другого (оригинального) правомерно обнародованного произведения и использование этих пародий либо карикатуры;

-образовательные организации, <u>при условии отсутствия цели извлечения прибыли</u>, вправе с обязательным указанием имени автора, произведение которого используется, и источника заимствования, создавать копии различных статей и произведений небольшого объема, их отрывков (с иллюстрациями или без иллюстраций) и предоставлять эти копии обучающимся и педагогическим работникам;

-публичное исполнение во время проведения официальных церемоний правомерно обнародованного музыкального произведения.

У педагогов часто возникает вопрос: кому принадлежат права на разработки педагогического работника. Многие преподаватели в силу своих педагогических трудовых обязанностей выполняют разные методические разработки. При этом заведомо понятно, что авторские права в таком случае принадлежат педагогу на все эти разработки, но правообладателем будет являться образовательная организация. Правда, при соблюдении ряда условий [1, ст. 1295]:

- если в течение трех лет после создания разработки или произведения, образовательная организация не использовала произведение (или разработку), не передавала исключительное право на него или не сообщила о сохранении произведения в тайне, в таком случае исключительное право возвращается обратно к преподавателю;

- если произведение (или разработка) были использованы, передача исключительных прав осуществлялась, сохранялось в тайне произведение, у преподавателя возникает право на вознаграждение (между преподавателем и образовательной организацией заключается по этому поводу договор (по инициативе, чаще всего, преподавателя);

- образовательная организация может указывать при использовании служебного произведения свое имя или наименование либо требовать такого указания.

Итак, можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, допустимо использовать произведения (и их отрывки), правомерно опубликованные. Под произведениями в данном случае могут иметься в виду аудио, текстовые, видео-произведения, фотографии, различные иллюстрации, сценарии и тому подобное. Принципиально важно указывать источник и автора при цитировании, причем, как можно более полно [8]. В ситуации, когда источник вызывает сомнения, может выясниться, что произведение было неправомерно обнародовано (в смысле ни автором, ни правообладателем, соответственно). В таком случае лучше вообще отказаться от цитирования. Также нельзя цитировать произведения в случаях, когда это запретил автор либо правообладатель.

Во-вторых, немаловажным аспектом является сама цель цитирования. Надо помнить, что это могут быть только критические, научные, информационные, полемические, учебные цели, а равно и цели доведения до свободного понимания творческого замысла автора.

В-третьих, всегда должен быть обоснован объем цитирования решением учебной задачи. В случае создания методических разработок, с учетом желаемого последующего их опубликования, нужно внимательно и осторожно выбирать объемы и цели цитирования, так, чтобы оно было реально обоснованным в случае возникновения спора по этому поводу.

При создании и формировании сайтов, в том числе и образовательных организаций, цель наполнения, как правило, не соответствует всем вышеперечисленным. Поэтому нельзя опубликовывать чужие видео, фотоматериалы, аудио и текстовые. Здесь представляют собой исключения официальные документы, материалы проведенных акций и мероприятий, а также логотипы, если самими организаторами это не запрещено. Все остальные указанные материалы обязательно должны быть авторскими или использоваться, как уже говорилось, по открытой лицензии.

Каким-то образом изменять или редактировать цитируемые в своей работе произведения нельзя, например, комментировать, добавлять надписи, составлять из рисунков коллажи и прочее. В данном случае исключением будут произведения по открытой лицензии, если опять-таки это предусмотрено самой лицензией.

Что касается музыкальных произведений, их можно свободно использовать при проведении различных официальных мероприятий [7]. Равно как и исполнять произведения вживую в образовательных организациях тоже разрешено под условием того, что делается это без извлечения прибыли.

Список источников

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 11.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // «Российская газета». № 289. 22.12.2006
2. Абдуллазянова А.М. Гражданско-правовые средства свободного использования произведений в авторском праве Российской Федерации. Дисс. … к.ю.н. 2018. С.242
3. Богданова Е. Е. Охрана интеллектуальных прав в сферах виртуальной и дополненной реальности // Lex russica. 2020. Т. 73. № 7. С. 86-96.
4. Гаврилов Э.П. Часть четвертая ГК РФ: пятнадцать лет спустя // Хозяйство и право. 2021. №8(535). С.31-34.
5. Данилин С.Н., Борисов А.Н. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса РФ (раздел VII «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» // СПС «Гарант».
6. Рузакова О.А., Гринь Е.С. Вопросы защиты интеллектуальной собственности в области технологий виртуальной и дополненной реальности (vr, ar) // Вестник пермского университета. Юридические науки. 2020. №49. С.502-523.
7. Сайт Российского авторского общества // URL: https://rao.ru.
8. Правомерное цитирование произведений // URL: https://art.legal/blog/pravomernoe-citirovanie-

References

1. "The Civil Code of the Russian Federation (Part Four)" dated 18.12.2006 No. 230-FZ (ed. dated 11.06.2021) (with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2022). *Rossiyskaya Gazeta*, No. 289, 22.12.2006
2. Abdullazyanova A.M. Civil-legal means of free use of works in the copyright of the Russian Federation. Theses. 2018:242. https://www.dissercat.com/content
3. Bogdanova E. E. Protection of intellectual rights in the spheres of virtual and augmented reality. *Lex russica*. 2020. Vol. 73. No. 7: 86-96.
4. Gavrilov E.P. Part four of the Civil Code of the Russian Federation: fifteen years later. *Economy and law*. 2021. No8(535):31-34.
5. Danilin S.N., Borisov A.N. Commentary on Part four of the Civil Code of the Russian Federation (Section VII "Rights to the results of intellectual activity and means of individualization". *Business Yard*. 2015. https://base.garant.ru.
6. Ruzakova O.A., Grin E.S. Issues of intellectual property protection in the field of virtual and augmented reality (vr, ar) technologies. *Bulletin of Perm University*. *Legal sciences*. 2020. No.49:502-523.
7. Website of the Russian Copyright Society. https://rao.ru .
8. Legitimate quoting of works. https://art.legal/blog/pravomernoe-citirovanie-proizvedeniy

Информация об авторе: С.Н. Мещерякова – кандидат юридических наук, доцент
Information about the author: S.N. Meshcheryakova – Candidate of Law, Associate Professor
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.04.2022; одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 21.04.2022; approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication 27.04.2022

Научная статья
УДК 347

Клинические рекомендации – новая реальность ответственности врача

© Е.В. Муравьева, 2022

Елена Викторовна Муравьева
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия. evmuraveva@sfedu.ru

Аннотация. В статье анализируются правовой статус клинических рекомендаций, порядок разработки и утверждения клинических рекомендаций, проблемы обязательности применения клинических рекомендаций медицинскими организациями при оказании медицинской помощи.

Ключевые слова: клинические рекомендации, медицинские организации, правовой статус, нормативно-правовой акт, обязательность применения, ответственность.

Для цитирования: Муравьева Е.В. Клинические рекомендации – новая реальность ответственности врача // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 5 (144). С.74-78

Original article

Clinical recommendations as a new reality of a responsible doctor

Elena V. Muravieva
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. evmuraveva@sfedu.ru

Abstract. The article analyzes the legal status of clinical recommendations, the procedure for developing and approving clinical recommendations, the problems of mandatory application of clinical recommendations by medical organizations in the provision of medical care.

Keywords: clinical guidelines, medical organizations, legal status, legal act, mandatory application, responsibility.

For citation: Muravieva E.V. Clinical recommendations as a new reality of responsible of a doctor. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No5 (144): 74-78 (In Russ.)

До января 2022 года порядки и стандарты медицинской деятельности являлись правовой основой для принятия решения о качестве оказания медицинской помощи. Однако еще в 2018 г. Федеральным законом от 25.12.2018 г. №489-ФЗ «О внесении изменений в ст. 40 Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [1] были внесены изменения, согласно которым качество медицинской помощи теперь должно обеспечивается не только соблюдением порядков оказания медицинской помощи и стандартов медицинской помощи, но и применением клинических рекомендаций. Эти изменения вступили в силу с 1 января 2022 г. В соответствии с постановлением Правительства РФ от 17.11.2021 г. № 1968 «Об утверждении Правил поэтапного перехода медицинских организаций к оказанию медицинской помощи на основе клинических рекомендаций, разработанных и утвержденных в соответствии с частями 3, 4, 6 - 9 и 11 статьи 37 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2], переход медицинских организаций к оказанию медицинской помощи на основе клинических рекомендаций будет осуществляется поэтапно, в частности, клинические рекомендации, размещенные на официальном сайте Минздрава России до 01.09.2021, будут применяться с 01.01.2022, клинические рекомендации, размещенные на официальном сайте до 01.06.2022, – с 01.01.2023, клинические рекомендации, размещенные на официальном сайте после 01.06.2022, – с 01.01.2024. Можно ли утверждать, что ранее применение клинических рекомендаций носило не обязательный, а рекомендательный характер? Судебная практика не дает однозначный ответ на этот вопрос.

Встречаются примеры, когда правоприменитель занимал позицию о необязательности применения клинических рекомендаций и использовании их при оказании медицинской помощи на добровольной основе. Так, Верховный Суд РФ рассмотрел административное исковое заявление И., Д. об оспаривании письма Министерства здравоохранения Российской Федерации от 7 апреля 2017 г. № 15-2/10/2-2343. Данным письмом Министерство здравоохранения РФ направило клинические рекомендации по выявлению и диагностике туберкулеза у детей, поступающих и обучающихся в образовательных организациях, разработанные в соответствии со ст. 76 ФЗ РФ от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Основы охраны здоровья) [3], для использования в работе руководителями органов исполнительной власти субъектов Российской Феде-

рации в сфере здравоохранения при подготовке нормативных правовых актов, руководителями медицинских организаций, в том числе противотуберкулезных, при организации медицинской помощи, а также для использования в учебном процессе. В самом решении Верховного Суда приводилась ссылка на позицию Министерства здравоохранения, согласно которой письмо не имеет нормативных предписаний и адресовано руководителям органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере здравоохранения, руководителям медицинских организаций, в том числе противотуберкулезных, при организации медицинской помощи, а также для использования в учебном процессе. И Клинические рекомендации **не носят обязательный характер и используются при оказании медицинской помощи на добровольной основе.** И сам Верховный Суд, проверив наличие у оспариваемого акта нормативных свойств и его соответствие действительному смыслу разъясняемых им нормативных положений, пришел к такому же выводу [4]. Апелляционная коллегия Верховного Суда, рассмотрев в дальнейшем апелляционную жалобу на решение Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2019 г., в части решения вопроса о применении клинических рекомендаций, также высказалась, что в настоящее время клинические рекомендации не носят обязательный характер [5].

Но имела место и противоположная позиция. И в этом смысле показательным является дело, рассмотренное также апелляционной коллегией Верховного Суда по апелляционной жалобе Национальной Ассоциации медицинских организаций. Среди прочего поводом для обращения явилось признание частично не действующими положений ряда нормативных актов, в том числе и п. 6 ст.40 ФЗ РФ от 21 ноября Основ охраны здоровья, согласно которому экспертиза качества медицинской помощи представляет собой выявление нарушений при оказании медицинской помощи, в том числе оценка своевременности ее оказания, правильности выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации, степени достижения запланированного результата и проводится на основании критериев качества медицинской помощи. В свою очередь, п.2 ст.64 регламентируется, что критерии оценки качества медицинской помощи формируются по группам заболеваний или состояний на основе соответствующих порядков оказания медицинской помощи и клинических рекомендаций и утверждаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. Заявитель в жалобе отмечал, что только с 1 января 2022 г. законодатель запланировал обязательность применения клинических рекомендаций и приведению в соответствие с ними порядков и стандартов оказания медицинской помощи. И поэтому применение санкций в виде штрафов и проведение экспертизы качества медицинской помощи на основании критериев оценки качества медицинской помощи до 1 января 2022 г. является незаконным. Однако правоприменитель, сославшись на п.4 ст.3 ФЗ РФ от 25.12.2018 г. №489-ФЗ «О внесении изменений в статью 40 Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» по вопросам клинических рекомендаций», в соответствии с которым те клинические рекомендации (протоколы лечения) по вопросам оказания медицинской помощи, которые были утвержденные медицинскими профессиональными некоммерческими организациями до дня вступления в силу Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», но не позднее 31 декабря 2021 года, являются обязательными для применения медицинскими организациями, и вынес решение оставить апелляционную жалобу Национальной Ассоциации медицинских организаций без удовлетворения [6].

Но не только судебная практика не отличалась единообразием по этому вопросу. Так, в 2020 году был издан приказ Министерства здравоохранения РФ от 31.07.2020 г. № 785н «Об утверждении Требований к организации и проведению внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности» [7], которым были утверждены требования к организации и проведению внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности, согласно которым внутренний контроль качества и безопасности медицинской деятельности осуществляется с целью обеспечения прав граждан на получение медицинской помощи необходимого объема и надлежащего качества, в том числе и **на основе клинических рекомендаций**, что, в свою очередь, позволяет усомниться в добровольности их применения.

В связи с этим в медицинском и правовом сообществе возникают вопросы, касающиеся того, что же представляют собой клинические рекомендации? Возможны ли отступления в лечении пациентов от клинических рекомендаций? И будет ли в этом случае врач привлечен к ответственности?

Итак, каков правовой статус клинических рекомендаций? Полагаем возможным его рассмотреть на сравнении с правовым статусом порядков и стандартов оказания медицинской помощи, которые, кстати, должны быть приведены в соответствие с клиническими рекомендациями.

В соответствии с Федеральным законом от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» стандарты медицинской помощи и порядки оказания медицинской помощи утверждаются федеральным органом исполнительной власти. Таким органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения, является Министерство здравоохра-

нения РФ. Согласно п.5.2, п. 5.2.17 и 5.2.18 положения о Министерстве здравоохранения РФ [8] на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации Министерство здравоохранения РФ самостоятельно принимает порядки оказания медицинской помощи и стандарты медицинской помощи, которые относятся к **нормативно-правовым актам**. Существенными признаками, характеризующими нормативный правовой акт, являются: издание его в установленном порядке управомоченным органом государственной власти, наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений. Таким образом, применение порядков и стандартов всеми медицинскими организациями является общеобязательным.

В п.23 ст. 2 Основ об охране здоровья дано понятие клинических рекомендаций, которые представляют собой документы, содержащие основанную на научных доказательствах структурированную информацию по вопросам профилактики, диагностики, лечения и реабилитации, в том числе протоколы ведения (протоколы лечения) пациента, варианты медицинского вмешательства и описание последовательности действий медицинского работника с учетом течения заболевания, наличия осложнений и сопутствующих заболеваний, иных факторов, влияющих на результаты оказания медицинской помощи. Необходимо обратить внимание, что клиническая рекомендация определяется как «документ, содержащий информацию», а не как нормативный правовой акт. И в соответствии с п. 2 Постановления Правительства РФ от 13.08.1997 г. №009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» [9] нормативные правовые акты издаются федеральными органами исполнительной власти в виде постановлений, приказов, правил, инструкций и положений. Никаких рекомендаций в этом перечне нет.

Помимо того, что это документ, а не нормативно-правовой акт, им еще предусмотрен и особый субъект, его разрабатывающий – это профессиональные некоммерческие организации (п.1 ст.76 Основы охраны здоровья), которые создаются на добровольной основе и основаны на личном членстве медицинских и фармацевтических работников. Далее клинические рекомендации подлежат рассмотрению научно-практическим советом Министерства здравоохранения РФ. По результатам рассмотрения принимается решение либо об одобрении, либо об отклонении, либо о направлении клинических рекомендаций на доработку в представившую их медицинскую профессиональную некоммерческую организацию с приложением соответствующего решения. И уже одобренные клинические рекомендации утверждаются медицинскими профессиональными некоммерческими организациями (п.4, п.6 ст.37 Основ охраны здоровья граждан). И далее размещаются на официальном сайте Минздрава РФ в Рубрикаторе клинических рекомендаций.

В соответствии п.3 ст.37 ФЗ РФ Основ охраны здоровья перечень заболеваний, состояний (групп заболеваний, состояний), перечень заболеваний по которым разрабатываются клинические рекомендации, формируется уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (в данном случае им является Министерство здравоохранения РФ) на основании установленных им критериев. Эти критерии, в свою очередь, разработаны на основании распространенности заболевания, уровня инвалидности от заболевания, уровня смертности от заболевания, отнесения заболевания к социально значимым заболеваниям, отнесения заболевания к жизнеугрожающим и хроническим прогрессирующим редким (орфанным) заболеваниям, приводящим к сокращению продолжительности жизни граждан или их инвалидности [10]. И это позволяет прийти к выводу, что далеко не для всех видов заболевания будут разработаны клинические рекомендации. Возникает вопрос: чем руководствоваться при лечении тех заболеваний, для которых не разработаны клинические рекомендации? И он тесно связан с обязательным применением клинических рекомендаций всеми субъектами, оказывающих медицинскую помощь с 1 января 2022 г. (п.1 ст.37 ФЗ РФ Основ охраны здоровья). И п.15 ст. 37 Основ охраны здоровья дает ответ на этот вопрос, но частично. Руководствоваться нужно решением врачебной комиссии. Но, исходя из содержания данного пункта, этим решением нужно руководствоваться только в случае назначения и применение лекарственных препаратов, медицинских изделий и специализированных продуктов лечебного питания, которые не предусмотрены соответствующей клинической рекомендацией. А чем руководствоваться в отсутствии клинической рекомендации при диагностике заболеваний, реабилитации, профилактике и диспансерном наблюдении, организации оказания медицинской помощи, при оценке факторов, влияющих на исход заболевания, и т.д.? Это остается пока не понятным.

Интересно, что из содержания самих клинических рекомендаций (на примере Клинических рекомендаций «Сальмонеллез у взрослых») [11] мы можем увидеть, что большинство положений носит рекомендательный характер. Это касается и сбора анамнеза, и проведения обследования, и диагностических исследований, и терапии, и реабилитации.

Итак, несмотря на то, что сами клинические рекомендации не являются нормативно-правовым актом, носят рекомендательный характер (исходя из названия и содержания), тем не менее, законом установлено, что все медицинские организации обязаны обеспечить их применение в целях оказания качественной медицинской помощи. Из чего можно сделать вывод, что вследствие их нарушения будет наступать юридическая ответственность.

Список источников

1. Федеральный закон от 25.12.2018 г. №489-ФЗ «О внесении изменений в ст. 40 Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ, 31.12.2018, №53 (часть I), ст. 8415.
2. Постановление Правительства РФ от 17.11.2021 г. № 1968 «Об утверждении Правил поэтапного перехода медицинских организаций к оказанию медицинской помощи на основе клинических рекомендаций, разработанных и утвержденных в соответствии с частями 3, 4, 6 - 9 и 11 статьи 37 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ, 22.11.2021, № 47, ст. 7867.
3. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ, 28.11.2011, № 48, ст. 6724.
4. Решение Верховного Суда РФ от 18.04.2019 № АКПИ19-115 Об отказе в удовлетворении заявления об оспаривании письма Минздрава России от 07.04.2017 № 15-2/10/2-2343 (документ опубликован не был)//СПС «КонсультантПлюс».
5. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 25.07.2019 № АПЛ19-248 Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 18.04.2019 № АКПИ19-115, которым отказано в удовлетворении заявления об оспаривании письма Минздрава России от 07.04.2017 № 15-2/10/2-2343 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 19.03.2020 № АПЛ20-25 Об оставлении без изменения Решения Верховного Суда РФ от 16.12.2019 № АКПИ19-790, которым отказано в удовлетворении заявления о признании частично недействующими пункта 30, подпунктов 1, 4 пункта 85 Порядка организации и проведения контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию, утв. Приказом ФФОМС от 28.02.2019 № 36, пунктов 2, 2.2 приложения 5, пунктов 1.5, 3.2, 3.3 приложения 8 к данному Порядку (документ опубликован не был)//СПС «КонсультантПлюс».
7. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31.07.2020 г. № 785н «Об утверждении Требований к организации и проведению внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности» // URL: http://www.pravo.gov.ru
8. Постановление Правительства РФ от 19.06.2012 г. № 608 «Об утверждении Положения о Министерстве здравоохранения Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 25.06.2012, № 26, ст. 3526.
9. Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 г. №009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // Собрание законодательства РФ, 18.08.1997, № 33, ст. 3895.
10. Приказ Минздрава России от 28.02.2019 г. № 101н «Об утверждении критериев формирования перечня заболеваний, состояний (групп заболеваний, состояний), по которым разрабатываются клинические рекомендации» (документ опубликован не был) // URL: http://www.pravo.gov.ru, 29.05.2019.
11. Клинические рекомендации «Сальмонеллез у взрослых» // URL: https://minzdrav.gov.ru

References

1. Federal Law of December 25, 2018 No. 489-FZ "On Amendments to Art. 40 of the Federal Law "On Compulsory Health Insurance in the Russian Federation" and the Federal Law "On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation". *Collected Legislation of the Russian Federation*, Dec.31, 2018, No. 53 (Part I), Art. 8415. (In Russ.)
2. Decree of the Government of the Russian Federation of November 17, 2021 No. 1968 "On approval of the Rules for the phased transition of medical organizations to the provision of medical care based on clinical recommendations developed and approved in accordance with parts 3, 4, 6 - 9 and 11 of Article 37 of the Federal Law "On the fundamentals of protecting the health of citizens in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 11/22/2021, No. 47, art. 7867. (In Russ.)
3. Federal Law of November 21, 2011 No. 323-FZ "On the fundamentals of protecting the health of citizens in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, Nov. 28, 2011, No. 48, art. 6724. (In Russ.)

4. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of April 18, 2019 No. AKPI19-115 On the refusal to satisfy the application for challenging the letter of the Ministry of Health of Russia of April 7, 2017 No. 15-2 / 10 / 2-2343 (the document was not published). *SPS "ConsultantPlus".*(In Russ.)

5. Appeal ruling of the Appellate Board of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 25, 2019 No. APL19-248 On leaving unchanged the decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 18, 2019 No. AKPI19-115, which refused to satisfy the application to challenge the letter of the Ministry of Health of Russia dated April 7, 2017 No. 15 -2/10/2-2343 (document was not published). *SPS ConsultantPlus.* (In Russ.)

6. Appellate ruling of the Appellate Board of the Supreme Court of the Russian Federation No. APL20-25 dated March 19, 2020 On leaving unchanged the Decision of the Supreme Court of the Russian Federation No. AKPI19-790 dated December 16, 2019, which refused to satisfy the application for declaring paragraph 30, subparagraphs 1, 4 as partially invalid paragraph 85 of the Procedure for organizing and monitoring the volume, timing, quality and conditions for the provision of medical care under compulsory medical insurance, approved. Order No. 36 of the FFOMS dated February 28, 2019, paragraphs 2, 2.2 of Appendix 5, paragraphs 1.5, 3.2, 3.3 of Appendix 8 to this Order (the document was not published). *SPS "ConsultantPlus".* (In Russ.)

7. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated July 31, 2020 No. 785n "On approval of the Requirements for the organization and conduct of internal quality control and safety of medical activities". http://www.pravo.gov.ru

8. Decree of the Government of the Russian Federation of June 19, 2012 No. 608 "On Approval of the Regulations on the Ministry of Health of the Russian Federation". *Collected Legislation of the Russian Federation*, June 25, 2012, No. 26, art. 3526. (In Russ.)

9. Decree of the Government of the Russian Federation of August 13, 1997 No. 009 "On approval of the Rules for the preparation of regulatory legal acts of federal executive bodies and their state registration". *Collected Legislation of the Russian Federation*, August 18, 1997, No. 33, art. 3895. (In Russ.)

10. Order of the Ministry of Health of Russia dated February 28, 2019 No. 101n "On approval of the criteria for the formation of a list of diseases, conditions (groups of diseases, conditions) for which clinical recommendations are being developed" (the document was not published). http://www.pravo.gov.ru, 05/29/2019.

11. Clinical guidelines "Salmonellosis in adults". https://minzdrav.gov.ru

Информация об авторе

Е.В. Муравьева – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

E.V. Muravieva – Candidate of Law, Associate Professor

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022; одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 14.04.2022; approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication 27.04.2022

Научная статья
УДК 347.463

Правовое регулирование договора перевозки грузов в современных условиях

© Т.А. Скворцова, Т.М. Жадан, М.П. Ахсалба, 2022

Татьяна Александровна Скворцова[1,2], Татьяна Михайловна Жадан[1,3], Марианна Платоновна Ахсалба[1,4]
[1]Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия.
[2] Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону, Россия. tas242@yandex.ru
[3] tatyana.jad@yandex.ru
[4] makhsalba@bk.ru

Аннотация. В статье проводится исследование правового регулирования договоров грузоперевозок различными видами транспорта в современных условиях. Рассмотрена система нормативно-правового регулирования договорных отношений по перевозкам. Проанализированы проблемы правовой регламентации договоров перевозки грузов. В результате проведенного исследования авторами обоснована необходимость совершенствования законодательства РФ в области грузоперевозок и установления механизмов государственной поддержки транспортной отрасли в современных реалиях экономического кризиса.

Ключевые слова: грузовые перевозки, договор перевозки груза, нормативно-правовое регулирование перевозок грузов, транспортные уставы и кодексы, государственная поддержка транспортной отрасли

Для цитирования: Скворцова Т.А., Жадан Т.М., Ахсалба М.П. Правовое регулирование договора перевозки грузов в современных условиях // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 5(144). С.79-82

Original article

Legal regulation of the contract of carriage of goods in modern conditions

Tatyana A. Skvortsova[1,2], Tatiana M. Zhadan [1,3], Marianna P. Akhsalba [1,4]
[1] Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia.
[2] Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia. tas242@yandex.ru
[3] tatyana.jad@yandex.ru
[4] makhsalba@bk.ru

Abstract. The article studies the legal regulation of cargo transportation contracts by various modes of transport in modern conditions. The system of legal regulation of contractual transportation relations is considered. The problems of legal regulation of cargo transportation contracts are analyzed. As a result of the conducted research, the authors substantiate the need to improve the legislation of the Russian Federation in the field of cargo transportation and establish mechanisms for state support for the transport industry in the current economic crisis.

Keywords: cargo transportation, cargo transportation contract, regulatory and legal regulation of cargo transportation, transport charters and codes, state support for the transport industry

For citation: Skvortsova T.A., Zhadan T.M., Akhsalba M.P. Legal regulation of the contract of carriage of goods in modern conditions*. Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2022. No5(144):79-82 (In Russ.)

Грузовые перевозки играют важную роль в обеспечении эффективной работы экономики любого государства. Россия занимает 3-е место в мире по протяженности железнодорожных линий общего пользования (87 тыс. км), 5-е место в мире по протяженности автомобильных дорог (1542 тыс. км), 2-е место в мире по протяженности внутренних водных путей (102 тыс. км) и имеет крупнейший порт в г. Новороссийске, занимающий 3-е место в Европе по объему перевалки (157 млн. тонн) [1]. Таким образом, наша страна обладает значительным потенциалом для развития транспортной отрасли в сфере грузовых перевозок.

Однако в «Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» указано на недостаточное развитие транспортной отрасти. В качестве факторов, которые его сдерживают, названы следующие:

- внутренний водный транспорт обладает устаревшей инфраструктурой и обслуживающим флотом;

- автомобильные и железнодорожные подходы к морским портам в недостаточной степени развиты и не в состоянии обеспечить возрастающий грузовой поток;

- на всей территории России нет сформированной в полном объеме дорожной сети.

Кроме того, в настоящий момент рынок грузовых перевозок находится в состоянии рецессии исходя из объективных факторов, воздействующих на российскую и мировую экономику. Как известно, основной движущей силой развития транспортных систем выступает увеличение объема мировой торговли. Между тем, в силу негативного воздействия пандемии COVID-19 в 2020 году имел место значительный спад мировой торговли. В настоящее время мировая торговля и транспортная отрасль подвержены не менее разрушающему влиянию экономических санкций, введенных западными государствами в отношении России, которые негативно скажутся на экономиках всех государств мира.

Важной задачей Российской Федерации в нынешних экономических условиях хозяйствования является развитие торговли с дружественными странами и соответствующая модернизация логистических связей, увеличение эффективности деятельности транспортной отрасли, ее поступательное развитие. В связи с этим важное значение приобретают вопросы правового регулирование договора грузоперевозки различными видами транспорта.

Выделим ряд основных черт правовой регламентации договора грузовой перевозки вне зависимости от вида транспорта:

- нормы о договоре грузовой перевозки занимают весьма значительный объем в системе регулирования транспортных обязательств;

- правовое регулирование договора грузовой перевозки часто изменяется в целях приведения в соответствие с трансформирующимися экономическими реалиями;

- наличие значительного количества императивных норм, правила которых не могут быть заменены каким-либо иным условием и изменены по соглашению сторон договора перевозки;

- ограниченная ответственность транспортных предприятий за нарушение договорных обязательств и обязательное предъявление претензий к транспортным предприятиям;

- существенное влияние на регулирование перевозок правовых актов в области международного транспорта: положения транспортных международных конвенций подлежат обязательному применению в процессе функционирования международного транспорта во взаимоотношениях стран, которые являются участниками соответствующей конвенции.

Систему нормативных актов, регулирующих договор перевозки в России, возглавляет на данный момент Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ). В частности, ГК РФ в п. 1 ст. 785 ГК РФ закрепляет важнейшую дефиницию – понятие договора перевозки грузов – «это договор, по которому перевозчик обязуется переместить груз в пространстве в конкретное место, обеспечить сохранность груза и выдать его управомоченному на получение груза лицу» [2].

Не менее важное значение для регламентации договорных отношений по перевозкам имеют уставы и кодексы, действующие на различных видах транспорта:

- Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации (КТМ РФ) от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 30.12.2021) действует на морском транспорте;

- Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации (КВВТ РФ) от 07.03.2001 № 24-ФЗ (ред. от 14.03.2022) регулирует особенности перевозочных отношений на внутреннем водном транспорте;

- Воздушный кодекс Российской Федерации (ВК РФ) от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 14.03.2022) применяется при осуществлении воздушных перевозок грузов;

- Федеральный закон от 10.01.2003 № 18-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» (УЖТ РФ) устанавливает условия грузовых перевозок железнодорожным транспортом;

- Федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» (УАТ РФ) регламентирует перевозки грузов с помощью автотранспорта.

Далее следуют, находясь с ними в отношениях внутренней субординации, акты, принятые Президентом РФ и Правительством РФ, и, наконец, акты федеральных органов исполнительной власти в области транспорта. Причем число ведомственных нормативно-правовых актов, регламентирующих грузоперевозки на каждом виде транспорта, весьма велико. Проблема состоит в том, что их положения зачастую копируют нормы законов, а иногда и входят с ними в противоречие.

Следует указать и на отсутствие единообразия в законодательстве, регулирующем правоотношения в сфере грузоперевозок на различных видах транспорта, в части регламентации сходных отношений, в связи с чем требуется приведение их к «общему знаменателю». Так, особенности предъявления претензии к перевозчику на разных видах транспорта различаются, в связи с чем общие пра-

вила подачи такой претензии, применяемые на всех видах транспорта, отсутствуют на сегодняшний момент [3]. М.А. Бажина также справедливо указывает на отсутствие в транспортных уставах и кодексах единого подхода к установлению размера ответственности перевозчика за просрочку в доставке груза и предельного размера такой ответственности [4].

Еще одной проблемой правового регулирования отношений по перевозкам грузов является расхождение норм ГК РФ и отраслевого законодательства по регламентированию отдельных условий перевозки грузов, например в сфере ответственности сторон договора перевозки. В качестве примера можно привести положения КВВТ, которые в отличие от других транспортных уставов и кодексов не содержат правила об ответственности грузоперевозчика как субъекта предпринимательства без вины (п. 3. ст. 401 ГК РФ).

Помимо названного, сами транспортные уставы и кодексы содержат различного рода неточности, в частности в определении некоторых понятий и при регламентации условий договора перевозки. Так, А.Р. Пурге указывает на содержащиеся в КТМ РФ неоднозначно трактуемые правоприменителями формулировки «срок, который разумно требовать от заботливого перевозчика с учетом конкретных обстоятельств, и обычным маршрутом» (ст. 152 КТМ РФ), «по мнению капитана судна, представляется более выгодным для отправителя или фрахтователя либо управомоченного распоряжаться грузом лица» (ст. 153 КТМ РФ) и некоторые другие [5].

Обилие источников нормативно-правового регулирования договорных отношений по перевозкам грузов различными видами транспорта обусловливает необходимость их упорядочения и приведения в единое непротиворечивое целое.

В связи с этим целесообразно внесение поправок в нормы действующего транспортного законодательства, предусматривающих единые правила предъявления претензий к перевозчику на всех видах транспорта, а также единые для всех видов транспорта нормы, устанавливающие ответственность перевозчика груза за просрочку в его доставке, и ограничения такой ответственности.

Нормы транспортных уставов и кодексов должны быть приведены в соответствие с положениями ГК РФ. При этом транспортные уставы и кодексы должны содержать отсылки на нормы ГК РФ, если сами указанные акты не регулируют какое-либо отношение однозначно.

Также в целях обеспечения поступательного развития транспортной отрасли в условиях экономического спада в результате негативного воздействия ограничений, которые ранее вводились в целях воспрепятствования распространению коронавирусной инфекции COVID-19, а также негативного влияния санкций, вводимых в настоящее время в отношении российского бизнеса, Правительству РФ следует нормативно закрепить обширный комплекс мер по поддержке транспортной отрасли.

Правительством подготовлен пакет поправок для поддержки банковской сферы, гостиничного бизнеса, IT-отрасли и некоторых иных отраслей. Приняты и меры, направленные на субсидирование воздушных перевозок, поддержку авиаперевозчиков в условиях санкционного давления. Аналогичные меры, на наш взгляд, направленные на снижение налоговой нагрузки, предоставление субсидий и льготных кредитов, субсидирование отдельных видов грузовых перевозок должны быть разработаны и приняты в отношении всей транспортной отрасли независимо от вида транспорта. Это позволит транспортным организациям преодолеть кризисные явления в экономике и обеспечить поступательное развитие грузоперевозок различными видами транспорта.

Список источников

1. Обзор отрасли грузоперевозок в России 2020 год // URL: https://ru.investinrussia.com/data/file/ey-russia-transportation-services-2020.pdf?ysclid=l1nsipzouu

2. Бабкин А.И. Некоторые вопросы правового регулирования отношений, возникающих из договора перевозки грузов автомобильным транспортом // Российский судья. 2019. № 1. С. 3 - 10.

3. Бажина М.А. Основные направления реформирования законодательства о договоре перевозки грузов / под ред. О.А. Кузнецовой, В.Г. Голубцова, Г.Я. Борисевич, Л.В. Боровых, Ю.В. Васильевой, С.Г. Михайлова, С.Б. Полякова, А.С. Телегина, Т.В. Шершень // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2018. № 1. С. 332 - 337.

4. Бажина М.А. Терминологическая неопределенность в правовом регулировании договора перевозки грузов // Транспортное право. 2020. № 4. С. 24 - 28.

5. Пурге А.Р. Некоторые проблемы правового регулирования договора морской перевозки грузов // Административное и муниципальное право. 2019. № 4. С. 1 - 6.

References

1. Overview of the cargo transportation industry in Russia 2020. https://ru.investinrussia.com/data/file/ey-russia-transportation-services-2020.pdf?ysclid=l1nsipzouu

2. Babkin A.I. Some issues of legal regulation of relations arising from the contract of carriage of goods by road. *Russian judge*. 2019. No. 1: 3-10. (In Russ)

3. Bazhina M.A. The main directions of reforming the legislation on the contract of carriage of goods. Ed. by O.A. Kuznetsova, V.G. Golubtsova, G.Ya. Borisevich, L.V. Borovykh, Yu.V. Vasilyeva, S.G. Mikhailova, S.B. Polyakov, A.S. Telegina, T.V. Shershen. Perm Legal Almanac. *Annual scientific journal*. 2018. No.1: 332-337.

4. Bazhina M.A. Terminological uncertainty in the legal regulation of the contract of carriage of goods. *Transport law*. 2020. No. 4: 24-28. (In Russ)

5. Purge A.R. Some problems of legal regulation of the contract for the carriage of goods by sea. *Administrative and municipal law*. 2019. No. 4: 1-6. (In Russ)

Информация об авторах

Т.А. Скворцова – кандидат юридических наук, доцент
Т.М. Жадан – магистрант
М.П. Ахсалба – магистрант

Information about the authors

T.A. Skvortsova – Candidate of Law, Associate Professor
T.M. Zhadan – Master's student
M.P. Akhsalba – Master's student

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 08.04.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 08.04.2022; approved after reviewing 15.04.2022; accepted for publication 27.04.2022

Научная статья
УДК 347.4

Эволюция правового регулирования отношений по государственным контрактам на поставку товаров

© Т.А. Скворцова, Г.С. Працко, 2022

Татьяна Александровна Скворцова[1], Геннадий Святославович Працко[2]
[1]Ростовский государственный экономический университет (РИНХ); Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону, Россия. tas242@yandex.ru
[2]Ростовский государственный университет путей сообщения; Донской государственный технический университет; Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Ростов-на-Дону, Россия. gpip@rgups.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению эволюции правового регулирования контрактных отношений по поставкам товаров для государственных нужд в России. Современная контрактная система является результатом прохождения весьма долгого пути становления и развития, что и выступает предметом научного анализа данной статьи. Исследуется дореволюционный, постсоветский и современный периоды развития законодательства о государственных закупках в нашей стране. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования системы правового регулирования в сфере государственной контрактной системы путем унификации законодательства.

Ключевые слова: государственный контракт, государственная контрактная система, эволюция правового регулирования, элементы государственного контракта, тендерные торги

Для цитирования: Скворцова Т.А., Працко Г.С. Эволюция правового регулирования отношений по государственным контрактам на поставку товаров // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 5(144). С.82-86

Original article

Evolution of legal regulation of relations under state contracts for the supply of goods

Tatyana A. Skvortsova[1], Gennadiy S. Pratsko[2]
[1] Rostov State University of Economics, Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia. tas242@yandex.ru
[2] Rostov State Transport University, Don State Technical University, Rostov branch of the Russian state University of Justice. Rostov-on-Don, Russia. gpip@rgups.ru

Abstract. The article studies the evolution of the legal regulation of contractual relations for the supply of goods for state needs in Russia. The modern contract system is the result of a very long path of formation and development, which is the subject of scientific analysis of this article. The article examines the pre-revolutionary, post-Soviet and modern periods of development of legislation on public procurement in our country. As a result of the conducted research, the authors come to the conclusion that it is necessary to continue improving the system of legal regulation in the field of the state contract system by unifying legislation.

Keywords: state contract, state contract system, evolution of legal regulation of the contract system, elements of the state contract, tender bidding

For citation: Skvortsova T.A., Pratsko G.S. Evolution of legal regulation of relations under state contracts for the supply of goods. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2022. No5(144):82-86 (In Russ.)

Современная контрактная система представляет собой результат прохождения долгого исторического пути её становления. Началом зарождения системы правового регулирования контактной системы явилось подписание Указа Алексея Михайловича от 7 июля 1654 г. «О подрядной цене на доставку в Смоленск муки и сухарей». Принятие данного документа было необходимо в целях регламентации на тот момент существующих неорганизованных отношений между казной (государством) и предпринимателями. Анализ основных положений данного Указа показал, что в нем содержались первые неотделимые составные элементы ныне существующих государственных закупок (публичная оферта и регламентированная цена контракта) и признаки конкурсного производства: публичный характер заказа, условия исполнения, поиск исполнителей, льготы в виде освобождения от проезжей пошлины и др. [1]. Главным упущением нормативного акта было то, в нем не были указаны органы или лица, на которых будет возложены полномочия по регулированию государственных закупок.

Следующий этап развития системы государственных закупок проходил в период Петровских реформ и становления государства XVIII века. Основными причинами развития системы государственных закупок были проводимые Петром I глобальные государственные преобразования в сфере закупок для нужд государства и многочисленные войны и военные походы, которые требовали удовлетворения многих потребностей государства в сфере поставок продовольствия для нужд российской армии, для которой приобретались различные товары и материалы, а также провизия для снабжения военных походов [2]. Кроме того, укреплению системы способствовало развитие международной и внутренней торговли и зарождение конкуренции между богатыми людьми за право заручиться поддержкой Императора.

В тот период также развивается тендерный механизм проведения государственных закупок, основным преимуществом которого была закупка продовольствия для государственных нужд по наиболее низким ценам, а также формируется система правовой ответственности за их ненадлежащее исполнение. Данный механизм является начальной версией ранее существующего механизма тендерных торгов, состоящий из 5 этапов: планирования, объявления закупочной процедуры, подачи заявок, проведение конкурса, подведение итогов. Дальнейшее его развитие происходит в 1732 при принятии нового Регламента Коммерц-коллегии, который устанавливает уведомления о государственном заказе, формализует подачу заявок и обязывает предоставлять справки об отсутствии задолженностей для участия в конкурсе.

Следующий этап совершенствования и систематизации контрактной системы и её нормативно-правового регулирования датируется XIX в. [3]. В это время появляются первые собрания законодательства, включающие совокупность нормативных положений, регулирующих сферу государственных закупок. К ним относится Свод законов Российской империи как основной закон страны. В его структуру вошли положения, регулирующие отношения, связанные с подрядом и поставкой товаров для государственных нужд, а также нормы, регламентирующие сопутствующие отношения в рамках их оказания. Таким образом, категория «казённые подряды» объединила в себе разные договорные отношения по схожим критериям и мотивам заключения такого вида договоров, что для законодательства того времени было существенным продвижением законодательства.

Следует отдельно выделить принятие Положения от 17.10.1830 «Об обязательствах, заключаемых с торгов между казною и частными людьми по подрядам, поставкам, по содержанию оброчных статей и продажам казенных движимых имуществ». Указанный документ является первым актом, который урегулировал отношения, возникающие в сфере заключения контрактов для удовлетворения публичных целей.

Однако развитие конкурсных торгов влекло необходимость принятие более содержательного документа, которым в 1900 г. выступило Положение о казенных подрядах и поставках 1900 г. Оно устанавливало общие положения договора, предмет, сроки и цена договора казенного подряда, а также его обеспечение (залог движимого и недвижимого имущества, поручительство и неустойка) [4].

Следующий этап становления контрактной системы ознаменован политическими событиями 1917 г., которые привели к отказу от системы государственных закупок, основанных на конкурсных торгах, и признание частной собственности «враждебным» элементом. Закупки для государственных нужд стали носить не договорной, а административно-правовой характер. Таким образом, в советском государстве государственный заказ кардинально стал отличаться от существовавшего в дореволюционной России, так как устранена была его экономическая, конкурентная, а также рыночная основа. Принцип единого народного хозяйства, а также общенародная собственность шли в разрез с действовавшим ранее механизмом осуществления закупок. Однако советский подход в регулировании сферы закупок оказался на практике совершенно неэффективным.

Застой в развитии контрактной системы прекратился только при переходе к рыночной экономике в конце XX века и принятии Конституции РФ 1993 г.

Её основные положения (гарантия единство экономического пространства; свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств; поддержка конкуренции; свобода экономической деятельности (ст. 8)) выступили фундаментом зарождения современного витка в развитии данной системы.

Дальнейшее преобразование её правового регулирования происходило в условиях современных взглядов законодателя на контрактную систему. В условиях роста предпринимательской деятельности, ужесточения конкуренции, а также увеличения потребностей государства в поставках продукции для собственных нужд, возникла необходимость в принятии нормативного акта, устанавливающего принципы, порядок формирования заказов по государственным контрактам, подготовку и заключение государственных контрактов и ответственность за ненадлежащее их исполнение.

Закон РФ от 28.05.1992 г. № 2859-1 «О поставках продукции для государственных нужд». Данный нормативный документ структурно состоял только из пяти статей. Свое действие он распространял исключительно только на закупки, осуществляемые на федеральном уровне. В нем не предусмотрено было норм, устанавливающих как порядок, так и механизмы размещения заказов. Обязанность урегулировать данные моменты возлагалась ч. 4 ст. 3 анализируемого закона на Правительство Российской Федерации.

Далее было принято довольно большое количество нормативных актов, осуществляющих регулирование закупок для нужд государства. Можно отметить следующие: Федеральный закон от 13.12.1994 № 60-ФЗ «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» (заменил ранее действовавший Закон № 2859-1) и Постановление Правительства РФ от 26 июня 1995 г. № 594 «О реализации Федерального закона «О поставках продукции для федеральных государственных нужд». Закон № 60-ФЗ по своей структуре и содержанию не сильно отличался от свое предшественника и довольно далек был от классического законодательства, осуществляющего регулирование закупок. По закону также закупки осуществлялись только на федеральном уровне.

Наличие крайне скудного законодательства в изучаемой сфере потребовало проведение дальнейшей активной работы в направлении развития законодательства о закупках. Это преимущественно связано с тем, что принятие отдельных законов не дало ожидаемых результатов в правовом регулировании контрактной системы, так как их действия было недостаточно для положительного влияния на упорядочение данной сферы. По своей структуре они походили больше на экономические декларации, а не на полноценные нормативные акты, имеющие юридическую силу.

Указанные законы не могли составить полноценную систему нормативно-правового регулирования контрактной системы из-за того, что в них отсутствовал порядок формирования оптимальной структуры договорных связей между заказчиком и исполнителем по контракту и юридические механизмы, позволяющие довести исполнение заказов для государственных нужд до конкретных потребителей товаров, работ или услуг. Данная проблема тормозила развитие контрактной системы и влекла необходимость принятия нового нормативного акта, разрешающего её, которым стала принятая в 1996 г. часть вторая Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ).

Однако принятие ГК РФ не способствовало разрешению еще одной проблемы, связанной с ростом коррупционной деятельности на государственном уровне и большими финансовыми затратами в осуществлении закупки продукции для государственных нужд, так как на тот момент конкурсные процедуры при размещении государственного заказа несли исключительно рекомендательный характер. Частичному решению данной проблемы способствовало принятие в 1997 г. Указа Президента РФ № 305 «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд», который устанавливал необходимость обязательного проведения конкурса при размещении государственного заказа [5].

Однако на этой почве возникла другая проблема, связанная с увеличением количества спонтанно заключенных государственных контрактов и отсутствием централизированной системы регулирования процессов государственного заказа. Кроме того, уровень коррупции в контрактной сфере была лишь немного снижен. Для искоренения этих недостатков законодателем был принят в 1997 г. Феде-

ральный закон от 06.05.1999 № 97-ФЗ «О конкурсах на размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд», нормы которого способствовали прекращению спонтанного заключения контрактов. Это достигалось за счет установления подробного и строгого государственного контроля. Вплоть до начала XXI века контрактная система базировалась на рассмотренных правовых актах и продолжала развиваться.

Переход к современному этапу развития системы законодательства по регулированию контрактной системы и её укрепление произошло в 2005 году с принятием Федерального закона от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд». Он стал прорывом в регулировании контактной системы РФ, так как содержал в себе ряд нововведений, упрощающих проведение конкурсных процедур, повышающих прозрачность размещения публичных заказов и просуществовал вплоть до 2013 года. Но несмотря на имеющиеся достоинства, данный правовой акт также нуждался в совершенствовании в силу прогрессивного развития системы государственных закупок ввиду его низкой эффективности. Имеющиеся недостатки привели к его упразднению и дальнейшему совершенствованию законодательства, регулирующего контрактную систему.

В настоящее время законодательство в сфере правового регулирования контрактных отношений в РФ по-прежнему является динамичным и находится в состоянии постоянной трансформации. Как отмечает М.В. Шмелева, за 29 лет существования контрактной системы было принято десять специальных законов, осуществляющих регулирование закупочной системы [6], из которых в настоящее время действуют шесть. Из всей совокупности правовых актов в системе регулирования сферы закупок основными считаются два специальных закона: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», а также Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Кроме того, правовое регулирование контрактных отношений осуществляется нормами ГК РФ и иных федеральных законов, причем данные акты содержат порой противоречивые нормы.

Таким образом, контрактная система подвергается современным преобразованиям посредством принятия новых правовых актов, регламентирующих правила проведения конкурсных процедур, порядка формирования государственных заказов и ответственность за ненадлежащее их исполнение. Современное российское законодательство строится на принципах постоянного совершенствования и устранения недочетов ввиду появления новых особенностей проведения торгов, усиления контроля за ними, прозрачности контрактной системы и защиты прав участников торгов.

Но, на наш взгляд, избыточность актов нормативно-правового регулирования, их несогласованность требуют создания единого нормативного документа, который бы урегулировал последовательно и логично все контрактные отношения единообразно. Полагаем, что дальнейшее совершенствование контрактной системы должно идти по пути унификации нормативно-правового регулирования в данной сфере.

Список источников

1. Кнутов А.В. Управление государственными и муниципальными закупками и контрактами. М.: Юрайт, 2020. 316 с.
2. Стурза К.И. Историко-правовой анализ развития института государственного заказа в России // История государства и права. 2013. № 4. С. 20-23.
3. Курц Н.А. Правовое регулирование государственных закупок для нужд арбитражных судов // ГлаголЪ правосудия. 2017. № 1. С. 75-81.
4. Тютрюмов И.М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. М.: Статут, 2004. 444 с.
5. Тасалов Ф.А. Контрактная система в сфере государственных закупок России и США: сравнительно-правовое исследование: Монография. М.: Проспект, 2016. 240 с.
6. Шмелева М.В. Сложность и слишком большая дифференциация нормативно-правовых актов в сфере государственных закупок // Право и экономика. 2020. № 8. С. 61-67.

References

1. Knutov A.V. Management of state and municipal procurement and contracts. Moscow, 2020. (In Russ)
2. Sturza K.I. Historical and legal analysis of the development of the institute of state order in Russia. History of state and law, 2013. No. 4: 20-23. (In Russ)
3. Kurts N.A. Legal regulation of public procurement for the needs of arbitration courts. Verb of Justice, 2017, No. 1: 75-81. (In Russ)
4. Tyutryumov I.M. Civil laws with explanations of the Governing Senate and comments of Russian lawyers. Moscow, Statute, 2004. 444 p. (In Russ)
5. Tasalov F.A. Contract system in the field of public procurement in Russia and the USA: comparative legal research: Monograph. Moscow, Prospect, 2016. 240 p. (In Russ)

6. Shmeleva M.V. Complexity and too much differentiation of regulatory legal acts in the field of public procurement. Law and Economics, 2020. No. 8: 61-67. (In Russ)

Информация об авторах
Т.А. Скворцова – кандидат юридических наук, доцент
Г.С. Працко – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор
Information about the authors
T.A. Skvortsova – Candidate of Law, Associate Professor
G.S. Pratsko – Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 20.03.2022; одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 20.03.2022; approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 27.04.2022

Уголовное право и криминология

Научная статья
УДК 343

Деятельность участкового уполномоченного в профилактике терроризма

© Аккузин Ю.А., Булавкин А.А., Люев Т.Х., 2022

Юрий Аркадьевич Аккузин[1], Александр Александрович Булавкин[2], Тембот Хабасович Люев[3]
[1] Волгодонский филиал Ростовского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Волгодонск, Россия. akkuzin68@bk.ru
[2] Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, г. Москва, Россия. bulavkin_aleksan@mail.ru
[3] Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Нальчик, Россия. loov2012@mail.ru

Аннотация. В рамках настоящей работы авторы анализируют современные способы противодействия терроризму. При этом раскрывается особая роль деятельности участкового уполномоченного, которая вносит существенный вклад в рассматриваемый процесс и наряду с другими правоохранительными органами находится фактически на переднем крае борьбы с рассматриваемым явлением. Подчеркивается, что в современных условиях необходима четкая координации усилий всех противодействующих терроризму структур, активное пресечение вербовочной деятельности со стороны международных террористических организаций и ликвидация их финансовой поддержки.

Ключевые слова: административная деятельность, терроризм, экстремизм, профилактика, уголовная ответственность

Для цитирования: Аккузин Ю.А., Булавкин А.А., Люев Т.Х. Деятельность участкового уполномоченного в профилактике терроризма // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 5(144). С. 86-89

Criminal law and criminology

Original article

Activities of the district commissioner in the prevention of terrorism

Yuri A. Akkuzin[1], Alexander A. Bulavkin[2], Tembot Kh. Lyuev[3]
[1] Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Volgodonsk, Russia. akkuzin68@bk.ru
[2] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikotya, Moscow, Russia. bulavkin_aleksan@mail.ru
[3] North-Caucasian Institute of Further Education (the branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Nalchik, Russia. loov2012@mail.ru

Abstract. The article analyzes modern methods of countering terrorism. Reveals the special role of the activity of the district commissioner which makes a significant contribution to the process under consideration and, along with other law enforcement agencies, is actually at the forefront of the fight against the phenomenon under consideration. Emphasizes that in modern conditions it is necessary to clearly coordinate the efforts of all structures counteracting terrorism, actively suppress recruiting activities by international terrorist organizations and eliminate their financial support.

Keywords: administrative activity, terrorism, extremism, prevention, criminal liability

For citation: Akkuzin Yu.A., Bulavkin A.A., Lyuev T.Kh. The activities of the district commissioner in the prevention of terrorism. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No5 (144):86-89 (In Russ.)

Одним из основных показателей оценки деятельности территориальных органов МВД России является состояние учетно-регистрационной дисциплины, обеспечивающее повышение уровня доверия населения к полиции [3, с. 52].

Большую часть работы по приему и разрешению обращений населения выполняют участковые уполномоченные полиции (далее – УУП). Так, когда количество обращений возрастает, вместе с ним возрастает нагрузка на УУП [4, с. 212].

Именно на участковых уполномоченных полиции возлагаются обязательства по разработке действенных мер по профилактике преступных деяний экстремистской и террористической направленности на закрепленном административном участке, поскольку со стороны государства данным служащим делегированы ключевые полномочия в сфере охраны общественного правопорядка и обеспечения общественной безопасности на соответствующей территории [5, с. 20].

Тем не менее, несмотря на большую значимость деятельности участковых уполномоченных полиции, множество ученых обращают внимание на проблему несовершенства законодательного регулирования института административной деятельности по противодействию правонарушений террористической и экстремистской направленности. В частности, в законодательных актах имеется достаточно расплывчатое определение правонарушений экстремистской направленности.

При этом неоднократно на данный вопрос обращали внимание ученые и политики, высказывали мнение о целесообразности внесения корректив в Федеральное законодательство, конкретизирования норм федеральных законов и подзаконных нормативно-правовых актов для наиболее корректного определения полномочий участкового уполномоченного полиции в сфере борьбы с экстремизмом и терроризмом, что в целом будет способствовать обеспечению координации их деятельности и совершенствованию разработки действенных механизмов по борьбе с экстремизмом.

Прослеживается необходимость адаптации разработанных мероприятий в данной области к непрерывно трансформирующейся политической обстановке в условиях постоянно возрастающей угрозы экстремизма. Кроме этого, значительно возросли факты экстремистской деятельности в молодежной среде, что свидетельствует о недостаточной неэффективности предпринимаемых мероприятий со стороны органов внутренних дел, неэффективности действующего законодательства по противодействию данному явлению.

Терроризм на сегодняшний день носит глобальный характер [6, с. 89]. Организация Объединенных Наций предупредила, что угрозы, связанные с терроризмом, сохраняются и что террористические группы могут увидеть возможности для увеличения террористической активности и финансирования терроризма, в то время как внимание ряда государств сосредоточено на COVID-19.

Есть сообщения о том, что отвлечение ресурсов правоохранительных органов и безопасности на меры реагирования на COVID-19 в странах с высоким уровнем риска и ограниченными ресурсами может подстегнуть террористов и финансистов терроризма в их деятельности.

Схемы финансирования терроризма усложняются элементами, нивелируют риск разоблачения связи между средствами и источником их происхождения. В таких схемах злоумышленники прибегают к методам размещения преступных доходов и их расслоение. Это достигается путем изменения формы актива, использования различных финансовых инструментов, подставных лиц и т.д. Такие схемы имеют определенные аналогии со схемами легализации доходов, полученных преступным путем, но реализуются без последней фазы (интеграции средств в финансовую систему) и с последующим переводом средств конечному получателю. В таком случае схемы финансирования терроризма скорее будут разоблачены субъектами финансового мониторинга.

Также стоит рассмотреть деятельность кэш-курьеров. С одной стороны, их привлекают для обеспечения прямой финансовой поддержки и избежания процедур финансового мониторинга в финансовой системе, а с другой – Рекомендация 32 FATF четко указывает на необходимость применения контрмер системой противодействия легализации преступных доходов и финансирования терроризма. Речь идет о трансграничном перемещении валюты и драгоценностей через организованные пункты пропуска на государственной границе.

Учитывая, что источником финансирования терроризма могут быть легальные средства, банковские переводы для злоумышленников являются удобным инструментом перевода средств [1, с. 4].

Финансовыми посредниками и правоохранительными органами установлено, что в схемах, которые могут быть связаны с финансированием терроризма, чаще всего фигурируют такие финансовые операции: переводы со счета на счет, международные переводы, внесение и снятие наличных.

С целью маскировки финансирования терроризма злоумышленники прибегают к комбинации финансовых операций. Наиболее распространенными среди них являются поступления на счет средств в качестве финансовой помощи или благотворительной помощи с последующим снятием наличности и переводом на счет другого банка.

Кроме того, не всегда в пределах одного финансового учреждения возможно установить суть финансовой операции и дальнейшее использование активов.

В случае снятия наличных отсутствует возможность проверки целевого назначения средств. Стоит отметить, что обычно в одной клиентской операции нет прямого намека, особенностей или деталей, которые бы свидетельствовали о финансировании терроризма.

Также, помимо активного финансирования терроризма, немалую проблему в современных условиях представляет распространение экстремистских проявлений в Интернете.

Распространение экстремистских проявлений в Интернете, по нашему мнению, носит объективно социальный характер. Это связано с простотой доступа, независимостью от географического расположения, неограниченной потенциальной аудиторией, скоростью передачи данных и их низкой стоимостью, а также сложностью и зачастую невозможностью привлечения к ответственности лиц, распространяющих экстремистскую идеологию, в связи с отсутствием международных соглашений.

Одной из обязанностей полиции является участие в мероприятиях по противодействию терроризму и в обеспечении правового режима контртеррористической операции, а также в обеспечении защиты потенциальных объектов террористических посягательств и мест массового пребывания граждан [1, с.12].

Особенности действий сотрудников полиции при проведении специальных операций по пресечению деятельности преступных групп террористической направленности – нейтрализация или задержание их членов – предъявляют исключительно высокие требования к уровню оперативно- тактической подготовки личного состава. Важную роль в ней играет комплексный подход к отработке у сотрудников необходимых навыков и умений, физических и психологических качеств, отличной огневой подготовки [2, с. 114].

Что же касается совершенствования административной деятельности УУП, то следует отметить, что это можно реализовать посредством внедрение информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТК). Несмотря на значимость проблемы совершенствования информационного обеспечения, в Концепции развития службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на 2020 - 2023 годы отмечается лишь задача «...обеспечения в установленном порядке мероприятий для бесперебойной и эффективной эксплуатации модуля «Участковый»» [2].

Дальнейшее внедрение цифровых технологий в работу УУП является частью процессов, осуществляемых в системе МВД России. При этом, необходимо учитывать, что деятельность УУП имеет свою специфику, которая проявляет в необходимости: ежедневного общения с гражданами различных категорий, посещения жилищ, других объектов в ходе профилактического обхода, предусматривающего фиксацию и размещение определенной информации в ведомственных базах данных; участия в организации охраны общественного порядка на административном участке на основе анализа оперативной обстановки; участия в поисковых мероприятиях в процессе розыска различных категорий граждан, могущих находиться на территории административного участка.

Экстремальные ситуации создают большие сложности в решении профессиональных задач, особенно работников ОВД, сказываются на успешности действий по охране правопорядка, требуют от сотрудников ОВД психологической устойчивости и специальной подготовленности, основанной на сформированных умениях действовать при таких условиях [3, с. 208].

Фактор наличия и распространения коронавирусной инфекции оказывает большое влияние на организацию и проведение массовых мероприятий, что непосредственно отразилось на их административно-правовом регулировании, учитывающем и вопрос обеспечения их безопасности от преступлений террористической направленности.

Список источников

1. Алимпиев С.А. О некоторых актуальных проблемах профилактики терроризма в Российской Федерации / Молодежная среда - территория без экстремизма и терроризма: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 16 декабря 2016 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2019. С. 3-6.

2. Булавкин А.А., Сарапкина Ю.К. О проблемных аспектах в деятельности внештатных сотрудников полиции / В сб.: Актуальные проблемы деятельности участкового уполномоченного

полиции на современном этапе. Сборник научных трудов Межведомственной научно-практической конференции. М., 2020. С. 114-117.

3. Булавкин А.А., Светлова А.П. Воля законодателя в сфере информационного пространства как способ противодействия экстремизму // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 204-208.

4. Булавкин А.А., Проценко А.И. Вопросы повышения эффективности правового обеспечения служебной деятельности участковых уполномоченных полиции // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 1. С. 211-215.

5. Катаева О.В., Волков П.А. и др. Актуальные проблемы борьбы с экстремизмом в Российской Федерации (на примере организации деятельности участкового уполномоченного полиции) // Журнал «Проблемы правоохранительной деятельности». 2019. С. 19-23.

6. Шаповалова А.М., Булавкин А.А. Сотрудничество стран евразийского региона в сфере противодействия терроризму и экстремизму // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 11. С. 88-95.

References

1. Alimpiev S. A. On some pressing problems of terrorism prevention in the Russian Federation. *Youth environment - a territory without extremism and terrorism*: Yekaterinburg: Publishing House of the Urals. State econ. un-ta, 2019:3-6. (In Russ.)

2. Bulavkin A.A., Sarapkina Yu.K. On problematic aspects in the activities of freelance police officers. *Current problems of the activities of the district police commissioner at the present stage*. Collection of scientific works of the Interdepartmental Scientific and Practical Conference. M., 2020: 114-117. (In Russ.)

3. Bulavkin A.A., Svetlova A.P. The will of the legislator in the field of information space as a way to counter extremism. *Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2020. No8: 204-208. (In Russ.)

4. Bulavkin A.A., Protsenko A.I. Issues of improving the effectiveness of legal support for the performance of district police commissioners. *Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. No 1. (In Russ.)

5. Kataeva O.V., Volkov P.A. Actual problems of combating extremism in the Russian Federation (on the example of the organization of the activities of the district police officer). *Problems of Law Enforcement*. 2019: 19-23. (In Russ.)

6. Shapovalova A.M., Bulavkin A.A. Cooperation of the countries of the Eurasian region in the field of countering terrorism and extremism. *Social and humanitarian knowledge*. 2018. No. 11: 88-95. (In Russ.)

Информация об авторах

Ю.А. Аккузин – преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки майор полиции
А.А. Булавкин – заместитель начальника кафедры административной деятельности органов внутренних дел, кандидат социологических наук, полковник полиции
Т.Х. Люев – старший преподаватель кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях, подполковник полиции

Information about the authors

Yu.A. Akkuzin – Senior Lecturer at the Department of Tactical and Special Training
A.A. Bulavkin – Deputy Head of the Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies, Candidate of Social Sciences, Police Colonel
T.Kh. Lyuev – Senior Lecturer of the Department of the Activities of the Internal Affairs Bodies in Special Conditions, Police Lieutenant Colonel

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: all authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 05.04.2022; одобрена после рецензирования 18.04.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 05.04.2022; approved after reviewing 18.04.2022; accepted for publication 27.04.2022

Научная статья
УДК 343

О некоторых вопросах правового регулирования в России и за рубежом противодействия проявлениям экстремизма и терроризма в сети «Интернет»

© Ю.В. Денисенко, В.В. Колесник, М.С. Самойлюк, 2022

Юрий Владимирович Денисенко[1], Вероника Вячеславовна Колесник[2], Маргарита Сергеевна Самойлюк[3]
[1] Главное управление по противодействию экстремизму Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия. denisenkoyuv@mail.ru
[2] Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, Ростов-на-Дону, Россия. nikkipohta@mail.ru
[3] Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Домодедово, Россия. zemlyakova.rita@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются изменения и дополнения, внесенные за последнее время в российское законодательство, в части правового регулирования противодействия экстремизму и терроризму в сети «Интернет», а также автор обращается к зарубежному опыту правового регулирования в указанной сфере. На основе анализа отечественных и зарубежных нормативных правовых актов формулируются предложения по дальнейшему совершенствованию российского законодательства в рассматриваемой области.

Ключевые слова: правовое регулирование, противодействие экстремизму и терроризму, сеть «Интернет», зарубежный опыт

Для цитирования: Денисенко Ю.В., Колесник В.В., Самойлюк М.С. О некоторых вопросах правового регулирования в России и за рубежом противодействия проявлениям экстремизма и терроризма в сети «Интернет» // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 5 (144). С.90-95

Original article

On some issues of legal regulation of countering manifestations of extremism and terrorism on the Internet in Russia and abroad

Yuri V. Denisenko[1], Veronika V. Kolesnik[2], Margarita S. Samoylyuk[3]
[1] The Main Directorate for Countering Extremism of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia. denisenkoyuv@mail.ru
[2] Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia. nikkipohta@mail.ru
[3] All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Domodedovo, Russia. zemlyakova.rita@yandex.ru

Abstract. The article discusses the recent changes and additions made to the Russian legislation in terms of the legal regulation of countering extremism and terrorism on the Internet, and the authors also refer to the foreign experience of legal regulation in this area. Based on the analysis of domestic and foreign regulatory legal acts, proposals are formulated for further improvement of Russian legislation in this area.

Keywords: legal regulation, countering extremism and terrorism, the Internet, foreign experience

For citation: Denisenko Y.V., Kolesnik V.V., Samoylyuk M.S. On some issues of legal regulation of countering manifestations of extremism and terrorism on the Internet in Russia and abroad. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No5 (144):90-95 (In Russ.)

Анализ проблематики противодействия преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [9], показал, что текущее состояние криминогенной ситуации в данной области характеризуется сформировавшейся устойчивой тенденцией роста рассматриваемых противоправных деяний. Согласно статистическим данным в 2020 году более половины (56,8%) преступлений экстремистской направленности совершено с использованием сети «Интернет» – 473 (+52,6%) (здесь и далее используются статистические данные ФКУ «ГИАЦ МВД России»). По итогам первого полугодия текущего года число таких противо-

правных деяний не только превалирует в структуре зарегистрированных преступлений экстремистской направленности (66,0%), но и продолжает стремительно расти (+51,9%).

Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года относит проявления экстремизма [10] в сети «Интернет» к числу основных источников угроз современной России в связи с использованием информационно-телекоммуникационные сети в качестве средства связи для экстремистских организаций, которое используется ими для привлечения в свои ряды новых членов, организации и координации совершения преступлений экстремистской направленности, распространения экстремистской идеологии [8].

В этой связи за последние годы существенным дополнениям и изменениям подверглись нормы Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1], в котором определены правовое положение организатора распространения информации в сети «Интернет» (далее – ОРИ), а также полномочия Роскомнадзора [2].

Во-первых, расширен перечень информации, распространение которой влечет ограничение к ней доступа в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет» [3] (информационные материалы иностранной или международной неправительственной организации, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации [4], сведения, позволяющие получить доступ к указанным информации и материалам (далее – распространяемая с нарушением закона информация).

Во-вторых, введен запрет для владельцев информационно-телекоммуникационных сетей, информационных ресурсов (сайт в сети «Интернет» и (или) страница сайта в сети «Интернет», информационная система, программа для электронных вычислительных машин), посредством которых обеспечивается доступ к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен на территории Российской Федерации, на предоставление возможности использования таких анонимайзеров для получения доступа к информационным ресурсам, доступ к которым ограничен в соответствии с федеральным законодательством [5].

В-третьих, возложены [6] дополнительные обязанности на ОРИ [11]:

- осуществлять идентификацию пользователей сервиса обмена мгновенными сообщениями по абонентскому номеру оператора подвижной радиотелефонной связи;
- в течение суток с момента получения требования уполномоченного федерального органа исполнительной власти (Роскомнадзор, ФСБ России или МВД России) ограничить возможность передачи электронных сообщений, содержащих информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, а также информацию, распространяемую с нарушением закона;
- обеспечивать техническую возможность отказа пользователей сервиса обмена мгновенными сообщениями от получения электронных сообщений от других пользователей;
- не допускать передачу электронных сообщений пользователям сервиса обмена мгновенными сообщениями в случаях и в порядке, которые определены Правительством Российской Федерации.

При этом организатор сервиса обмена мгновенными сообщениями, являющийся российским юридическим лицом или гражданином Российской Федерации, вправе осуществлять идентификацию пользователей сервиса обмена мгновенными сообщениями самостоятельно путем определения его абонентского номера подвижной радиотелефонной связи, а также обязан хранить такие идентификационные сведения об абонентском номере только на территории Российской Федерации.

В-четвертых, в целях пресечения распространения идентификационных модулей (SIM-карт) без заключения договоров, а также оказания услуг связи анонимным абонентам (пользователям), вступили в силу нормы [7], которые позволяют приостанавливать оказание услуг связи в случае неподтверждения достоверности сведений об абоненте, сведений о пользователях услугами связи абонента-юридического лица либо индивидуального предпринимателя, представленных лицом, действующим от имени оператора связи.

Эти и другие принимаемые на законодательном уровне меры позволили правоохранительным органам организовать более эффективную работу по предупреждению экстремистской деятельности, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих размещению экстремистских материалов, на электронных площадках крупнейших российских платформ медиаконтентов. На контроль поставлено более 2 тыс. интернет-ресурсов, в том числе групп в социальных сетях. В 2020 году по материалам подразделений по противодействию экстремизму МВД России ограничен доступ к более чем 103 тыс. материалам и интернет-ресурсам, удалено более 7,6 тыс. материалов, признанных судами экстремистскими и запрещенных к распространению на территории Российской Федерации [1, ст.ст. 15.1, 15.3].

С начала текущего года Роскомнадзором в Единый реестр на основании судебных решений о признании информационных материалов запрещенными к распространению в Российской Федерации (или экстремистскими) и писем (в том числе электронных сообщений) органов МВД России, ФСБ России и прокуратуры о распространении в сети «Интернет» экстремистских материалов внесено 16 094

интернет-страницы [1, ст. 15.1], по материалам подразделений по противодействию экстремизму МВД России заблокировано более 4,3 тыс. интернет-ресурсов, используемых для деструктивной деятельности.

Вместе с тем, несмотря на имеющиеся положительные результаты оперативно-служебной деятельности, возникает ряд проблемных вопросов выявления и правильной квалификации содеянного, эффективного раскрытия и расследования совершенных деяний:

1. Длительность предоставления ответов на запросы от администраций социальных сетей, вследствие чего срок получения информации составляет порядка 4 – 6 и более месяцев, в результате чего теряется актуальность и оперативность получаемых данных.

2. Отсутствие действенного механизма блокировки противоправного интернет-контента в связи с его размещением на иностранных площадках и возможностью просмотра с использованием «VPN» и «PROXY» серверов.

3. Отсутствие взаимодействия с зарубежными Интернет-компаниями по вопросам противодействия экстремистской и террористической деятельности ввиду отсутствия на международном уровне единых правовых подходов по получению сведений о сетевой активности и пользователях многих иностранных приложений для коммуникации в сети «Интернет».

Таким образом, тенденция увеличения числа зарегистрированных экстремистских проявлений в сети «Интернет» и определенные трудности, с которыми сталкиваются сотрудники органов внутренних дел в процессе их выявления и документирования, обусловили необходимость обращения к зарубежному опыту законодательного регулирования в области противодействия распространению противоправной информации в сети «Интернет» для выработки соответствующих предложений по дальнейшему совершенствованию деятельности в рассматриваемой области, основываясь на исследованных практиках.

Определенный интерес, на наш взгляд, представляет опыт Турецкой Республики, Республики Кипр, Королевства Таиланд и ФРГ.

За последние несколько лет в Турции значительно возросло понимание важности кибербезопасности. Принят Закон № 5651 «О регулировании вещания в Интернете и о борьбе с преступлениями, совершенными посредством интернет-вещания» (2008 г.). Парламентом Турции одобрен законопроект об ужесточении контроля над сетью Интернет. Согласно новым дополнениям к Закону № 5651 любой интернет-сайт может быть закрыт по приказу министров телекоммуникаций и транспорта в течение 4 часов без решения суда. Закон в первую очередь касается публикаций, нарушающих конфиденциальность.

Все турецкие провайдеры, согласно поправкам, в обязательном порядке должны пройти сертификацию и стать частью созданной структуры – Ассоциация провайдеров. Именно она приводит в действие решения о закрытии конкретных сайтов. Блокируются IP-адреса, при котором не спасают ни опальные сайты, ни использование DNS-номеров, ни VPN-сервис. Также ассоциация в течение двух лет сохраняет сведения об интернет-трафике абонентов. Таким образом, отслеживается, на какой интернет-сайт вошел абонент или какие приложения использовались конкретным смартфоном. В электронное досье входят сведения о поисковых запросах, посещаемых web- ресурсах, а также об активности, проявленной в социальных сетях. К абонентским профилям применяются индексация и системные фильтры.

Пресечение распространения пропаганды экстремизма и терроризма в сети «Интернет» является одним из основных приоритетов полиции Кипра в борьбе с преступностью.

Противодействие распространению противоправной информации в сети «Интернет» осуществляется в соответствии с требованиями статьи 13 Закона Республики Кипр № 75(1) «О борьбе с терроризмом и защите потерпевших» (2019 г.), в которой говорится, что если лицо с целью подстрекательства к совершению преступления террористической направленности намеревается распространить или иным образом довести до сведения общественности сообщение через «Интернет», либо другими средствами, или же прямо или косвенно поддерживает такие действия, например путём прославления террористических актов, преступлений террористической направленности, создавая таким образом риск совершения одного или нескольких таких преступлений, то суд может на любой стадии судопроизводства распорядиться:

а) о немедленном удалении из сети «Интернет» любого контента, доступного проживающим в Республике пользователям сети «Интернет» и являющегося публичным подстрекательством к совершению преступления террористической направленности, в соответствии со смыслом части 1 статьи:

при том, что в случае, если контент в сети «Интернет», представляющий собой публичное подстрекательство к совершению преступления террористической направленности, размещён за пределами Республики, компетентные правоохранительные органы принимают меры по удалению такого контента с веб-сайтов за пределами территории Республики,

б) об ограничении доступа пользователей сети «Интернет» в Республике к любому контенту в сети «Интернет», представляющему собой публичное подстрекательство к совершению преступления террористической направленности.

Вопросы противодействия распространению противоправной информации в сети «Интернет» являются актуальными для Королевства Таиланд, которое вследствие реализации экономической модели «Таиланд 4.0» вошло в число региональных лидеров по уровню распространения «Интернета», мобильной связи и преобразованию традиционной таиландской экономики в цифровую.

С целью пресечения распространения противоправной информации в сети «Интернет» в 2019 году в дополнение к закону Таиланда о компьютерных преступлениях (Computer Crime Act) принят закон о кибербезопасности (Cyber Security Act B.E.2562) (Закон).

Закон наделяет сотрудников компетентных органов Таиланда правами по контролю за доступом к цифровым данным и сетям, позволяет осуществлять копирование информации и изъятие компьютеров или любых других электронных устройств. В чрезвычайных ситуациях, а также в случае угрозы Королю и членам его семьи, безопасности государства указанные действия могут осуществляться без санкции суда.

В соответствии с Законом, граждане, не подчинившиеся указанным требованиям представителей властей, подлежат уголовной ответственности.

Вместе с тем Национальная комиссия Таиланда по вопросам телерадиовещания и телекоммуникаций обязала операторов мобильной связи, а также онлайн-сервисы и онлайн-банки собирать биометрические персональные данные, в том числе отпечатки пальцев. Организации, предоставляющие свободный доступ к сети «Интернет», обязаны передавать надзорным органам сведения об использовании интернет-трафика.

Проведенный анализ зарубежной нормативной правовой базы свидетельствует, с одной стороны, что зарубежная практика достаточно разнообразна в плане подходов к борьбе с противоправным контентом. С другой стороны, механизмы ее реализации универсальны для большинства стран – блокировки, механизмы изъятия контента по требованиям уполномоченных органов, штрафные санкции и т.д., и в большинстве случаев они уже внедрены или внедряются в Российской Федерации.

В большинстве развитых стран внедрены формализованные механизмы взаимодействия с изготовителями/владельцами или распространителями контента и информационных ресурсов. При этом существует практика учета интересов правоохранительных органов, например в ФРГ социальные сети должны не только оценивать и принимать решения об ограничении предположительно незаконного контента нескольких типов, но и сообщать о нем в Управление Федеральной уголовной полиции, а также раскрывать персональные данные пользователя, который разместил соответствующий контент. Кроме того, компания-оператор социальной сети не имеет права сообщать пользователю в течение минимум 14 дней о том, что уведомление о размещении им противозаконного контента было направлено в полицию. Наряду с этим существует прозрачная система обжалования решений о признании контента противоправным.

С нашей точки зрения, необходимо провести аудит российских процедур и алгоритмов уведомления и взаимодействия с игроками рынка и по его результатам подготовить предложения по их модернизации при необходимости, в том числе специальных инструментов публичного уведомления, формализовать алгоритмы уведомления изготовителей/владельцев контента и информационных ресурсов, на которых этот контент размещается, о признании контента противоправным, о блокировках и удалении контента и обжаловании решений о признании контента противоправным.

Полагаем также, что необходимо проработать возможные пути взаимодействия с зарубежными государствами в деле противодействия размещению противоправного контента, принимая во внимание глобальный характер его размещения в сети «Интернет» и необходимость координации усилий разных стран на уровне профильных ведомств, курирующих информационно-коммуникационную технологическую отрасль.

Борьба с преступлениями в сети «Интернет», в том числе с противоправной информацией, является прерогативой правоохранительных органов, а международное взаимодействие должно осуществляться по линии Интерпола. При этом существует ряд направлений, по которым международная работа может вестись другими профильными ведомствами на двусторонней/региональной основе или в рамках международных площадок, таких как ООН (МСЭ, WIPO, КНТР и др.), G20, БРИКС/CyberBRICS, РСС и т.д. Крайне маловероятно подписание глобальных обязывающих правовых документов по данному вопросу в ближайшем будущем, однако это не отменяет практические двухсторонние/региональные инициативы, в числе который можно назвать:

- разработку и принятие единых подходов по категоризации противоправного контента с другими странами;
- обмен опытом и лучшими практиками по борьбе с противоправным контентом;

- разработки механизмов по оперативному обмену информацией об источниках противоправного контента (учитывая трансграничный характер угроз);
- внедрение региональных или взаимоувязка национальных инициатив по борьбе с противоправным контентом;
- взаимодействие с глобальными провайдерами услуг по вопросам реализации в их продуктах/сервисах средств и механизмов предотвращения и борьбы с противоправным контентом и процедур взаимодействия с национальными ведомствами.

Признание информационной продукции противоправной, как уполномоченными ведомствами, так и самими субъектами, вовлеченными в размещение и распространение контента (социальными сетями, платформами хостинга, платформами обмена сообщениями и т.д.), представляет один из самых больших вызовов в Интернет индустрии. Для этих целей создаются экспертные советы, предпринимаются попытки выработки формальных критериев и рекомендаций/требований к операторам связи и провайдерам услуг, разрабатываются алгоритмы действий с указанием последовательности действий и сроков принятие тех или иных мер и т.д. Доступная информация не позволяет однозначно оценить эффективность мер принятых в той или иной стране, но активная работа по данному направлению ведется в большинстве стран. Целесообразно следующим шагом в рамках общего тренда на совершенствование системы борьбы с противоправной информацией формализовать порядок действий по признанию информационной продукции противоправной для разных категорий «противоправного контента» и его опасности для общественных интересов.

Также мы предлагаем по аналогии с практикой по взаимодействию с заинтересованными сторонами интернет-рынка в зарубежных странах создать профильную экспертную площадку интернет-сообщества по противодействию размещению противоправного контента, которая бы объединила регулятора, представителей государственных заинтересованных ведомств, представителей отрасли и представителей гражданского общества.

В Российской Федерации создана развитая система некоммерческих организаций в сфере развития, операционной деятельности и регулирования сети «Интернет»: РОЦИТ, РАЭК, МКС, Лига безопасного Интерната, Общественная палата Российской Федерации, многочисленные совещательные и координационные органы при органах государственной власти. Однако большая их часть не является носителями технической, организационной/операционной и бизнес экспертизы, практические же мероприятия по борьбе с противоправной информацией включают в себя, в том числе, разработку регуляторных норм, реализация которых затрагивает инфраструктуру сети, аспекты безопасности, требует глубокого понимания архитектуры сети, протоколов и современных технологий, а также особенностей их практической реализации на оборудовании российских операторов. Минцифры России применяет механизмы предварительного проактивного обсуждения регуляторных инициатив с игроками рынка. Создание же профильной экспертной площадки (рабочей группы) с вовлечением заинтересованных сторон для рассмотрения практических инициатив будет способствовать систематизации, преемственности и непрерывности работы по подготовке мер по борьбе с противоправной информацией. Включение в рабочую группу представителей гражданского общества целесообразно с точки зрения многовекторности и придания ей большей легитимности, но ядром такой группы должны являться эксперты отрасли.

Список источников и примечания

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
2. Федеральный закон от 25 ноября 2017 года № 327-ФЗ «О внесении изменений в статьи 104 и 153 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статью 6 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации».
3. Федеральный закон от 28 декабря 2012 года № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации».
4. Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 276-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
5. Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 241-ФЗ «О внесении изменений в статьи 101 и 154 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
6. Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи».
7. Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации».
8. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 года № 344.

9. В основном эти деяния представлены размещением в соцсетях и мессенджерах информационных материалов и комментариев, содержащих призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), совершению преступлений, предусмотренных статьями 282, 282,1, 282,2 УК РФ, по мотивам расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а также по мотивам политической ненависти или вражды в отношении социальной группы, выделенной по принадлежности к органам государственной власти.

10. Проявления экстремизма (экстремистские проявления) – общественно опасные противоправные действия, совершаемые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, способствующие возникновению или обострению межнациональных (межэтнических), межконфессиональных и региональных конфликтов, а также угрожающие конституционному строю Российской Федерации, нарушению единства и территориальной целостности Российской Федерации.

11. В случае осуществления деятельности по обеспечению функционирования информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, которые предназначены для обмена электронными сообщениями исключительно между пользователями этих информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, при котором отправитель электронного сообщения определяет получателя или получателей электронного сообщения, не предусматриваются размещение пользователями сети «Интернет» и передача электронных сообщений неопределенному кругу лиц (далее – организатор сервиса обмена мгновенными сообщениями).

References

1. Federal Law No 149-FZ of July 27, 2006 «On Information, Information Technologies and Information Protection». (In Russ.)

2. Federal Law No 327-FZ of November 25, 2017 «On Amendments to Articles 104 and 153 of the Federal Law «On Information, Information Technologies and Information Protection» and Article 6 of the Law of the Russian Federation «On Mass Media».(In Russ.)

3. Federal Law No 272-FZ of December 28, 2012 «On Measures to Influence Persons Involved in Violations of Fundamental Human Rights and Freedoms, the Rights and Freedoms of Citizens of the Russian Federation». (In Russ.)

4. Federal Law No 276-FZ of July 29, 2017 «On Amendments to the Federal Law «On Information, Information Technologies and Information Protection». (In Russ.)

5. Federal Law No. 241-FZ of July 29, 2017 «On Amendments to Articles 101 and 154 of the Federal Law «On Information, information technologies and information protection». (In Russ.)

6. Federal Law No. 245-FZ of July 29, 2017 «On Amendments to the Federal Law «On Communications». (In Russ.)

7. Federal Constitutional Law No. 3-FKZ of February 5, 2014 «On the Supreme Court of the Russian Federation». (In Russ.)

8. The Strategy of Countering extremism in the Russian Federation until 2025, approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 344 of May 29, 2020. (In Russ.)

Информация об авторах

Ю.В. Денисенко – начальник отдела
В.В. Колесник – кандидат юридических наук, доцент
М.С. Самойлюк – преподаватель-методист отделения планирования и контроля учебного процесса

Information about the authors

Y.V.Denisenko – Head ofhte Department
V.V. Kolesnik – Candidate of Law, Associate Professor
M.S. Samoylyuk – teacher-methodologist of the Department of planning and control of the educational process

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.04.2022; одобрена после рецензирования 14.04.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 06.04.2022; approved after reviewing 14.04.2022; accepted for publication 27.04.2022

Научная статья
УДК 343

Специфические особенности выявления и раскрытия многоэпизодных, серийных преступлений насильственного характера

© Лозинский О.И., Гуренко Е.Д., Соломатина А.С., 2022

Олег Иванович Лозинский[1], Екатерина Дмитриевна Гуренко[2], Аксинья Сергеевна Соломатина[3]
[1,2,3] Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства государственной службы при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону, Россия
[1] oleg.lozz@yandex.ru
[2] ekaterina09gurenko09@mail.ru
[3] Aksinyasolo2002@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются предпосылки к серийности преступлений насильственного характера как со стороны особенностей личности и поведенческих характеристик преступника, так и в связи с особенностями виктимного поведения их жертв, дается криминалистическая оценка и приводятся криминалистические характеристики преступлений данной категории. На основании результатов статистического анализа в данной сфере преступности, с учетом имеющихся проблем в вопросах выявляемости и фиксации насильственных серийных преступлений, в особенности совершаемых на семейно-бытовой почве, приводятся конкретные предложения по уменьшению степени латентности данных преступлений и повышению их выявляемости и раскрываемости.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, серийные преступления, насильственные преступления, расследование уголовных дел, криминалистическая характеристика преступления, виктимное поведение

Для цитирования: Лозинский О.И., Гуренко Е.Д., Соломатина А.С. Специфические особенности выявления и раскрытия многоэпизодных, серийных преступлений насильственного характера // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 5 (144). С.96-101

Original article

Specific features of the identification and disclosure of multi-episode, serial violent crimes

Oleg I. Lozinsky[1], Jekaterina D. Gurenko[2], Aksinja S. Solomatina[3]
[1,2,3] South Russian Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Department of Procedural Law, Rostov-on-Don, Russia
[1]oleg.lozz@yandex.ru
[2]ekaterina09gurenko09@mail.ru
[3]Aksinyasolo2002@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the prerequisites for the serial nature of violent crimes both from the side of the personality and behavioral characteristics of the offender, and in connection with the characteristics of their victim behavior, gives a forensic assessment and provides forensic characteristics of crimes of this category. Based on the results of statistical analysis in this area of crime, taking into account the existing problems in the detection and fixation of violent serial crimes, especially those committed on family and household grounds, specific proposals are made to reduce the degree of latency of these crimes and increase their detectability and disclosure.

Keywords: criminal proceedings, serial crimes, violent crimes, investigation of criminal cases, criminalistic characteristics of a crime, victim behavior

For citation: Lozinsky O.I., Gurenko E.D., Solomatina A.S. Specific features of the identification and disclosure of multi-episode, serial violent crimes. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No5 (144):96-101 (In Russ.)

Несмотря на принимаемые правоохранительными органами меры по профилактике и борьбе с преступными проявлениями, преступность продолжает оставаться на неприемлемом для нормального функционирования общества уровне. При этом серийные насильственные преступления, раскрытие и придание огласке которых неоднократно вызывало большой общественный резонанс, по-прежнему

продолжают иметь место и вызывают обоснованную обеспокоенность правоохранительных органов и гражданского общества.

Серийные преступления насильственного характера различны по своей мотивации, проявлению направленности внутренней и внешней агрессии и в связи с этим имеют довольно широких спектр своего проявления: убийства, изнасилования, действия сексуального характера, истязания и др. При этом данные преступления имеют высокую степень латентности и характеризуются низкой степенью раскрываемости, в особенности если они происходят в семейно-бытовой сфере.

В Уголовном Кодексе РФ «серийность» как квалифицирующий признак составов преступлений в настоящее время не учитывается, в связи с чем все признаки серийности преступлений носят в большей степени доктринальный характер. При этом под серийными преступлениями в доктрине понимают совершение одним или несколькими лицами трех и более однотипных умышленных преступлений. Данные преступления зачастую носят внешне безмотивный характер с точки зрения уголовного права и могут совершаться на разных территориях и в разное время.

Криминалистическая характеристика любого преступления представляет собой научное умозрение, в котором отражается, консолидируется и фокусируется совокупность значимых с точки зрения криминалистики данных о различных противоправных действиях, влекущих за собой наступление общественно опасных последствий. Криминалистические характеристики серийных преступлений, содействующие организации расследования преступления (помогающие определить тип и характер орудия преступления, психологические и физические данные о личности преступника, поведенческий «почерк» преступника, его особенности и характерные черты и др.) и позволяющие на их основе мотивированно формировать следственные версии, находят отражение в результатах проведения различного рода следственных действий (протоколы осмотров, допросов, следственных экспериментов, обысков, заключений экспертов и др.).

Результаты проведенного криминалистического анализа показывают, что лица, совершающие многоэпизодные насильственные преступления, чаще всего делают это для получения удовольствия, в том виде, как они это понимают. Для них это, во многом, образ жизни, в котором зачастую отсутствует «логичный», понятный для обычного человека, мотив преступления. Главной их целью является совершение убийства как такового, а не лишение жизни конкретного человека. При этом нередко серийный убийца большое значение придает обстоятельствам, предшествующим преступлению (знакомству с жертвой при определенных обстоятельствах, вплоть до ритуала, общению с жертвой на определенные темы и др.). При этом серийный убийца может выбирать себе жертву, исходя из конкретных признаков: пола, возраста, социального положения, физических и психологических данных о личности. Принципиальное значение могут иметь такие характеристики как рост, телосложение, длина и цвет волос, форма лица, цвет глаз, стиль и цвет одежды, и многие другие. В ходе указанного преступник руководствуется своими внутренними критериями, нередко непонятными и не являющимися очевидными для окружающих, в том числе и для сотрудников правоохранительных органов, расследующих преступления в данной сфере. При этом серийные убийцы, насильники и садисты далеко не всегда являются людьми с психическими отклонениями.

Изложенное подтверждается результатами изучения конкретных серийных убийц, мотивов их действий и поведения их жертв.

Одним из первых серийных убийц, который был документально зарегистрирован, является Генри Холмс, сознавшийся в 27 убийствах и приговоренный к смертной казни в 1896. Американец не только убивал с мотивом ради удовольствия, но и был мошенником. Выбрав жертву для совершения убийства, он первоначально своими мошенническими действиями разорял ее, получая тем самым, по его мнению, мотив и «моральное право» на уничтожение более глупого, чем он, человека.

Следующим, более известным примером является Андрей Чикатило. Для своего первого убийства он выбрал девятилетнюю девочку, ученицу второго класса. Согласно заключениям экспертов, Закотнова была задушена, на ее теле было обнаружено три ножевых ранения в области живота, при этом преступник совершил с ней два половых акта. Первым доказанным в серии преступлением у Чикатило было убийство двенадцатилетней девочки. Большинство последующих его жертв на протяжении нескольких лет также были несовершеннолетними женского пола. При этом серийный убийца, для того чтобы острота ощущений не пропадала, периодически «разбавлял» серию предпочтений убийством лиц мужского пола, различного возраста и убийством уже взрослых женщин.

Все убийства совершались по одной схеме: преступник знакомился с жертвами, заводил их в безлюдные места любыми удобными способами и убивал, выкалывая им глаза, нанося ножевые ранения, совершая изнасилования, откусывая части тел и др. Его мотивами в совершении многоэпизодных преступлений были: удовлетворение сексуальных потребностей, каннибализм и получение удовольствия от самих фактов убийства. Умирающие, страдающие жертвы возбуждали Чикатило.

При этом самого убийцу характеризовали как человека, не страдающего психическими заболеваниями, умеющего наладить контакт с окружающими, имеющего четко установленную стратегию по заманиванию жертв. С точки зрения некоторых психологов, он убивал не только для удовлетворения своих сексуальных потребностей, смотря на мучения, но и для того, чтобы выместить на жертву свои обиды и унижения, которые еще в детстве прочувствовал на себе [1].

Еще одним примером серийного убийцы может служить Сергей Ткач. В качестве своих жертв он выбирал девочек 9-17 лет, которых сначала убивал, а после этого совершал с телом жертвы половой акт. Нападал Ткач, пережимая жертвам сонную артерию, а после совершения всех действий забирал вещи с места преступления (нередко оставляя на месте преступления голый труп). Делал это преступник для того, чтобы не оставить на месте преступления никаких следов, и для затруднения установления личности жертвы. Также он хранил в своем доме личные вещи каждой жертвы: зеркальце, украшения, белье и подобное. Судебно-психиатрическая экспертиза показала, что преступник вменяем и убивает, исходя из своего эгоизма. По его словам, он совершал преступления с целью показать плохую работу правоохранительных органов.

Еще один преступник – Максим Петров, который совершал разбойные нападения в домах и убивал, представляясь врачом. Своим жертвам он делал инъекции, а после грабил их. Петров при этом также какими-либо психическими заболеваниями не страдал.

Результаты проведенного исследования показывают, что жертв одного серийного убийцы, в подавляющем большинстве случаев, объединяют общие черты, пускай даже не заметные на первый взгляд. У преступника, как перед началом преступной деятельности, так и по ее ходу складывается и конкретизируется определенный образ объекта преступления, который завлекает его, вызывает интерес, и он готов искать жертву на протяжении любого времени.

Чаще всего преступник в качестве жертвы выбирает людей, ведущих себя особым образом (манеры поведения, привлекающие преступников, бывают совершенно различны): вызывающе, легкомысленно, доверчиво, или наивно, или же провокационно, тем самым привлекая внимание. Но, учитывая это, следует признать, что потерпевшими периодически могут становиться лица как мужского, так и женского пола, не обладающее названными качествами. Как уже отмечалось ранее, зачастую это делается преступником для того, чтобы «вернуть остроту ощущений» при возвращении к серийным жертвам, и где-то для того, чтобы «сбить со следа» правоохранительные органы. При этом жертвы могут быть знакомы с преступником на протяжении нескольких лет и доверять ему. На практике зафиксированы даже случаи убийства, в этой связи, родственников.

Статистические данные, как это не удивительно, показывают, что женщины менее виктимны, в отличие от мужчин. Чаще всего насильственные преступления совершаются в отношении мужчин возрастом от 25 до 49 лет. Женщины и дети вместе составляют менее 23% от общего числа пострадавших. При этом, рассматривая внутреннюю структуру этой сферы преступности, необходимо отметить, что 90% жертв убийств – это женщины [2].

Кроме того, ряд экспертов обосновывают определенную взаимосвязь между уровнем преступности, в том числе и серийной преступностью насильственного характера, и социальной средой, к которой принадлежат как преступники, так и их жертвы. При этом приводятся выводы о том, что в более неблагоприятной социальной среде уровень и тяжесть последствий преступных проявлений выше. Средством борьбы с преступностью, в общегосударственном плане, эти эксперты считают планомерное повышение жизненного уровня населения, как в материальном, так и в общеобразовательном плане. В общеобразовательном плане, где одним из важнейших компонентов является разносторонняя и разноуровневая деятельность по профилактике преступности и формированию определенных мировоззренческих ценностей (детский сад, школа, ВУЗы, семья, работа и др.), эта работа была пущена на самотек, практически не проводилась либо была на очень низком уровне. Считалось, что все происходит само собой и дополнительных, целенаправленных усилий для этого не требуется. Негативные последствия подобного отношения очевидны для всех. В последнее время ситуация в этой сфере постепенно нормализируется, и не последнее место в этом занимает патриотическое воспитание молодежи и населения в целом [3].

Результаты обобщенного статистического анализа за последние десять лет показывают, что структура совершения насильственных преступлений является следующей, по полу: мужчины – 84,9%, женщины – 15,1%; по возрасту: более 90% преступлений данной категории совершают лица от 30 до 50 лет; значительная часть преступников не имеет постоянного источника дохода; женщины чаще всего совершают преступления на почве ревности и мести, а мужчины ради удовольствия и удовлетворения своих амбиций (в разных сферах) [4].

Результаты проведенного исследования показывают, что в настоящее время на предмет «серийности» проанализированы далеко не все категории преступлений. Так, в статье, наряду с изложенным, предлагается рассмотреть такую категорию противоправной деятельности (не закреплена в

уголовном законодательстве на данный момент ни как отдельная категория преступлений, ни как квалифицирующий признак) как домашнее насилие.

По статистике ежегодно в результате домашнего насилия в России погибают около 12 000 - 14 000 женщин. Больше трети опрошенных людей, работающих в разных отраслях, подвергались домашнему насилию. Почти 30% пострадавших никому не рассказывают о пережитом насилии. Только 39% пострадавших рассказывают о пережитом насилии близкому другу или члену семьи. Этим обусловлен высокий уровень латентности преступности. С 2011 по 2019 год в России 66% убитых женщин были жертвами домашнего насилия. (Данные центра защиты пострадавших от домашнего насилия при Консорциуме женских НПО). Домашнее насилие часто становится причиной доведения до самоубийства или причиной нового преступления (убийство при превышении самообороны) [5].

Если говорить о ранее рассмотренных серийных преступлениях, то новый эпизод – это новая жертва. В отличие от этого, для домашнего насилия характерно то, что новый эпизод – это не новая жертва, а новая вспышка агрессии, насилия, направленная на одну и ту же жертву.

Многие эксперты отмечают, что жертва серийного преступника, как правило, для него обезличена. Однако это только на первый взгляд. Большинство жертв серийных преступлений против половой неприкосновенности, против жизни и здоровья, схожи по определенным характеристикам, обладают зачастую единым типажом. Это объясняется тем, что каждый эпизод для серийного преступника – это повторяющийся сценарий психотравмирующей ситуации, ситуации нервного возбуждения (во всех его проявлениях). Названные обстоятельства подтверждают идентичность (схожесть) поведения преступника в каждом эпизоде («почерк»), схожие внешние данные жертв и др. Таким образом, преступник из раза в раз воссоздает ту самую психотравмирующую ситуацию.

С учетом изложенного, можно провести еще одну параллель между серийными и домашними преступлениями. Очевидным сходством является время совершения преступлений, которое характеризуется большой продолжительностью. Преступная серия не ограничена во времени, как и повторение эпизодов в домашнем насилии.

Результаты анализа криминалистических характеристик личностей серийных преступников, домашних насильников и их жертв, свидетельствуют о наличии между ними определенного тождества. Многие жертвы бессознательно обладают определенными устойчивыми характеристиками личности, в результате чего чаще других становятся жертвами преступлений, что охватывается понятием виктимности.

Личности преступников также можно подразделить на определенные типологии. Наиболее успешной, с точки зрения криминалистики, на наш взгляд, является типология, разработанная в 1996 году, включающая в себя четыре типа преступников с разными мотивациями: «визионеры», «миссионеры», «тираны» и «гедонисты» [5].

В основе мотивации «визионеров» лежит их психическое расстройство, фантазия и необъяснимое, непреодолимое веление внутреннего голоса убивать. Выявить типаж жертвы в данном случае труднее всего.

«Миссионеры» совершают преступления под эгидой благородной миссии, помогающей отчистить мир, сделать его лучше. В таком случае жертвой, как правило, становятся женщины, обладающие признаками девиантного поведения.

В основе мотива серийного преступника «тирана» находится утверждение своего превосходства над беспомощной жертвой. Как правило, в обществе «тираны» проявляют себя как тихие, спокойные личности. При этом их психотравма связана зачастую с моделью сильной женщины из их детства. Этим и обусловлен типовой выбор жертвы. В данном случае и жертва, и само преступление – это библиографический факт из жизни преступника.

Тип «гедонист» превыше всего ставит получение наслаждения в результате совершения преступления. Распространено мнение, что преступникам данного типа наиболее важна внешняя схожесть жертвы и образа. Однако на практике «гедонисту» важно не только внешнее соответствие жертвы выдуманному образу, но и поведение, соответствующее ожиданиям.

Наряду с изложенным, ряд экспертов выделяют два типа женщин-жертв семейно-бытового насилия: пассивные и условно-виновные [6]. Пассивному типу жертвы присущи робость, слабоволие, внушаемость, самопожертвование. Такие люди поневоле становятся жертвами. Говоря об условно-виновном типе жертвы, речь идет о женщинах, которые могут оказать сопротивление, но, опасаясь разрушить семью, остаться без материальной поддержки партнера, оставить ребенка без отца, не обращаются за помощью в правоохранительные органы и остаются рядом с насильником. При этом наблюдается определенное сходство между поведением жертвы серийного преступления и жертвы домашнего насилия. Существует мнение о том, что в обоих случаях жертвы пассивно провоцируют и, тем самым, привлекают преступника.

Обобщая изложенное, можно сделать вывод о том, что и серийному преступнику, и домашнему насильнику свойственен чрезмерный контроль над жертвой. У обоих злоумышленников четко прослеживаются периоды «охлаждения» между «эпизодами», которые могут прерваться в любой момент. Триггером может стать незначительное действие жертвы или иное изменение внутреннего состояния преступника.

С учетом изложенного предлагается закрепить «серийность» в качестве квалифицирующего признака состава уголовного преступления, связанного с применением насилия, в Уголовном Кодексе РФ. При этом «серийность» представляется более «отягчающим» квалифицирующим признаком, чем просто «неоднократность».

В дальнейшем, при наличии положительного опыта применения названной правовой нормы, предлагается распространить квалифицирующий признак серийности и на преступления, не связанные с насильственными действиями.

Кроме того, имеются основания рассматривать домашнее (семейно-бытовое) насилие как разновидность серийных насильственных преступлений, с закреплением этого в соответствующей нормативно-правовой базе.

Список источников

1. Пьер Лоррен. Андрей Чикатило. Ростовское чудовище. 2021. С.397.
2. Сергеева В.А. «Криминалистическая характеристика жертвы серийных преступлений». 2021. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-harakteristika-zhertvy-seriynyh-prestupleniy (дата обращения 22.02.2022).
3. «Типичная жертва тяжкого насилия в России – трудоспособный безработный мужчина». 2022. // URL:https://www.advgazeta.ru/novosti/tipichnaya-zhertva-tyazhkogo-nasiliya-v-rossii-trudosposobnyy-bezrabotnyy-muzhchina // (дата обращения 14.03.2022).
4. Состав лиц, совершивших преступления, по полу, возрасту и виду занятий. // URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b15_11/IssWWW.exe/Stg/d01/12-02.htm // (дата обращения 12.03.2022).
5. Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Виктимологическая профилактика серийных преступлений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 35.
6. Баранчикова М.В., Эрте Д.А. «Виктимологические особенности женщин как жертв семейно-бытовых преступлений» // Виктимология 2019. № 4 (22). С. 20-27.
7. Смирнова И.С. Расследование многоэпизодных и групповых уголовных дел: процессуальный аспект выявления новых преступлений и новых лиц, причастных к преступлению // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2003. № 3. С. 117-119.
8. Князьков А.С. Тактико-криминалистические задачи расследования следственно-оперативной группой многоэпизодной преступной деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 238-242.
9. Баринов С.В. Криминалистическая модель преступной деятельности в сфере частной жизни // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2018. Т. 28. № 2. С. 246-251.
10. Ишигеев В.С. Психолого-криминалистический портрет: правда и вымысел // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 3 (19). С. 86-90.

References

1. Pierre Lauren. Andrei Chikatilo. Rostov monster. 2021:397 (In Russ.)
2. Sergeeva V.A. Forensic characterization of the victim of serial crimes. 2021. https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-harakteristika-zhertvy-seriynyh-prestupleniy (accessed 02/22/2022).
3. "The typical victim of severe violence in Russia is an able-bodied unemployed male." 2022. https://www.advgazeta.ru/novosti/tipichnaya-zhertva-tyazhkogo-nasiliya-v-rossii-trudosposobnyy-bezrabotnyy-muzhchina // (accessed 14.03.2022).
4. The composition of the persons who committed crimes, by sex, age and type of occupation. https://www.gks.ru/bgd/regl/b15_11/IssWWW.exe/Stg/d01/12-02.htm // (accessed 03/12/2022).
5. Akhmedshin R.L., Akhmedshina N.V. Victimological prevention of serial crimes*. Bulletin of the Tomsk State University*. Law. 2020. No. 35. (In Russ.)
6. Baranchikova M.V., Erte D.A. Victimological features of women as victims of domestic crimes. *Victimology* .2019. No. 4 (22):20-27. (In Russ.)
7. Smirnova I.S. Investigation of multi-episode and group criminal cases: the procedural aspect of identifying new crimes and new persons involved in the crime. *Current problems of combating crimes and other offenses*. 2003. No. 3: 117-119. (In Russ.)
8. Knyazkov A.S. Tactical and forensic tasks of the investigation by the investigative-operational group of multi-episode criminal activity. *Bulletin of the Tomsk State University*. 2018. No. 426: 238-242. (In Russ.)

9. Barinov S.V. Forensic model of criminal activity in the sphere of private life. *Bulletin of the Udmurt University. Series Economics and Law*. 2018. V. 28. No. 2: 246-251. (In Russ.)

10. Ishigeev V.S. Psychological and forensic portrait: truth and fiction. Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2021. No. 3 (19):86-90. (In Russ.)

Информация об авторах

О.И. Лозинский – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры процессуального права

Е.Д. Гуренко – студентка второго курса юридического факультета

А.С. Соломатина – студентка второго курса юридического факультета

Information about the authors

O.I. Lozinsky – Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of Procedural Law

E.D. Gurenko – second-year student of epy Faculty of Law.

A.S. Solomatina - second-year student of the Faculty of Law.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the фuthors: all authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 04.04.2022; одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 04.04.2022; approved after reviewing 20.04.2022; accepted for publication 27.04.2022

Научная статья
УДК 343.9

Женщина как субъект преступления в рамках традиционной западной теории уголовного права

© А.А. Погорова, 2022

Аза Ахметовна Погорова
Ингушский государственный университет, г. Магас, Республика Ингушетия. azapog6363@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена женщине как субъекту преступления в рамках традиционной западной теории уголовного права. Автор рассматривает основные положения криминологического традиционализма в отношении женской преступности, а также обращает особое внимание на оценку и восприятие женской преступности с точки зрения общества и правоохранительных органов.

Ключевые слова: преступление, женская преступность, криминология, уголовное право, правоохранительные органы, общество, традиционная теория

Для цитирования: Погорова А.А. Женщина как субъект преступления в рамках традиционной западной теории уголовного права // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 5(144). С.101-103

Original article

A woman as a subject of crime within the traditional Western theory of criminal law

Aza A. Pogorova
Ingush State University, Magas, Republic of Ingushetia. azapog6363@mail.ru

Abstract. The article considers a woman as a subject of a crime within the framework of the traditional Western theory of criminal law. The author examines the main provisions of criminological traditionalism in relation to female crime, and also pays special attention to the assessment and perception of female crime from the point of view of society and law enforcement agencies.

Keywords: crime, female criminality, criminology, criminal law, law enforcement agencies, society, behavior model, traditional theory

For citation: Pogorova A.A. A woman as a subject of crime within the traditional Western theory of criminal law. Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management. 2022. No5(144):101-103 (In Russ.)

Не секрет, что традиционное понимание женской преступности фактически постулирует следующее положение: женщины не являются истинными преступниками, поскольку ученые-криминалисты и специалисты в сфере уголовного права исторически не воспринимали их как таковых. На протяже-

нии веков женщина не считалась дееспособным лицом, которое может умышленно нарушать закон, иметь определенную волю и намерения, а также действовать целенаправленно и последовательно. Вместо этого, по мнению юристов, женщины-преступницы просто отказывались от своей социальной роли, предначертанной им природой и обществом, либо имели некие патологии, дефекты или извращения, мешающие им вести «нормальную жизнь».

Вместе с тем, существовало и другое традиционное восприятие женской преступности. Оно заключалось в том, чтобы охарактеризовать женщин через преступления, которые они совершают. Соответственно, в юридической теории и практике появились так называемые «женские преступления» и иные правонарушения:

- проституция;
- супружеская неверность;
- воровство;
- пьянство;
- мошенничество;
- убийство путем отравления и др. [1, p. 22]

Вышеуказанные преступления приписывались не женщинам как таковым, а предполагаемым «женским» качествам, которыми мужчины якобы не обладали либо обладали в гораздо меньшей степени. Среди этих качеств назывались следующие:

- бесстыдство;
- распутство;
- излишняя эмоциональность;
- неспособность контролировать свои страсти;
- истеричность;
- жадность;
- лживость;
- коварство;
- мстительность;
- склонность к манипуляции;
- обидчивость и т.д. [1, p. 43]

В целом, с точки зрения классической криминологической теории, женщины:

- являются более законопослушными, нежели мужчины;
- «специализируются» на определенных преступлениях;
- склонны к ненасильственным правонарушениям;
- если и совершают насильственные правонарушения, то обычно они направлены против их родственников или других близких людей [2, p. 54].

Юридическая практика прошлого подтверждает описанную выше концепцию женской преступности. Рассмотрим это на примере проституции:

- считалось, что проститутки имеют сексуальные извращения, а также индивидуальные либо социальные патологии;
- в XIX в. утверждалось, что проститутки «менструируют не так, как респектабельные женщины», и, в отличие от них, обладают «мужскими привычками» вроде пьянства и сквернословия [2, p. 61];
- в 1866 г. английское законодательство об инфекционных заболеваниях предусматривало принудительное обследование и лечение венерических заболеваний «обычных проституток»;
- в то же время указанная мера не распространялась на клиентов мужского пола; «нельзя было сравнивать проституток с мужчинами, которые контактировали с ними» [2, p. 63];
- по мнению юристов и правоохранителей, женщины, занимаясь проституцией, совершали преступление по мотивам выгоды, а мужчины лишь периодически потакали своему естественному импульсу [2, p. 65].

Предполагалось, что другие женские преступления обусловлены иными факторами:

- повседневным окружением;
- домашней изоляцией;
- атмосферой в семье;
- низкими должностями в сфере занятости [1, p. 52].

Данные факторы, по мнению специалистов в сфере уголовного права, объясняли склонность женщин к преступлениям небольшой тяжести, таким как магазинные и мелкие кражи; эта тенденция, по-видимому, сохраняется до сих пор [1, p. 53].

Женщины зачастую обитали в пределах замкнутого домашнего мира, будучи удаленными от публичной жизни, в условиях которой они могли совершать преступления; таким образом, именно угнетение женщин ведет к конформизму, а не преступность [2, p. 68].

Таким образом, эмпирическое пренебрежение женской преступностью всегда оправдывалось с помощью апелляции к скромной статистике официально зарегистрированных преступлений. Согласно подобной логике, если уровень женской преступности низок и совершаемые ими противозаконные действия носят тривиальный и несущественный характер, то, значит, они не представляют угрозы общественному порядку и в соответствующих исследованиях нет необходимости.

Женщины, в отличие от мужчин, не так широко представлены в современной системе уголовного правосудия. Тем не менее, существует точка зрения, согласно которой это вызвано не меньшей девиантностью и криминализацией женщин, но так называемым «рыцарским поведением» судей, полицейских и других сотрудников правоохранительных органов (преимущественно мужчин), которые якобы опираются в своей деятельности на культурные, психологические и биологические представления о женщинах и реагируют соответствующим образом [2, p. 114].

Данная точка зрения наделяет юридическую систему мнимым «рыцарским характером», который, однако, теоретически и культурно нацелен на защиту женщин, но не мужчин. Предполагается, что чиновникам (в основном мужчинам) психологически трудно наказывать женщин и они подвергают их менее суровым санкциям; к тому же, суровые санкции нецелесообразны, учитывая социальную роль женщины как супруги, матери и домохозяйки.

Однако общество не ожидает, что женщины будут заниматься криминальной деятельностью и совершать агрессивные, «мужские» преступления вроде вооруженного ограбления. Женщина, преследуемая за «неженское» преступление, считается действительно злой, и это вызывает у общества гораздо более негативную реакцию на ее деяние, по сравнению с мужчиной, оказавшимся в аналогичной ситуации [2, p. 113].

Впрочем, данная теория была в значительной степени опровергнута исследованиями, показавшими, что общество относится к мужчинам и женщинам одинаково, если во внимание принимаются такие факторы, как серьезность преступления и наличие судимости [2, p. 119]. Кроме того, связь же между «рыцарством» и женской преступностью кажется надуманной и нуждается в доказательствах. Так или иначе, но проблема почти всех исследований женской преступности и традиционной криминологической теории на сегодняшний день заключается в том, что они основаны на устаревших и неактуальных представлениях о женщинах.

Список источников/ References

1. Morris, A., Gelsthorpe, L. Women and Crime. Cropwood Conference Series. No 13. Cambridge, University of Cambridge Institute of Criminology, 1981. 112 p.
2. Feinman, C. Women in the Criminal Justice System. New York: Praeger Publishers, 1986. 208 p.

Информация об авторе

А.А. Погорова – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

A.A. Pogorova – Candidate of Law, Associate Professor

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 16.03.2022; одобрена после рецензирования 12.04.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 16.03.2022; approved after reviewing 12.04.2022; accepted for publication 27.04.2022

Научная статья
УДК 343.4

Похищение человека: дискуссионные вопросы понятия преступления

© Е.С. Серогодская, М.В. Долбня, 2022

Елена Сергеевна Серогодская[1], Мария Витальевна Долбня[2]
[1,2] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г.Ростов-на-Дону, Россия
[1] ser.elenka@mail.ru
[2] mashadolbnya2307@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена понятию «похищение» человека, образующему объективную сторону преступления, предусмотренного статьей 126 УК РФ «Похищение человека». Анализируется целесообразность употребления терминов «захват», «удержание» в контексте деяний объективной стороны состава преступления. Даются рекомендации по внесению изменений в формулировку понятия «похищение» человека.

Ключевые слова: похищение человека, захват, изъятие, удержание, объективная сторона, преступное деяние, преступление против свободы

Для цитирования: Серогодская Е.С., Долбня М.В. Похищение человека: дискуссионные вопросы понятия преступления // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. №5(144). С.104-108

Original article

Kidnapping: discussion issues of the concept of crime

Elena S. Serogodskaya[1], Mariya V. Dolbnya[2]
[1,2] Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia
[1] ser.elenka@mail.ru
[2] mashadolbnya2307@gmail.com

Abstract. The article considers the concept of «kidnapping», which forms the objective side of the crime provided by Article 126 of the Criminal Code of the Russian Federation «Kidnapping». Analyses the expediency of using the terms «capture», «retention» in the context of acts of the objective side of the crime is analyzed. Gives recommendations for making changes to the wording of the concept of «kidnapping».

Keywords: kidnapping, seizure, retention, objective side, criminal act, crime against freedom

For citation: Serogodskaya E.S., Dolbnya M.V. Kidnapping: discussion issues of the concept of the crime. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2022. No.5(144): 104-108 (In Russ.)

Свобода – естественное и неотчуждаемое право человека, её защита – базовый принцип правой системы любого современного демократического государства. Не является исключением и Российская Федерация, в пункте 1 статьи 22 Конституции которой провозглашено и гарантировано право каждого человека на свободу и личную неприкосновенность [1].

Статистические данные МВД РФ показывают, что в 2021 году было зарегистрировано 382 случая похищения человека, в 2020 году – 411, а в 2019 год – 351 случай. Иными словами, несмотря на то, что в 2020 и 2021 году действовал режим изоляции и ограничений в связи с пандемией COVID-2019, все же наблюдался рост числа преступлений, связанных с похищением, по сравнению с допандемийным 2019 годом. Удельный вес похищения человека в структуре преступлений против личности достаточно низок (составляет около 0,6%), что обусловлено, полагаем, средним уровнем латентности данного преступного деяния [2].

Жертвами похищения могут стать не только самые обычные граждане, но и представители бизнеса, их дети и близкие, военнослужащие, сотрудники правоохранительных органов. Такая «негативная» практика распространяется и в отношении детей, чьи родители находятся в конфликте по поводу вопроса о том, с кем ребёнок будет проживать после развода. Подобные разногласия приводят к тому, что таких детей похищают по найму. Это в очередной раз подтверждает, что общественная опасность этого преступного деяния достаточно велика, а исследование проблемных вопросов при определении признаков объективной стороны похищения человека не теряет своей актуальности. В уголовной практике по-прежнему возникают спорные моменты относительно понятия рассматриваемого состава и отграничения похищения человека от других смежных преступлений. Об этом свиде-

тельствует наличие отмененных и измененных судебных решений по статье 126 УК РФ вышестоящими инстанциями судебной системы. Поэтому важная задача научного сообщества, представителей законодательной и судебной системы – максимально точно описать преступное деяние похищения человека для осуществления правоохранительными органами правильной квалификации содеянного.

До недавнего времени в науке уголовного права и в правоприменении существовали дискуссии относительно определения термина «похищение», вызванные отсутствием законодательного описания исследуемого преступного действия в диспозиции статьи 126 УК РФ. Верховный Суд РФ в своем определении №78-АПУ14-14сп от 03.04.2014 дал разъяснение, что «по смыслу закона под похищением человека следует понимать противоправные умышленные действия, связанные с изъятием и перемещением живого человека против его воли в другое место с целью последующего удержания» [3]. То есть Верховный Суд РФ обратил внимание на то, что противоправные умышленные действия похищения состоят в изъятии и перемещении человека в отсутствие согласия последнего. Подобной позиции придерживаются такие ученые как Подройкина И.А., Серегина Е.В., Корнакова С.В., Семернева Н.К., Лебедев В.М. и другие [4], [5], [6], [7], Ряд ученых, напротив, являются сторонниками того, что «под похищением человека следует понимать противоправные умышленные действия, сопряженные с тайным или открытым завладением (захватом) живого человека, перемещением с места его постоянного или временного проживания с последующим удержанием против его воли в другом месте» [9], [10]. При этом и одной, и другой стороной противоправное удержание человека рассматривается либо как цель похищения (позиция Верховного Суда РФ от 2014г.), либо как третье обязательное деяние, совершаемое после изъятия физического лица и его насильственного перемещения (Подройкина И.А., Лебедев В.М., Бриллиантов А.В.).

Пленум Верховного Суда РФ, утвердив Постановление «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» №58 от 24.12.2019 (далее – Постановление № 58), дал четкие разъяснения касательно того, какие действия следует рассматривать как похищение человека. В пункте 2 указанного Постановления уточнено, что «по смыслу уголовного закона под похищением человека следует понимать его незаконные захват, перемещение и последующее удержание в целях совершения другого преступления либо по иным мотивам, которые для квалификации содеянного значения не имеют» [11]. Фактически, можно резюмировать, что Верховный Суд решил долго длящийся вопрос о перечне преступных действий, совершаемых субъектом при похищении человека. Однако, поддерживая точку зрения Подройкиной И.А. и Корнаковой С.В. [8], [5], полагаем, что целесообразность употребления именно термина «захват» в качестве обязательного действия объективной стороны похищения человека весьма сомнительна. Во-первых, обращаясь к толкованию самих терминов «захват» и «изъятие», захват используется в значении «хватать, ловить, удерживать» [12], а изъятие – «вынимать, исключать, вытаскивать» [13], то есть по своему содержанию понятие «изъять» шире, чем «захватить». Следовательно, действие по изъятию в большей мере отображает саму сущность похищения лица, когда лицо не остается на месте своего естественного пребывания, а покидает его, в том числе самостоятельно в силу обмана или злоупотребления доверия.

Во-вторых, термин «захват» употребляется законодателем в статье 206 УК РФ «Захват заложника». Анализируя исключительно объективную сторону ст. 206 УК РФ (но помня, что основные непосредственные объекты преступления в ст. 126 УК РФ и ст. 206 УК РФ различны, в последнем он выражен в общественной безопасности, тогда как свобода личности – дополнительный непосредственный объект), можно сказать, что объективная сторона выражена только в насильственном ограничении свободы выбора передвижения лица или выбора его местопребывания. То есть преступное деяние по захвату не связано с непосредственным изменением среды постоянного или временного обитания лица, лицо насильно удерживается на определенном месте, а свобода его передвижения существенно ограничена. Конечный же результат похищения человека, напротив, – это изменение местоположения лица, либо непосредственным насильственно-принудительным способом, либо опосредованно, если лицо в силу обмана или злоупотребления доверия самостоятельно осуществило это изменение.

Рассмотрим пример из судебной практики, связанный с непосредственным изъятием. Согласно приговору Баевского районного суда Алтайского края по делу №1-1/2020 (1-46/2019) действия подсудимых, двое из которых – К. и П., в связи с отказом потерпевшего ехать с ними, чтобы работать и отрабатывать задолженность по кредиту и, против его воли, взяли потерпевшего под руки с двух сторон, довели до автомобиля, принадлежащего К., и насильно посадили его в автомобиль, где их ожидал М., не предоставив потерпевшему возможности взять с собой вещи, документы, телефон [14]. При этом суд в приговоре указывает на захват потерпевшего виновными К. и П. Мы же полагаем, что произошло непосредственное изъятие, выразившееся в том, что потерпевшего против его воли взяли под руки, довели до автомобиля и насильно в него посадили. В случае захвата действие субъектов преступления выражалось бы исключительно в том, что потерпевшего взяли под руки, ограничив свободу его передвижения. А в данном случае потерпевшего не просто захватили, взяв под руки, а

против воли переместили в автомобиль, то есть произошло изъятие с места его пребывания. Данное обстоятельство в очередной раз подтверждает нашу теорию о целесообразности использования термина «изъятие» при раскрытии объективной стороны похищения.

Третий наш аргумент связан с субъективным восприятием начала совершения преступных деяний. Рассмотрим для наглядного примера судебную практику. Губахинским городским судом Пермского края Е., Н., К., и неустановленное лицо (уголовное дело в отношении последнего выделено в отдельное производство) были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ и ст. 330 УК РФ. Так, Е., Н., К. и неустановленное лицо, вступили в преступный сговор о похищении М. с целью понуждения ее к возврату принадлежащих виновному Е. денежных средств, которыми она завладела неправомерно. Осуществляя преступный умысел, вышеуказанное неустановленное лицо посредством телефонной связи познакомился с М., узнал о месте ее нахождения, о чём сообщил остальным. В вечернее время осужденные на автомобиле прибыли в заранее выбранное безлюдное место в районе гаражного массива, а неустановленный соучастник с умыслом на совершение похищения М., договорился с ней о встрече и предложил проехать с ним до магазина. Не подозревая об истинных намерениях этого лица, М. согласилась, после чего он привёз ее к гаражному массиву, где их поджидали Е. Н. и К. Имея намерение сломить волю потерпевшей к сопротивлению, Н. нанёс ей удар ладонью по лицу, причинив физическую боль. Подавляя крик М., виновный К. с целью обеспечения тайности преступления зажал ей рот своей рукой, тем самым причинил физическую боль, а вышеуказанный неустановленный соучастник преступления для предотвращения попыток потерпевшей обратиться за помощью забрал ее сотовый телефон, после чего виновные захватили М., которая активно сопротивлялась, пытаясь освободиться, насильно поместили ее на заднее пассажирское сидение автомобиля, причинив телесные повреждения, не повлекшие вреда здоровью, и вопреки воле увезли ее [15].

Анализируя данную ситуацию, важно обратить внимание на то, что реализация преступного умысла на похищение девушки началась не в момент захвата и насильственного помещения ее на заднее сиденье автомобиля, а в тот момент, когда девушка, не подозревая об истинных намерениях неустановленного лица, села в автомобиль и поехала с ним якобы до магазина. Иными словами, начало выполнения объективной стороны преступления связано с противоправным опосредованным изъятием девушки с места ее пребывания в момент, когда потерпевшая добровольно в силу обмана села в автомобиль. Также нельзя не учитывать направленность умысла – не просто подвести девушку до магазина, а именно изменить ее местонахождения в целях облегчить себе возможность совершения дальнейших преступных деяний. Учитывая формальную конструкцию состава данного преступления, оно будет окончено в момент, когда автомобиль, в который села обманутая девушка, начал движение. Дальнейшие действия виновных лиц по принудительному помещению в автомобиль и перевозке на квалификацию по ст. 126 УК РФ уже не влияют, поскольку преступление было окончено, даже если девушка не осознавала, что в отношении нее совершается преступление. Фактически в деяниях преступников можно отметить наличие всех признаков состава преступления, предусмотренные ст. 126 УК РФ, а именно: объект – право на свободу девушки, объективную сторону – ее опосредованное изъятие и начало перемещения, субъект – неустановленное лицо и субъективная сторона – осознание лица о совершении противоправного деяния и желание его совершать (прямой умысел).

В-четвертых, в уголовном законе четко сформулировано понятие хищения (примечание 1 к статье 158 УК РФ), под которым законодатель понимает такие деяния, как противоправное изъятие и (или) обращение в свою пользу [16]. Не забывая о том, что объект преступления при хищении (глава 21 УК РФ – право собственности) и при похищении человека (глава 17 УК РФ – право на свободу, честь и достоинство личности) различен, важно отметить, что как специфика объективной стороны, так и сущность самих деяний в обоих преступлениях похожая. Поэтому, реализуя принцип унификации и единообразия толкования и применения норм права, в том числе юридических понятий и терминов, на наш взгляд, было бы более рационально использовать понятие «изъятие», а не «захват», которое связано исключительно с незаконным ограничением свободы передвижения лица, в описании преступных действий объективной стороны похищения человека. Полагаем, что, употребляя термин «захват», суд отождествляет объективную сторону похищения человека (ст. 126 УК РФ) с захватом заложника (ст. 206 УК РФ), что является не вполне верным, учитывая различия в объекте преступного посягательства и конечный результат совершаемых преступных деяний, определяющих различную степень общественной опасности данных преступлений.

Не подвергая сомнению необходимость указания в анализируемом понятии на следующее действие объективной стороны похищения человека, выраженное в перемещении потерпевшего из места пребывания в иное место, обратимся к следующему термину – к удержанию лица. Ранее мы упоминали, что в науке и практике уголовного права «удержание» при похищении человека наделяется разным правовым статусом (либо цель, либо третье обязательное деяние). Основывая свое мнение на позиции Верховного Суда РФ в части момента окончания преступного посягательства, полагаем, что

удержание следует рассматривать как деяние альтернативное перемещению. Поясним нашу позицию. Верховный Суд РФ в Постановлении №58 указывает, что «похищение человека считается оконченным преступлением с момента захвата и начала его перемещения. В случаях, когда перемещение было осуществлено самим потерпевшим вследствие его обмана или злоупотребления доверием, преступление признается оконченным с момента захвата данного лица и начала принудительного перемещения либо начала его удержания, если лицо более не перемещалось» [11]. Фактически, сам Верховный Суд РФ указывает на то, что в случае непосредственного изъятия лица, факт удержания на квалификацию не влияет, поскольку преступление считается оконченным с момента начала насильственного перемещения лица в иное место. В случае опосредованного изъятия – либо начала перемещения потерпевшего, либо его удержания. То есть употребление термина «удержание» как третьего обязательного деяния объективной стороны похищения человека в Постановлении Пленума ВС РФ, считаем, не целесообразным. Полагаем, что удержание следует употреблять как альтернативу перемещения, в частности тогда, когда лицо изменило свое местоположение самостоятельно в силу обмана либо злоупотребления доверием, при условии, что виновный в дальнейшем не перемещает потерпевшего.

Подводя итог всему вышеуказанному, полагаем, что существует необходимость на уровне законодателя внести изменения в понятие похищения человека, уточнив перечень деяний, образующих объективную сторону исследуемого преступления. По нашему глубокому убеждению, под похищением следует понимать незаконное изъятие и перемещение либо последующее удержание в целях совершения другого преступления или по иным мотивам, которые для квалификации содеянного значения не имеют. Употребление указанного нами понятия похищения человека, применимо к статье 126 УК РФ, позволит максимально отобразить саму суть совершаемого деяния, что позволит максимально избежать ошибок в правоприменении.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 04.07.2020. №144.
2. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762 (дата обращения 12.04.2022:)
3. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 03.04.2014 №8-АПУ14-14сп // СПС КонсультантПлюс. 2022.
4. Преступления против личности: учебник для академического бакалавриата /Под ред. И.А. Подройкиной, Е.В. Серегиной. М.: Изд-во Юрайт, 2017.
5. Корнакова С.В. Актуальные вопросы квалификации похищения человека // Российский судья. 2020. №12. С. 45 - 50.
6. Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. 4-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2008. 1008 с.
7. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII-VIII / Отв. ред. В.М.Лебедев. М.: Издательство Юрайт, 2019. 371 с.
8. Подройкина И.А. Вопросы квалификации похищения человека: краткий обзор судебной практики // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 5 (120). С. 107-111.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т." (постатейный). Том 1 /Под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект. 2015.
10. Шестало С.С. Похищение человека // СПС КонсультантПлюс. 2022.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ "О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми" от 24.12.2019 №58 // Российская газета. 31.12.2019. №296.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1. А – З /Под ред. А.Н. Филиппов. М.: РИПОЛ классик, 2006. 752 с.
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 2. И - О / Под ред. А.Н. Филиппов. М.: РИПОЛ классик, 2006. 783 с.
14. Приговор Баевского районного суда Алтайского края по делу №1-1/2020 (1-46/2019) от 10.04.2020 года // URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html
15. Приговор Губахинского городского суда Пермского края от 01.08.2014. // URL: http://gubacha.perm.sudrf.ru
16. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996г. № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996 г. №25. Ст. 2954.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). *Russian newspaper*. 04.07.2020. No.144. (In Russ.)
2. Official website of The Ministry Of Internal Affairs of the Russian Federation. Available from: https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762 (Accessed 12 April 2022) (In Russ.)
3. Appeal ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of April 3, 2014 N 78-APU14-14sp. SPS ConsultantPlus. (In Russ.)
4. Crimes against the person: a textbook for academic undergraduate studies / Ed. I.A. Podroikina, E.V. Seregina. M.: Yurayt Publishing House, 2017. (In Russ.)
5. Kornakova S.V. Relevant Issues of the Legal Treatment of Abduction. *Russian judge*. 2020. No. 12: 45 - 50. (In Russ.)
6. Criminal law. Special part: textbook / resp. ed. I. Ya. Kozachenko, G. P. Novoselov. 4th ed., rev. and add. M.: Norma, 2008. 1008 p. (In Russ.)
7. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation in 4 volumes. Vol. 2. Special part. Sections VII-VIII / Resp. ed. V.M.Lebedev. M.: Yurayt Publishing House, 2019.371 p. (In Russ.)
8. Podroikina I.A. Issues of qualifying kidnapping: a brief review of judicial practice. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2020. No. 5 (120):107-111. (In Russ.)
9. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: in 2 volumes." (item by article). Vol.1 / Ed. by A.V. Brilliantov. M .: Prospect. 2015. (In Russ.)
10. Shestalo S.S. Kidnapping. SPS ConsultantPlus. (In Russ.)
11. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On judicial practice in cases of kidnapping, illegal imprisonment and human trafficking" dated December 24, 2019 No. 58. *Rossiyskaya Gazeta*. 12/31/2019. No. 296. (In Russ.)
12. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Vol.1. A - H / Ed. A.N. Filippov. M .: RIPOL classic, 2006. 752 p. (In Russ.)
13. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Vo.2. I - O / Ed. A.N. Filippov. M.: RIPOL classic, 2006. 783 p. (In Russ.)
14. The verdict of the Baevsky District Court of the Altai Territory in case No. 1-1/2020 (1-46/2019) dated April 10, 2020. State Automated System of the Russian Federation «Pravosudie» Available from: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html (Accessed 11 April 2022) (In Russ.)
15. The verdict of the Gubakhinsky City Court of the Perm Territory dated 08/01/2014. Available from: http://gubacha.perm.sudrf.ru (Accessed 11 April 2022) (In Russ.)
16. The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended. from 25.03.2022). Collection of legislation of the Russian Federation. 17.06.1996, No. 25. Art. 2954. (In Russ.)

Информация об авторах

Е.С. Серогодская – старший преподаватель
М.В.Долбня – студент

Information about the authors

E.S. Serogodskaya - Senior Lecturer
M.V. Dolbnya – student

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 15.04.2022; одобрена после рецензирования 23.04.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 15.04.2022; approved after reviewing 23.04.2022; accepted for publication 27.04.2022

Уголовный процесс

Научная статья
УДК 343.131.5

Допустимые пределы ограничения действия принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве (на примере прекращения уголовного дела и уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям)

© А.А. Арзуманян, Т.С. Короткова, 2022

Андрей Альбертович Арзуманян [1], Татьяна Сергеевна Короткова [2]
[1] Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия.
[1] andrew71984@mail.ru
[2] tatyanka.korotkova.1998@mail.ru

Аннотация: Данный труд посвящен одному из дискуссионных вопросов науки уголовно-процессуального права – применение принципа презумпции невиновности в доказывании виновности лица в случаях прекращения уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям. Авторами сделана попытка ответить на вопрос: существует ли допустимый предел действия презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве? Анализируются причины применения в современном уголовном процессе института прекращения уголовного преследования – процессуальная экономия, а также проявление гуманистических начал уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, презумпция невиновности, публичный интерес, признание вины, объективная истина

Для цитирования: Арзуманян А.А., Короткова Т.С. Допустимые пределы ограничения действия принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве (на примере прекращения уголовного дела и уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 5(144). С.109-112

Criminal procedure

Original article

Permissible limits of limitation of the presumption of innocence in criminal proceedings (the example of the termination of a criminal case and criminal prosecution on non-rehabilitation grounds)

Andrey A. Arzumanyan[1], Tatyana S. Korotkova[2]
[1] Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia.
[1] andrew71984@mail.ru
[2] tatyanka.korotkova.1998@mail.ru

Abstract. The paper studies one of the controversial problems of the science of criminal procedure law – the application of the principle of presumption of innocence in proving the guilt of a person in cases of termination of a criminal case and criminal prosecution on non-rehabilitating grounds. The authors attempt to answer the question: is there an acceptable limit to the presumption of innocence in criminal proceedings? The paper analyzes the reasons for the use of the institution of termination of criminal prosecution in modern criminal proceedings, ie. procedural savings (funds, time, administrative resources), as well as the manifestation of the humanistic principles of the criminal process.

Keywords: criminal proceedings, presumption of innocence, public interest, admission of guilt, objective truth

For citation: Arzumanyan A.A., Korotkova T.S. Permissible limits of limitation of the presumption of innocence in criminal proceedings (the example of the termination of a criminal case and criminal prosecution on non-rehabilitation grounds). *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No.5(144): 109-112 (In Russ.)

Закрепленные в уголовно-процессуальном законодательстве принципы права служат зеркалом социальной реальности, в которой они существуют и развиваются под воздействием политических, экономических и общественных факторов. Такие основополагающие идеи и руководящие начала продиктованы общечеловеческими ценностями, которые признаются и гарантируются нормами международного права и, конечно же, национальным законодательством. Следовательно, невозможно стихий-

но отказаться от применения того или иного постулата, а также самовольно изменить его смысл и назначение [1].

Так, осваивая для практического применения принцип презумпции невиновности, можно столкнуться с тем, что помимо гарантии защиты лиц от необоснованного привлечения к уголовной ответственности и толкование разумных сомнений в виновности лица в его пользу (статья 14 УПК РФ), презумпция обеспечивает комплекс гарантий, которые позволяют человеку защититься от выдвинутых против него обвинений. Последнее соответствует иным нормам уголовно-процессуального законодательства: лицо, признавая себя виновным в совершении преступления или не стремясь оспорить выдвинутое обвинение, все-таки ощущает на себе воздействие принципа с некоторыми ограничениями [2].

Наиболее сложными и неоднозначными институтами уголовного процесса – прекращение уголовного дела и уголовного преследования, которые обозначены в главе 4 УПК РФ. Такое положение вещей связано с огромным количеством проблем, которые встречают теоретики и применители права в науке и на практике, что обусловлено их правовой сущностью, взаимосвязью с разными институтами юриспруденции; условиями, порядком и последствием их применения в конкретном уголовном деле. Чего стоит тот факт, что при скудной доказательственной базе и полной неясности обвинения суд, рассматривающий дело, предпочтет прекратить его под «любым предлогом», только чтобы не удаляться в совещательную комнату и не выносить «ненавистный для нынешней системы правосудия» оправдательный приговор. Такое отношение к оправдательным приговорам является дурным наследием советского правосудия.

По этому случаю есть подходящее высказывание: «Судья должен осудить!», а вопросы: «Кто не виновен?», к глубокому сожалению, эту проблему разрешает лицо, уполномоченное государством вести уголовное преследование. Справедливости ради отметить, что показателем работы судей является не столько количество вынесенных по уголовным делам обвинительных приговоров, сколько процент отмененных (измененных) судебных актов вышестоящими судами.

Однако подавляющее количество прекращенных уголовных дел происходит на стадии предварительного расследования, по своему содержанию и правовым последствиям основания прекращения уголовного дела и преследования делятся на реабилитирующие и нереабилитирующие.

Первая группа оснований связана с отсутствием события преступления, отсутствием в деянии состава преступления, а также с непричастностью подозреваемого (обвиняемого) к совершению преступления. В этом случае принцип презумпции невиновности действует без изъятий, так как лицо, в отношение которого велось уголовное преследование, считается невиновным, и также как и оправданный имеет все права на реабилитацию и восстановление своих гражданских прав, на материальную и моральную компенсацию со стороны государства (глава 18 УПК РФ) [3]. Вместе с тем, по негласному правилу, лица, которые по той или иной причине избежали уголовной ответственности, находились под стражей в следственном изоляторе, правоохранительные органы настоятельно просят не подавать жалобы и заявления по восстановлению нарушенных прав, дабы «фортуна от них не отвернулась».

Однако по всем остальным основаниям, которые отмечены в пунктах 3-6 части 1 статьи 24 и пунктах 3-6 части 1 статьи 27 УПК РФ (в практике чаще всего применяются сроки давности уголовного преследования или дело подлежит прекращению в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого)), признаются нереабилитирующими [4].

Представляется, что еще до передачи материалов уголовного дела в суд, лицо, осуществляющее предварительное следствие или дознание, фактически предрешает вопрос о виновности этого лица в расследуемом преступлении, провозглашая не обвинительный приговор, а постановление о прекращении уголовного дела (преследования).

В действительности, принимая решение прекратить дальнейшее уголовное преследование, следствие (дознание) не указывает на виновность лица, а лишь снимает с суда полномочие – разрешить уголовное дело по существу. То есть дело не попадет под юрисдикцию суда, и к лицу не будет применяться уголовная ответственность и наказание, следовательно, презумпция невиновности и иные права обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) не нарушатся.

Теперь разберем те факторы, которые побуждают правоохранительные органы обращаться к ст. 24, 27 УПК РФ, которыми лицо освобождается от уголовной ответственности. Хотелось бы отметить, что упомянутые основания в некотором разрезе будут уместны и в других случаях, скажем так: для особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, при досудебном соглашении о сотрудничестве, а также при сокращенном дознании [5].

Во-первых, всеобъемлющее влияние принципа публичности на уголовное судопроизводство, его природа состоит в том, что общественная опасность всякого преступления нацелена, в первую очередь, навлечь в большей или меньшей степени вред государству. Рассматриваемый принцип обусловливает порядок возбуждения, раскрытия, расследования и разрешения уголовного дела, пересмотра

судебных решений. По этой причине именно публичный интерес определяет, соответствует ли принятое решение назначению уголовного судопроизводства, его целям, основным задачам, идеям (статья 6 УПК РФ). При этом мнение потерпевшей стороны может быть и вовсе не принято во внимание (например, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве происходит без учета интересов и позиции пострадавшего) [6].

Во-вторых, ускоренное производство или прекращение уголовного преследования на досудебной стадии уголовного существенно снижает нагрузку на судебную систему (первой и второй инстанции), что естественным образом способствует процессуальной экономии сил, времени и ресурсов, а также иных затрат при расследовании и разрешении преступления.

В-третьих, наличие в законодательстве механизмов и целого комплекса гарантий, предоставляемых обвиняемому, которые призваны защитить человека от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод. Применение вышеупомянутых институтов возможно только при наличии письменного согласия лица (или в отдельных случаях его близких родственников) после консультации с защитником, наличие которого обязательно [7]. Если же лицо не согласно, чтобы в отношении него было прекращено уголовное преследование, то ни следователь, ни прокурор, ни суд, ни защитник не могут по собственной инициативе применить меры, в таком случае уголовное дело будет рассматриваться в общем порядке [8].

Таким образом, действие принципа презумпции невиновности не заканчивается положениями об установлении виновности лица вступившим в законную силу приговором суда. Этот принцип со своими особенностями действует в ситуациях признания вины обвиняемым на досудебной стадии уголовного производства, что выражает гуманистические идеи уголовного процесса в России и в положительном ключе снижает загруженность судебной системы.

Список источников

1. Кудрявцева А.В., Лившиц Ю.Д. О понятии принципа в уголовном процессе // Правоведение. 2001. № 4. С. 162-170.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 11.02.2022).
3. Качалова О.В. Реализация принципов уголовно-процессуального права при ускоренных производствах // Lex Russica. 2015. № 11. С. 65-73.
4. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М.: Статут, 2016. 1278 с.
5. Андреева О.И., Зайцев О.А. Допустимые пределы ограничения действия принципов уголовного судопроизводства (на примере принципа презумпции невиновности) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 193-198.
6. Попов К.И. Назначение уголовного судопроизводства // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2016. № 4. С. 31-33.
7. Лобанова С.И. К вопросу о значении и сущности прекращения уголовного дела и уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73). С. 87-90.
8. Ермакова А.О. Реализация принципа презумпции невиновности при прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям // Инновационная наука. 2019. № 4. С. 131-132.

References

1. Kudryavtseva A.V., Livshits Yu.D. On the concept of principle in criminal proceedings. *Jurisprudence*. 2001. No. 4: 162-170. (In Russ).
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ. www.pravo.gov.ru (accessed: 02/11/2022). (In Russ).
3. Kachalova O.V. Implementation of the principles of criminal procedure law in accelerated proceedings. *Lex Russica*. 2015. No. 11: 65-73. (In Russ).
4. The course of criminal procedure / edited by L.V. Golovko. M.: Statute, 2016. 1278 p. (In Russ).
5. Andreeva O.I., Zaitsev O.A. Permissible limits of limiting the operation of the principles of criminal proceedings (on the example of the principle of presumption of innocence). *Bulletin of Tomsk State University*. 2017. No. 423: 193-198. (In Russ).
6. Popov K.I. Appointment of criminal proceedings. *Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law*. 2016. No. 4: 31-33(In Russ).
7. Lobanova S.I. On the question of the meaning and essence of the termination of a criminal case and criminal prosecution in Russian criminal proceedings. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017. No. 1 (73):87-90. (In Russ).
8. Ermakova A.O. Implementation of the principle of presumption of innocence upon termination of a criminal case (criminal prosecution) on non-rehabilitating grounds. *Innovative science*. 2019. No 4:131-132.

Информация об авторах
А.А. Арзуманян – кандидат юридических наук, доцент кафедры
Т.С. Короткова – магистрант

Information about the authors
A.A. Arzumanyan – Candidate of Law, Associate Professor of the Department
T.S. Korotkova – Master Degree student

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 10.03.2022; одобрена после рецензирования 17.03.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 10.03.2022; approved after reviewing 17.03.2022; accepted for publication 27.04.2022.

Научная статья
УДК 343.1

Возможности, перспективы и целесообразность применения фоноскопической экспертизы в ходе реализации задач правоохранительной деятельности в условиях цифровизации и информатизации общества

© О.И. Лозинский, М.А. Минина, Е.В. Петренко, 2022

Олег Иванович Лозинский[1], Мария Андреевна Минина[2], Елизавета Владимировна Петренко[3]
[1,2,3] Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства государственной службы при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону, Россия
[1] oleg.lozz@yandex.ru
[2] MariM21@yandex.ru
[3] petrenko.elizaweta2018@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются имеющиеся возможности и перспективы применения фоноскопической экспертизы в ходе реализации задач правоохранительной деятельности в условиях цифровизации и информатизации общества. На основании результатов проведенного исследования приводятся доводы о целесообразности использования результатов названного экспертного исследования в процессе доказывания по уголовным делам.

Ключевые слова: фоноскопия, компьютерные инновации, компьютерная преступность, преступность в сфере цифровой информации, фоноскопическая экспертиза, фонограмма в криминалистике, цифровая звукозапись, доказательство в уголовном процессе

Для цитирования: Лозинский О.И., Минина М.А., Петренко Е.В. Возможности, перспективы и целесообразность применения фоноскопической экспертизы в ходе реализации задач правоохранительной деятельности в условиях цифровизации и информатизации общества // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 5 (144). С.112-116

Original article

Possibilities, prospects and expediency of using phonoscopic examination in the implementation of law enforcement tasks in the conditions of digitalization and informatization of society

Oleg I. Lozinsky[1], Maria A. Minina[2], Elizaveta V.Petrenko[3]
[1,2,3] South Russia Institute of Administration – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service, Rostov-on-Don, Russia
[1] oleg.lozz@yandex.ru
[2] MariM21@yandex.ru
[3] petrenko.elizaweta2018@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the available opportunities and prospects for the use of phonoscopic examination in the implementation of law enforcement tasks in the conditions of digitalization and informatization of society. Based on the results of the conducted research, arguments are given about the expediency of using the results of expert research in the process of proving criminal cases.

Keywords: phonoscopy, computer innovations, computer crime, crime in the field of digital information, phonoscopic examination, phonogram in criminology, digital sound recording, evidence in criminal proceedings

For citation: Lozinsky O.I., Minina M.A., Petrenko E.V. Possibilities, prospects and expediency of using phonoscopic examination in the implementation of law enforcement tasks in the conditions of digitalization and informatization of society. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No5 (144):112-116 (In Russ.)

21 век, как это показала его первая четверть и имеющиеся тенденции развития, стал веком возможностей, веком научного прогресса, одним из наиболее значимых и заметных направлений которого стало практически повсеместное внедрение компьютерных технологий и инноваций в деятельности людей. При этом мы можем наблюдать изменения, связанные с цифровизацией, во всех сферах жизнедеятельности: от профессиональной до бытовой. Сфера компьютерной информации, компьютерных информационных сетей и технологий стала неотделима от жизни конкретного человека и общества в целом. Данная сфера практически в полном объеме охватила вопросы, связанные с хранением и обменом информацией, во всех областях жизнедеятельности: от экономической до деятельности правоохранительных структур и социальных служб, повсеместно вводится электронный документооборот. При этом межчеловеческое общение в очень многих значимых вопросах свелось к общению человека и «машины», и эта сфера неуклонно расширяется, становясь практически незаменимой.

Данный процесс, как и любой другой, сопровождается положительными и отрицательными аспектами, которые неразрывно следуют за ходом его развития, внедрения и проникновения в общественную и частную жизнь.

Одним из наиболее значимых и «болезненных» отрицательных аспектов, наряду с большим количеством положительных, является значительное увеличение количества злоупотреблений и преступлений в сфере электронных технологий (различного рода хакерства: хищение информации, денежных средств, прав, предоставление недостоверной информации и злоупотребление ею; различного вида мошеннические действия в процессе общения «человек – машина», различного рода «информационная война», во всех сферах ее проявления; и многое другое).

Изложенное в полной мере обуславливает актуальность настоящего исследования, поскольку развитие в области фоноскопии позволит снизить уровень преступности, так как данные деяния будут пресечены на уровне их подготовки, что значительно снизит, а в некоторых случаях вообще исключит негативные последствия от них.

Понятие «фоноскопия» в науке сформировалось относительно недавно, а в сферу криминалистики оно начало приходить еще позже, как раз в начале 21 века. При этом наиболее существенно и значимо оно вошло в сферу криминалистики с началом активизации «электронных информационных войн», то есть в последние 5-7 лет. В процессе цифровизации у нас появилась возможность преобразования устной речи в единицу материального мира. Все слова и звуки мы можем разложить на определенные составные части, которые с помощью компьютерных технологий изменяются, перемещаются и удаляются.

В 1876 году Эдисон изобрел магнитную звукопись, которую можно было использовать как средство фиксации акустической информации. Спустя почти двадцать лет в 1898 году Паульсен создал механизм, который в дальнейшем был представлен на международной выставке в Париже под названием «телеграфон». Но в первой половине 20 века данные изобретения не получили должного внимания и относительно редко применялись на практике. Только спустя продолжительный отрезок времени, за который произошла их существенная модернизация, юристы заинтересовались звукозаписью, позволяющей раскрывать уголовные дела. В 1934 году впервые было высказано мнение известными учеными Брусиловским А.Е. и Строговичем М.С. о возможности использования данного технического средства в качестве средства фиксации показаний участников уголовного процесса.

Во второй половине 20 века началось развитие отечественной промышленности, позволившее создать аппаратуру для звукозаписи. Это событие является отправным моментом в применении фоноскопии в области юриспруденции.

Возможность использования звукозаписи в уголовном процессе была узаконена Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 августа 1966 года. С этого времени звукозапись стала применяться при производстве предварительного расследования, а также во время судебного разбирательства в соответствии со статьей 264 уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Несмотря на то, что в

УПК РСФСР предусматривалось применение звукозаписи только при производстве допроса, указанное средство фиксации применялось и при производстве других следственных действий.

В настоящее время происходит бурный рост использования звукозаписи в уголовном процессе, связанный с развитием информационных технологий. Появилась и прочно вошла в широкий обиход цифровая звукозапись, обладающая множеством достоинств и преимуществ перед аудиозаписью. Цифровая звукозапись значительно облегчает деятельность правоохранительных органов и повышает профессиональные требования к эксперту-фоноскописту. Наряду с изложенным, ввиду развития цифровых звукозаписывающих устройств мы можем наблюдать последствия усложнения определения процессуальной оценки цифровой фонограммы, проявляющиеся в возможности ее фальсификации без оставления заметных следов.

Важность программ обнаружения изменений спектра голоса определяется компьютеризацией и цифровизацией общества и значима для технологий, применяемых при расследовании преступлений в этой сфере. На данном этапе большое значение имеют методы «окно Гаусса» и «окно Фурье». Эти методы способствуют точному распознаванию голоса в акустическом пространстве, высчитывая которое по формуле можно предугадать и привести фонограмму в исходный вид, исключив возможность фальсификации ее содержания. На названных научных методах базируется применяемый в настоящем для криминалистических целей аппарат «ИКАР ЛАБ 11+». Он распознает искажение голоса, шумы, звуковые изменения, уменьшение или увеличение частот. Также аппарат отличается способностью определять фонографические записи по преобладающему количеству гласных звуков. Способ, благодаря которому можно провести сравнительный анализ тона голоса и форманта, был назван «Диалектом». Название является ассоциативным, поскольку подобный анализ может привести к идентификации личности по голосовому тону и стилистике произношения ударных гласных.

Отдельное место при идентификации личности по звукам и сигналам занимают такие программные установки, как «SIS» и «Сонограф». Они позволяют определять специфичность тембрального голоса по его динамике. Примечательно то, что на стадии анализа и разработки идентификационной модели личности есть возможность выполнять параметрические измерения, а также получать образцы специфических (индивидуальных) сигналов, полученных при проведении исследований. Каждая установка обладает определенными свойствами, от которых зависит ее чувствительность к распознаванию голоса. Важна задача эксперта-криминалиста, настраивающего ПВЭМ, так как от заданных параметров будет зависеть точность полученного результата. Точность определения звуковых сигналов и возможность установить личность преступника зависит от настроек аппарата, но в большинстве случаев возможность распознания составляет не менее 75%, что является довольно значимым при расследовании уголовных дел.

Помимо окон Фурье и метода «Диалекта», ученые отмечают метод Рабинера-Гоулда, которой является эффективным в определении пика шумов и возможной передачи сигнала. Он следует точному алгоритму и вычисляет разность максимума и минимума временного сигнала, что позволяет точно измерить поток сигнала, уровень микроструктуры и идентифицировать источник и индивидуальную принадлежность сигнала.

Учитывая ранее отмеченную стремительную цифровизацию всех сфер общественной жизни, необходимо констатировать, что возможности фоноскопической экспертизы в подавляющем большинстве случаев позволяют добыть объективные доказательства и существенно облегчить расследование преступлений любой направленности (от насильственных, экономических и других, вплоть до преступлений террористического характера). В настоящее время возможности фоноскопической экспертизы сильно востребованы в условиях имеющей место информационной войны в отношении нашей страны, в условиях террористических угроз, для идентификации и фиксации высказываний лиц и представителей различного рода организаций и структур, причастных к совершению военных преступлений и дестабилизирующему воздействию в местах политической нестабильности и военных конфликтов (контртеррористические, специальные и миротворческие операции): Сирия, Украина, Нагорный Карабах и другие.

В первую очередь, это связано с массовым распространением в СМИ, на площадках социальных, информационных сетей, посредством других форм электронного бесконтактного общения, самими лицами, причастными к неправомерной и преступной деятельности, заявлений об этой противоправной деятельности или даже о совершенных ими преступлениях. При этом, если эти высказывания не сопровождаются видеоизображением, имитация с помощью технических средств голоса позволяет им, при желании и необходимости, сокрыть сведения о своей личности и остаться не установленными. Запись звука в нейтральных частотах позволяет им обходить проверку и идентификацию их правоохранительными органами.

Наряду с изложенным, имеющиеся возможности фоноскопической экспертизы позволяют не только проверить аутентичность фонограммы, установить ее автора, но и определить место, откуда

эта фонограмма произведена, что позволяет организовать оперативное раскрытие преступлений и пресечение неправомерной деятельности.

Фальсификация голоса чаще всего является характерным приемом для «хакеров» и различного рода мошенников и шантажистов, совершающих неправомерные действия и преступления в цифровой сфере жизнедеятельности общества (хищение и фальсификация различного рода информации, создание препятствий в осуществлении цифровой деятельности коммерческих структур, организаций, объектов энергетической, социальной и другой направленности и т.п.) и в сфере повседневной деятельности людей (межличностное и деловое общение бесконтактным способом с помощью телефонной связи, компьютерных сетей и т.п.).

В ходе указанного нарушаются конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, неприкосновенность личной жизни, на честь и достоинство, нарушаются права на сохранность информации, авторские права, различного рода экономические интересы. Кроме указанного, в ходе названной противоправной деятельности возникают угрозы террористической опасности, снижается уровень безопасности в различных сферах общественной жизни, в том числе и информационной. Как убедительно показывают события новейшей истории, фейковая, недостоверная информация, представленная из якобы достоверных и заслуживающих доверия источников, зачастую может принести тяжелый, невосполнимый вред как нематериального, так и материального характера.

Стоит отметить, что криминалистические возможности с большой долей вероятности позволяют отличить естественное звучание от искусственной фонограммы. Наряду с указанными методами, позволяют это сделать и лингвистические методы, заключающиеся в соотнесении формы и содержания произнесенного монолога. Конкретная направленность на аудиторию отличается как смысловой направленностью, так и определенной интонацией.

Проблема хакерских атак имеет международный характер и абсолютно не связана территориальными границами отдельных государств. Записывая фонограммы, хакеры прибегают к математической модели звукозаписи, которая, используя особый алгоритм, существенно затрудняет распознавание звуков, частоты, тембра и других эмоциональных составляющих фонограммы. Речевой сигнал искажается или меняется вовсе. Однако криминалисты и эксперты-лингвисты с помощью разработанных методик и апробированных технических средств имеют возможность идентифицировать личности правонарушителей по интонации, стилистике, языку и другим составляющим фонограммы.

Результативным примером этой деятельности может служить идентификация и разоблачение участников хакерской группы, которая на протяжении пяти лет (20014-2018 г.г.) действовала на территории США и Евросоюза. На счету этой группы неоднократные взломы сайтов Европарламента и крупнейших компаний. Преступников удалось установить по результатам фоноскопической экспертизы. Их личности были идентифицированы по методу «Диалекта» с распознанием гласных звуков фонографической записи. После этого правонарушители из Испании и Аргентины были арестованы и привлечены к ответственности.

Наряду с изложенным, в следственной практике востребована и другая ситуация, когда фонограмма делается с применением различного рода технических устройств (мобильный телефон, портативный диктофон и др.) в ходе следственного действия или мероприятия оперативно-розыскной деятельности специально-уполномоченным на это лицом, при наличии у него соответствующей законной компетенции в этой области. При этом запись может быть приобщена к материалам уголовного дела и иметь значение вещественного доказательства, при условии, что она пройдет криминалистическую фоноскопическую экспертизу.

Также необходимо отметить, что использование аудиозаписи как вида доказательства в уголовном процессе практикуется намного раньше в сравнении, например, с видеозаписью. При этом фонограмма обладает рядом криминалистических «достоинств»: транслирует смысловую нагрузку, передает определенные особенности речи (дефекты речи, тембр, «слова паразиты», стилистику речи и др.).

В соответствии с положениями статьи 74 УПК РФ звукозапись относится к иным документам, используемым в качестве доказательств. Нередко ее характерной чертой является то, что она возникает вне области уголовного процесса (например, в ходе оперативно-розыскной деятельности) и ее введение в уголовный процесс реализуется посредством производства определенных следственных действий (путем истребования и дальнейшего исследования). При этом в соответствии с требованиями статьи 88 УПК РФ для обеспечения достоверности информации необходимо приложить к протоколу следственного действия сам носитель цифровой аудиозаписи. Кроме того, необходимо соблюсти ряд условий, устраняющих возможность редактирования фонограммы: необходимо произвести прослушивание аудиозаписи участниками следственного действия; участники следственного действия соответствующим образом должны удостоверить факт наличия фонограммы и ее содержание; носитель информации упаковывается, опечатывается и является приложением к протоколу следственного действия (в протоколе делается соответствующая запись).

Подводя итог настоящего исследования, необходимо отметить, что в условиях цифровизации и информатизации общества, возможности фоноскопической экспертизы существенно повышают возможности правоохранительных органов в борьбе со всем спектром компьютерных преступлений, что, в свою очередь, обуславливает целесообразность дальнейшего расширения сферы применения этих криминалистических экспертиз.

Список источников

1. Хаитжанов А.Н., Глазков А.С. Аудиозапись (фонограмма) как доказательство в уголовном процессе // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/audiozapis-fonogramma-kak-dokazatelstvo-v-ugolovnom-

2. Галяшина Е.И. Об истории судебной фоноскопической экспертизы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2014. № 3. С. 181-195.

3. Темирбаев Т.Б. Особенности назначения и производства судебной фоноскопической экспертизы в современных условиях // URL: https://online.zakon.kz/ m/amp/document/31665915

4. Аудиозапись для возбуждения уголовного дела // URL: http://nervsistema.ru/ ugolovnoe-pravo/17812-audiozapis-dlya-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela.html#doka zatelstvo-v-sude-v-vide-audiozapisi

5. История и становление фоноскопии // URL: http://zhenilo.narod.ru/main/ beginers/F11.html

6. Шевченко В.Г. Криминалистические основы фоноскопии: Диссертация кандидата юридических наук. М., 2018.

7. Макарова Т.А. Использование в ходе предварительного следствия материалов аудио- и видеозаписи. Дис. … к.ю. н. Ижевск. 2004.

8. Иванов И.Л. Экспертное исследование формата GSM // URL: http://www.illidiy. orel.ru/Pub/publ6.htm (дата обращения 15.03.2022).

9. Деркач М.Ф. Динамические спектры речевых сигналов. Монография. Лв.: Высшая школа,1983.

10. Галяшина Е.И. Современные проблемы экспертного исследования звуковых следов // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2.

References

1. Khaitzhanov A.N., Glazkov A.S. Audio recording (phonogram) as evidence in criminal proceedings. https://cyberleninka.ru/article/n/audiozapis-fonogramma-kak-dokazatelstvo-v-ugolovnom-protsesse

2. Galyashina E.I. On the history of forensic phonoscopic examination. *Bulletin of the O.E. Kutafin*. 2014. No. 3: 181-195. (In Russ.)

3. Temirbaev T.B. Features of the appointment and production of forensic phonoscopic examination in modern conditions. https://online.zakon.kz/m/amp/document/31665915 (accessed 20.03.2022).

4. Audio recording for initiating a criminal case. http://nervsistema.ru/ ugolovnoe-pravo/17812-audiozapis-dlya-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela.html#doka zatelstvo-v-sude-v-vide-audiozapisi

5. History and formation of phonoscopy. http://zhenilo.narod.ru/main/beginers/F11.html

6. Shevchenko V.G. Criminalistic bases of a phonoscopy: Thesis of the candidate of legal sciences. M., 2018. (In Russ.)

7. Makarova T.A. Use of audio and video recording materials during the preliminary investigation. Dis. ... Cand. of law. Izhevsk. 2004. (In Russ.)

8. Ivanov I.L. Expert study of the GSM format. http://www.illidiy. orel.ru/Pub/publ6.htm

9. Derkach M.F. Dynamic spectra of speech signals. Monograph. Lv.: Higher school.1983. (In Russ.)

10. Galyashina E.I. Modern problems of expert research of sound traces. *Izvestiya TulGU*. *Economic and legal sciences*. 2013. No. 4-2. (In Russ.)

Информация об авторах

О.И. Лозинский - кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры процессуального права
М.А. Минина – студентка второго курса юридического факультета
Е.В. Петренко – студентка второго курса юридического факультета

Information about the authors

O.I. Lozinsky – Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of Procedural Law
M.A. Minina – second-year student
E.V. Petrenko – second-year student

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 03.04.2022; одобрена после рецензирования 14.04.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 03.04.2022; approved after reviewing 14.04.2022; accepted for publication 27.04.2022

Научная статья
УДК 343.13

Понятие и основные виды следственных ошибок, допускаемых при производстве следственных действий

© О.И. Захаренко, О.Н. Палиева, 2022

Олег Иванович Захаренко[1], Оксана Николаевна Палиева [2]
[1,2]Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, Ростов-на-Дону, Россия.
[1]super.zahf2013@yandex.ru
[2]palievaoksana@mail.ru

Аннотация. В рамках статьи рассматриваются подходы к определению понятия следственной ошибки, а также основные виды следственных ошибок, допускаемых при производстве следственных действий. Авторами анализируются наиболее частые ошибки, допускаемые при производстве следственных действий, предлагаются варианты недопущения указанных ошибок.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, следственное действие, следственные ошибки, осмотр места происшествия, обыск

Для цитирования: Захаренко О.И., Палиева О.Н. Понятие и основные виды следственных ошибок, допускаемых при производстве следственных действий // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. №5(144). С. 117-123

Original article

The concept and main types of investigative errors made during investigative actions

Oleg I. Zaharenko, Oksana N. Palieva[2]
[1,2]Rostov Branch of Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia
[1]super.zahf2013@yandex.ru
[2]palievaoksana@mail.ru

Abstract. The article discusses approaches to the definition of the concept of the investigative error, as well as the main types of investigative errors made while carrying out investigative actions. Analyzes the most frequent mistakes made during the inspection of the scene of an incident and the search, and offers options for preventing such errors.

Keywords: criminal procedure law, investigative action, investigative errors, inspection of a scene, search

For citation: Zakharenko O.I., Palieva O.N. The concept and main types of investigative errors made during investigative actions. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No5 (144):117-123 (In Russ.)

Одним из базовых принципов современной уголовной политики Российской Федерации является принцип неотвратимости наказания, согласно которому любое лицо, совершившее преступление, подлежит привлечению к уголовной ответственности.

Реализация указанного принципа осуществляется в ходе расследования уголовных дел на стадии предварительного расследования и последующего рассмотрения указанных дел в суде.

Представляется очевидным, что качество собранной в ходе предварительного расследования доказательственной базы напрямую влияет на качество решаемых задач уголовного процесса – защиту прав и законных интересов потерпевших лиц, а также на неотвратимое привлечение виновного лица к уголовной ответственности.

В ходе изучения и анализа материалов уголовных дел, собранных на стадии предварительного расследования, а также судебной практики, усматриваются нарушения норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства и несоблюдение криминалистических рекомендаций.

Уголовно-процессуальная деятельность по расследованию преступлений требует соблюдения норм законодательства, но в процессе ее осуществления правоприменитель по причине объективных и субъективных факторов допускает ошибки.

Правоприменитель допускает нарушения норм уголовно-процессуального права, тактики проведения следственных действий и криминалистической методики. В практике это ведет к признанию полученных доказательств недопустимыми, а в целом, влечет не достижение целей предварительного

расследования. Ошибки данной группы в теории уголовно-процессуального права именуются следственными ошибками.

Проблема следственной ошибки в настоящее время не является некой новеллой и ранее изучалась в трудах О.Я. Баева, В.И. Власов, С.А. Шейфера и других теоретиков.

Так, О.Я. Баев под следственной ошибкой понимает «любые действия следователя, направленные по его субъективному мнению на качественное расследование преступления, но повлекшие за собой, как минимум одно из последствий:

- не установление лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности;
- неверное применение норм уголовного или уголовно-процессуального закона;
- любое иное существенное нарушение прав и законных интересов лиц, допущенное в ходе расследования уголовного дела» [3, с. 5-6].

Данное определение представляется несколько неточным, так как О.Я. Баев ведет речь именно о процессуальной фигуре следователя и допущенных им ошибках, не закладывая в содержательный объем определения процессуальную фигуру дознавателя и, как следствие, ошибки, которые могут быть допущены в ходе производства дознания.

В.И. Власов под следственными ошибками предлагает понимать «любые непреднамеренные нарушения закона, недостатки и упущения, допущенные при возбуждении и расследовании уголовных дел, компетентным лицом» [4, с. 10].

На наш взгляд, определение, сформулированное В.И. Власовым, содержит излишне расплывчатое определение субъекта следственной ошибки, рассматривая его как «компетентное лицо», так как компетентным лицом, участвующим в расследовании, наравне со следователем и дознавателем, выступают эксперты, переводчики, однако их ошибки никак нельзя рассматривать в качестве следственных ошибок.

Кроме того, ошибочно рассматривать следственные ошибки исключительно через призму нарушений процессуального характера. Как справедливо отмечает С.А. Шейфер, следственные ошибки могут порождаться и пренебрежением криминалистической теорией и тактикой, при формально безупречном соблюдении закона.

По мнению С.А. Шейфера, «Под следственной ошибкой следует понимать отступление следователя, дознавателя от требований уголовно-процессуального закона и научных рекомендаций, допущенное при осуществлении расследования, а равно не проведение нужных по обстоятельствам дела процессуальных действий, повлекшие за собой принятие решений, противоречащих закону и препятствующих достижению целей расследования» [6, с. 69-70].

Указанный подход представляется наиболее проработанным, поскольку, с одной стороны, к следственным ошибкам отнесены не только действия, но и бездействия следователя/дознавателя, а с другой стороны, к ошибкам отнесены не только нарушения норм уголовно-процессуального законодательства, но и отступления от научных и криминалистических рекомендаций.

Для того чтобы сформулировать точное и наиболее полное определение следственной ошибки, необходимо установить субъективную сторону изучаемого явления. С одной стороны, допускаемые ошибки обусловлены неопытностью должностных лиц, проводящих предварительное расследование, объективно существующими сложностями расследования конкретного уголовного дела. В то же время в иных случаях следственные ошибки обусловлены сознательным пренебрежением требованиям уголовно-процессуального закона и криминалистическими рекомендациями.

По данному вопросу авторами статьи произведен опрос следователей Следственного комитета РФ и следственных подразделений МВД г. Ростова-на-Дону. По результатам опроса 87% респондентов указали, что в ходе осуществления неотложных следственных действий они игнорировали криминалистические рекомендации. Так, 64% мотивировали игнорирование банальным незнанием данных рекомендаций, 21% указали на отсутствие необходимого опыта, 15% указали на исключительно теоретическую разработку, не приемлемую для практики. В то же время лишь около 20% из числа опрошенных указали, что в ходе осуществления неотложных следственных действий они сознательно игнорировали требования УПК РФ, мотивируя это возможностью получения доказательств без их выполнения. Полученные данные свидетельствуют о том, что для следственных ошибок характерна смешанная форма вины.

Анализ уголовных дел различных категорий свидетельствует о том, что наиболее часто следственные ошибки допускаются при производстве таких следственных действий как осмотр места происшествия и обыск. Рассмотрим указанные категории следственных ошибок.

Важность осмотра места происшествия сложно переоценить. Основная задача указанного следственного действия заключается в обнаружении, фиксации, изъятии следов возможного преступления. В то же время изучение протоколов осмотров мест происшествий свидетельствует о допущении следователем целого ряда как уголовно-процессуальных, так и организационно-тактических ошибок [2, с. 97-98]

Одной из наиболее распространенных ошибок, допускаемых при проведении осмотра места происшествия, является изъятие объектов, не имеющих отношения к событию преступления. Так, по анализируемому уголовному делу между А. и Б. произошел конфликт, после чего Б., имея умысел на убийство А., достал имевшийся у него самодельный нож и нанес А. несколько ударов в область живота, после чего скрылся в неизвестном направлении. По данному факту возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 105 УК РФ. В ходе осмотра места происшествия произведен осмотр привокзальной территории, на которой было совершено преступление. Изъято 10 пустых бутылок различного объема, пачки из-под сигарет, а также иные бытовые предметы, которые, как выяснилось позже, не имели никакого отношения к рассматриваемому событию преступления. По результатам осмотра орудие преступления не обнаружено [7].

Распространенной ошибкой является неправильная упаковка изъятых предметов, что неизбежно ведет к утрате доказательственной информации, имеющей отношение к рассматриваемому факту.

Из материалов другого уголовного дела, возбужденного по факту смерти Г., следовало, В. находился в доме Г., где распивал с последним спиртные напитки. В последующем между ними возник конфликт, в ходе которого В. нанес деревянным табуретом около 5 ударов в область головы Г., вследствие чего на носильных вещах В. остались следы крови убитого гр. Г. Указанные вещи со следами крови потерпевшего подозреваемый В. снял с себя и бросил на месте происшествия, после чего переоделся в другие и скрылся. В ходе осмотра мета происшествия изъяты носильные вещи Г. Следователем допущена ошибка в их упаковке. Так, майка, предположительно со следами крови убитого, была упакована в полиэтиленовый пакет, клапан которого был опечатан способом, исключающим доступ воздуха к содержимому. Через 2 дня следователем назначено проведение биологической судебной экспертизы с целью установления принадлежности следов крови на майке убитому Г. Согласно заключению эксперта, не представляется возможным ответить на вопрос «принадлежит ли кровь на майке убитому Г. в виду долгого нахождения майки в закрытом полиэтиленовом пакете [8].

Следователями-криминалистами часто издаются криминалистические рекомендации по обнаружению, изъятию и упаковке предметов, обнаруженных на месте происшествия. Согласно рекомендаций категорически запрещено упаковывать предметы со следами крови в полиэтиленовый пакет. Тем не менее, следователи не принимают это обстоятельство к сведению.

Следующей, не менее актуальной, является проблема применения криминалистической техники при проведении осмотров мест происшествия. Представляется очевидным, что качество и полнота проведенного осмотра места происшествия напрямую зависит от применения технико-криминалистических средств, используемых для обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления.

В настоящее время на вооружении следователей имеется множество технико-криминалистических средств, разработанных современной наукой для оказания практической помощи в производстве следственных действий. В качестве некоторых примеров возможно привести лазерные дальномеры, тепловизоры, обнаружители скрытых систем видеонаблюдения, различные тест-системы и многое другое.

Несмотря на это, практика свидетельствует о том, что следователи пренебрегают применением криминалистической техники, используя исключительно фотоаппарат для последующего составления фототаблиц.

Необходимо понимать, что вышеперечисленная криминалистическая техника применяется следователем-криминалистом, который обладает специальными знаниями в области применения данной техники и оказывает криминалистическую помощь следователю, однако при проведении осмотра места происшествия именно следователь формирует состав следственно-оперативной группы (далее СОГ) и руководит ее работой.

В некоторых случаях следователь вообще не включает следователя-криминалиста в состав СОГ, чем лишает себя возможности применить криминалистическую технику. Также возможны случаи, когда следователь-криминалист, будучи включенным в состав СОГ, не применяет криминалистическую технику, и в этом случае следователь как руководитель СОГ обязан указать криминалисту на необходимость применения того или иного вида специальной техники, что на практике случается весьма редко.

Необходимо пояснить, что данная ошибка проявляется при фотосъемке мест происшествий. Согласно требованиям криминалистической техники, камера мобильного телефона не является криминалистической техникой, осуществление фото/видео съемки места происшествия должно осуществляться на специальные виды камер, имеющиеся у криминалистов. Однако на практике при проведении осмотра места происшествия, явно несодержащего следы преступления, зачастую съемка осуществляется на камеру мобильных телефонов.

В ходе осмотра места происшествия крайне важно соблюдать не только криминалистические рекомендации, но и соблюдать требования уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие производство указанного следственного действия.

Следственная практика свидетельствует о том, что молодые следователи довольно часто нарушают целостность упаковки изъятых предметов, не отражая свои действия в соответствующих процессуальных документах. Так, по уголовному делу по факту смерти Е. в ходе проведения осмотра места происшествия изъяты носильные вещи убитого и упакованы в картонную коробку светлого цвета, на которой имелись различные печатные надписи, что было отражено в протоколе осмотра и фототаблице. В дальнейшем проводя осмотр изъятых вещей, следователь в протоколе осмотра предметов указал, что объектом осмотра является картонная коробка темного цвета, не имеющая каких-либо надписей, что подтверждалось предлагающейся к протоколу осмотра фототаблицей. В ходе судебного разбирательства на данный факт обратил внимание адвокат подсудимого. В судебном следствии установлено, что следователь переупаковал изъятые в ходе осмотра места происшествия предметы, не отразив эти действия в материалах уголовного дела. Данный незаконный факт явился основанием для признания доказательства недопустимым [9].

Имеют место ошибки, допускаемые при проведении осмотра места происшествия и трупа. Указанные осмотры проводятся как по криминальным трупам, явно свидетельствующим о необходимости возбуждения уголовного дела, так и по материалам процессуальных проверок.

Согласно положениям ст. 178 УПК РФ осмотр трупа должен производиться с участием судебно-медицинского эксперта, а при невозможности его участия – врача [1].

Участие судебно-медицинского эксперта вызвано необходимостью выявления и описания тех обстоятельств, которые требуют использования специальных познаний в области медицины. Однако большинство следователей возлагают на эксперта не только описание указанных обстоятельств, но и описание места расположения трупа, его позы, одежды, находящихся при нем предметов. Поскольку сведения о данных обстоятельствах никак не входят в круг специальных медицинских познаний, то возложение указанных обязанностей на судебно-медицинского эксперта, как правило, влечет упущение важных для следствия деталей.

Кроме того, в случае выезда на место происшествия при сообщении о совершении тяжкого/особо тяжкого преступления совместно с СОГ выезжает руководитель следственного органа, прокурор района/города, начальник отдела полиции. Необходимо понимать, что согласно положениям УПК, следователь является единственным лицом, осуществляющим руководство следственно-оперативной группой, определяющим ход и порядок проведения осмотра места происшествия. Однако на практике бывают случаи, когда у кого-либо из присутствующих руководителей возникает желание дать указания следователю или иным образом «поруководить» деятельностью СОГ, что не только недопустимо, но и может повлечь за собой подавление инициативности, активности участников СОГ [5, с.137-139]

Особое внимание хотелось бы обратить на проведение обыска.

Следователь, вынося постановление о производстве обыска и обращаясь в суд с ходатайством о разрешении проведения данного следственного действия, указывает, что у следствия имеются основания полагать, что у конкретного лица в конкретном месте могут находиться предметы, имеющие значение для расследуемого уголовного дела, не конкретизируя эти самые предметы. Расследуя уголовное дело, следователь руководствуется сведениями о событии преступления, результатах первоначальных следственных действий, а также собственной сконструированной мысленной моделью. В данном случае он представляет себе, что именно необходимо обнаружить в ходе обыска, где оно может находиться.

В последующем перед проведением обыска следователь проводит инструктаж оперативным сотрудникам, которым дает поручение о проведении следственного действия, разъяснит, какие именно предметы могут относиться к расследуемому уголовному делу, но необходимо понимать, что оперативные сотрудники не осуществляют предварительное следствие и, как следствие, не обладают всеми необходимыми знаниями для продуктивного проведения обыска.

Правоприменительная практика свидетельствует, что в случаях, когда следователь лично участвует в проводимом обыске, эффективность данного следственного действия возрастает, так как обнаруживается и изымается большее количество предметов, имеющих значение для расследуемого уголовного дела.

Не менее актуальной проблемой является неграмотное руководство следователя участниками следственного действия и, в первую очередь, понятыми.

Согласно положениям ч. 1 ст. 170 УПК РФ, в случаях, предусмотренных в том числе, ст. 182 УПК РФ (основания и порядок производства обыска), следственное действие производится с участием не менее двух понятых, которые удостоверяют факт производства следственного действия, его ход и результаты.

При этом, согласно многочисленным рекомендациям, изложенным в криминалистической литературе, понятые должны быть «активные», то есть, наблюдать весь процесс поиска и обнаружения искомого предмета. Именно на следователя возлагается обязанность «активизировать» при необходимости понятых, например, указать им на необходимость пройти в комнату, в которой будет производиться обыск, осмотреть место и обнаруженный объект. Однако, несмотря на данную рекомендацию, даже в настоящее время указанная ошибка все еще актуальна, и понятые проходят в обыскиваемое помещение уже постфактум, когда искомый предмет был обнаружен.

Так, согласно апелляционному определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26.01.2017 N 8-АПУ16-8, в отношении гр. Л. возбуждено много эпизодное уголовное дело по признакам составов преступлений, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ. В рамках расследования уголовного дела произведен обыск в жилище родителей обвиняемого, в ходе которого в жилетке отца гр. Л. обнаружены наркотические средства.

Согласно показаниям участвующих лиц, допрошенных в ходе судебного заседания, оперативный сотрудник выходил один в коридор, где висела жилетка, в которой были обнаружены наркотические вещества, и лишь затем принес ее в комнату, где находились понятые, продемонстрировав им уже обнаруженные свертки с наркотическим веществом в жилетке. На основании изученных фактов протокол обыска признан судебной коллегией недопустимым доказательством [11]. Подобные случаи в практике не единичны.

Наконец, в качестве еще одной ошибки, допускаемой следователем при производстве обыска, является тактически неверное формирование группы, принимающей участие в производстве обыска.

В рамках расследования уголовного дела №-1-193/2021 у следствия возникла необходимость в проведении обыска в аптечном учреждении ООО «Юг аптека +», с целью установления и изъятия: сфальсифицированных рецептурных бланков, а также иных предметов и документов, представляющих интерес для расследования уголовного дела. Следователем сформирован следующий состав группы: следователь, два оперативных сотрудника УКОН ГУ МВД России по Ростовской области, двое понятых, а также 4 сотрудника ОСН (отряд специального назначения) «Гром», необходимых для обеспечения безопасности участвующих лиц.

Фактически обыск производился в аптечном учреждении, в котором находилась единственная женщина-фармацевт, не представляющая какой-либо угрозы для участников следственного действия, в связи с чем фактическое применение сотрудников специального назначения представляется необоснованным, тогда как в другом подобном случае такая необходимость может возникнуть [10].

В рамках расследования уголовного дела, возбужденного по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 127 УК РФ, возникла необходимость в производстве обыска в реабилитационном центре, который представлял собой частный трехэтажный жилой дом. Согласно предварительно полученной оперативной информации, территория домовладения окружена высоким забором, на окнах имеются металлические решетки, на территории замечено множество лиц мужского пола. Следователь, готовясь к производству обыска, включил в состав группы кроме себя и двоих понятых, одного оперативного сотрудника уголовного розыска. После прибытия на место и прохода во двор домовладения сотрудники реабилитационного центра закрыли металлическую входную дверь, чем преградили доступ следственной группы в помещение дома и воспрепятствовали производству обыска.

Для обеспечения беспрепятственного прохода в дом и безопасности участников обыска, возникла необходимость в вызове сотрудников ОСН, до прибытия которых работники реабилитационного центра предприняли попытку уничтожения и сокрытия предметов, имеющих значение для уголовного дела, а именно попытались спрятать личные дела реабилитантов, стали проводить беседы с пациентами для предотвращения жалоб с их стороны на действия сотрудников центра.

Преступная деятельность по уничтожению и сокрытию предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, была пресечена благодаря оперативному прибытию сотрудников ОСН. В отношении отдельных сотрудников реабилитационного центра возбуждены уголовные дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 294 УК РФ [2].

Таким образом, из приведенных примеров видно, что следователем не учтена полученная оперативная информация и неверно определен состав следственной группы, что могло привести к отрицательному результату обыска.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сказать следующее.

Под следственной ошибкой следует понимать нарушение субъектом следственной деятельности уголовно-процессуального законодательства и (или) несоблюдение им криминалистических рекомендаций, которые повлекли принятие по уголовному делу процессуальных решений, противоречащих назначению уголовного судопроизводства.

Основной причиной допущения следственных ошибок является игнорирование норм УПК РФ, а также незнание или игнорирование криминалистических рекомендаций, отсутствие необходимого

профессионального опыта у следователей. Не использование криминалистической техники в рамках производства следственных действий характерно для молодых и недостаточно опытных следователей. Решение этой проблемы отчасти необходимо возложить на руководителей следственных подразделений и криминалистов, которые могут оказать профессиональную помощь молодому следователю.

Сознательное игнорирование криминалистической техники в ходе проведения следственных действий, если это привело к признанию их недопустимым доказательством, должно влечь за собой привлечение подобных следователей к дисциплинарной ответственности.

Проанализированные выше ошибки не являются некой новеллой, появившейся относительно недавно, они были известны следственной практике на протяжении достаточно длительного периода времени. Хотелось бы верить, что в скором времени следственные ошибки будут устранены, а цели и задачи предварительного расследования будут достигнуты.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №177-ФЗ (в актуальной редакции) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
2. Бульбачева А.А. Актуальные проблемы осмотра места происшествия. 2015. № 2 (34). С 97-98
3. Баев О.Я. Тактика следственных действий: Учебное пособие. Воронеж, 1995. С. 5-6.
4. Власов В.И. Расследование преступлений, проблемы качества. Саратов, 1988. С. 10
5. Полтавцева Л.И., Чичельницкий А.К. «Взаимодействие членов следственно-оперативной группы при осмотре места происшествия: тактические и процессуальные ошибки правоприменительной практики. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление 2021. № 3 (130). С 137-139.
6. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М., С. 69-70.
7. Приговор Железнодорожного районного суда г. Ростова-на-Дону от 24 августа 2020 г. по делу №-144/2020 // URL: https://zheleznodorozhny--ros.sudrf.ru/modules.php?name=
8. Приговор Железнодорожного районного суда г. Ростова-на-Дону от 15 апреля 2021г. по делу №-1-63/2021 // URL:https://zheleznodorozhny--ros.sudrf.ru/modules.php?na (дата обращения 05.01.2022)
9. Приговор Железнодорожного районного суда г. Ростова-на-Дону от 08 июля 2021г. по делу №-1-58/2021 // URL:(https://zheleznodorozhny- ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1
10. Приговор Железнодорожного районного суда г. Ростова-на-Дону от 22 июня 2021г. по делу №-1-193/2021 // URL:https://zheleznodorozhny--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1
11. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26.01.2017 N 8-АПУ16-8 // URL: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda- /

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 177-FZ dated 18.12.2001 (ed. dated 24.02.2021). Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 /
2. Bulbacheva A.A. Actual problems of inspection of the scene of the accident. 2015 No. 2 (34):97-98
3. BaevO.Ya. Tactics of investigative actions: A textbook. Voronezh, 1995: 5-6. (In Russ.)
4. Vlasov V.I. Investigation of crimes, quality problems. Saratov, 1988: 10 (In Russ.)
5. Poltavtseva L.I., Chichelnitsky A.K. "Interaction of members of the investigative task force during the inspection of the scene: tactical and procedural errors of law enforcement practice. Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management. 2021. No. 3 (130):137-139.
6. Shafer S.A. Evidence and proof in criminal cases. Moscow. 69-70. (In Russ.)
7. The verdict of the Railway District Court of Rostov-on-Don dated August 24, 2020 in case No. -144/2020. https: //zheleznodorozhny--ros.sudrf.ru/modules.php?
8. Verdict of the Railway District Court of Rostov-on-Don dated April 15, 2021 in case no.-1-63/2021. https://zheleznodorozhny--ros.sudrf.ru/modules.php?n (date of appeal 05.01.2022)
9. The verdict of the Railway District Court of Rostov-on-Don dated July 08, 2021 in case no.-1-58/2021. https://zheleznodorozhny - ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo& (date of appeal 05.01.2022).
10. Verdict of the Railway District Court of Rostov-on-Don dated June 22, 2021 in case no.-1-193/2021. URL: https://zheleznodorozhny--ros.sudrf.ru/modules.php
11.The appellate ruling of the Judicial Collegium on Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 26.01.2017 N8-APU16-8. https: //legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-26012017-n-8-apu16-8

Информация об авторах

О.Н.Палиева – кандидат юридических наук
О.И. Захаренко – магистрант

Information about the authors

O.N.Palieva – Candidate of Law
O.I.Zaharenko – Master's student

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.03.2022; одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 08.03.2022; approved after reviewing 20.04.2022; accepted for publication 27.04.2022

Научная статья
УДК 343.132

Видео-конференц-связь в ходе предварительного расследования: процессуальные аспекты

© Согоян В.Л., 2022

Валерий Левонович Согоян
Ростовский филиал Санкт-Петербургской академии СК России, Ростов-на-Дону, Россия. svl1959@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы законодательной регламентации использования систем видео-конференц-связи в сфере уголовного судопроизводства. Даны рекомендации по использованию систем видео-конференц-связи в ходе предварительного расследования. Обосновываются предложения по совершенствованию нормативных положений статьи 189[1] Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: предварительное расследование, разумный срок, видео-конференц-связь, видеозапись, технические средства, следственные действия.

Для цитирования: Согоян В.Л. Видео-конференц-связь в ходе предварительного расследования: процессуальные аспекты // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 5 (144). С.123-128

Original article

Video conference call during the preliminary investigation: procedural aspects

Valery L. Sogoyan
the Rostov branch of the St. Petersburg Academy of IC of Russia. svl1959@yandex.ru

Abstract. The article studies problematic issues of legislative regulation of the use of video conferencing systems in criminal proceedings. Recommendations on the use of video conferencing systems during the preliminary investigation are given. The proposals for improving the normative provisions of Article 1891 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are substantiated.

Keywords: preliminary investigation, reasonable time, video conferencing, video recording, technical means, investigative actions

For citation: Sogoyan V.L. Video conference call during the preliminary investigation: procedural aspects. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No5 (144):123-128 (In Russ.)

Жизнь не стоит на месте. Компьютерные технологии глубоко проникают в уголовное судопроизводство не только через различные экспертные исследования, но и посредством введения новых норм в уголовно-процессуальное законодательство, внося свою лепту в повышение эффективности предварительного расследования, обеспечивая соблюдение разумного срока как принципа уголовного судопроизводства.

Лет десять назад следователю одного из подразделений СК России необходимо было допросить в качестве свидетеля гражданина Украины, проживающего в Луганской области. Будучи ограниченным в сроках следствия и понимая, что допрос этого свидетеля в порядке ст.453 УПК РФ, т.е. с использованием инструментов международно-правовой помощи, затянется на многие месяцы, следователь решил упростить эту процедуру и произвести допрос дистанционно, используя программное обеспечение видео связи «скайп».

Этот случай в последующем был использован при составлении ситуационной задачи по уголовному процессу для сотрудников Следственного комитета Российской Федерации, повышающих квалификацию в Ростовском филиале Санкт-Петербургской академии СК России. Задание было сформулировано следующим образом: следователь допросил свидетеля с использованием видеосвязи посредством сети «Интернет» с применением программного обеспечения «скайп». При этом следователь находился на территории Российской Федерации, а допрашиваемый – на территории иностранного государства. Следователь по окончании допроса, с согласия допрашиваемого, в соответствии с ч.6 ст.190 УПК РФ, огласил протокол, сделав в нём отметку, а затем направил по электронной почте текст протокола по месту нахождения свидетеля. Свидетель, распечатав текст, подписал его и вернул по электронной почте сканированную копию, а бумажный вариант подписанного протокола направил по почте следователю [1, с.11-12]. И ставился вопрос: будет ли допустимым доказательством указанный протокол допроса свидетеля? На тот момент правильным ответом был «нет». Сейчас нет необходимости детально разбирать этот пример поскольку с 10.01.2022, в связи с вступившими в действие изменениями в УПК РФ [2], правильный ответ на этот вопрос будет звучать иначе. Теперь производство следственных действий следователем и дознавателем с использованием систем видео-конференц-связи предусмотрено статьёй 189^1 УПК РФ. Указанная статья, состоящая из 8 частей, предусматривает проведение ряда следственных действий, таких как допрос, очная ставка, опознание с использованием систем видео-конференц-связи. Систему видео-конференц-связи кратко называют аббревиатурой ВКС.

Это не новый термин в уголовном судопроизводстве. В УПК РФ созвучный термин был введён с принятием Уголовно-процессуального закона Российской Федерации [3]. В ч.3 ст.376 УПК РФ был определён порядок участия в судебном заседании осужденного, содержащегося под стражей, при рассмотрении жалобы или представления на приговор путем использования систем видеоконференц-связи [4].

Изначально применение этой системы коммуникации Уголовно-процессуальным кодексом РФ было предусмотрено только в судебном заседании. Статья же 189^1 УПК РФ предусматривает использование систем видео-конференц-связи на досудебной стадии уголовного судопроизводства следователем и дознавателем.

В УПК РФ не даётся правовое определение понятию «видео-конференц-связь».

В п.3.1 «Национального стандарта Российской Федерации… Системы аудио-, видеосвязи» система аудио-, видеосвязи определяется как «Система, обрабатывающая аудио-, видео- и, возможно, другие потоки данных синхронизированным в рамках восприятия пользователей способом для передачи и/или обмена информацией, работающая, как предполагается, через локальную или глобальную цифровую сеть» [5].

В Википедии под термином «видеоконференция» понимается «область информационной технологии, обеспечивающая одновременно двустороннюю передачу, обработку, преобразование и представление видеоинформации на расстоянии в режиме реального времени с помощью аппаратно-программных средств вычислительной техники. Взаимодействие в режиме видеоконференций также называют сеансом видеоконференцсвязи» [6].

Регламентируя порядок судопроизводства, судебный департамент при Верховном Суде РФ определил «видео-конференц-связь» как «способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеоинформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами» [7, п.1.5].

Перед тем как высказать суждение о порядке производства следственных действий с применением видео-конференц-связи в ходе предварительного расследования, представляется необходимым сначала определится с правописанием термина «видео-конференц-связь». Дело в том, что в УПК РФ нет единообразия по этому поводу. Например, в ч.6 ст.35, ч.4 ст.240, ч.6^1 ст. 241, ст.278^1 УПК РФ и в ряде других написано «видеоконференц-связь». В то же время в статье 189^1, в ч.3 ст.473^4 законодатель указал термин «видео-конференц-связь». В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (ст.ст.155^1, 187 и др.), в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (ст.ст.11, 59 и др.), в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (ст.ст.11, 64 и др.) указанный термин написан как «видеоконференц-связь». Судебным департаментом при Верховном Суде РФ утверждён регламент применения технических средств при подготовке и проведении судебных заседаний, в наименовании которого этот термин написан как «видео-конференц-связь», а в тексте в основном используется слово «видеоконференц-связь» [7]. Не вдаваясь в глубокий анализ орфографии этого термина, который фактически состоит из трёх слов – «видео», «конференц» и «связь», – обратимся к специалистам русского языка.

Так, в Институте русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук считают правильным написание этого слова через два дефиса «видео-конференц-связь» [8]. Аналогичное написа-

ние исследуемого термина предусмотрено и в академическом словаре «Русский орфографический словарь» по ред. В.В. Лопатина и О.Е. Ивановой [9].

Переходя к обсуждению содержания ст.189[1] УПК РФ, особо следует отметить, что часть 1 указанной статьи предусматривает проведение видео-конференц-связи с использованием систем государственных органов, осуществляющих предварительное расследование. Следовательно, только при наличии технической возможности можно провести следственное действие по правилам ст.164 и главы 26 УПК РФ, с учётом специфики, предусмотренной ст.189[1] УПК РФ. При этом в нормах УПК РФ, предусматривающих использование видео-конференц-связи судом, требований об использовании подобной системы государственных органов нет. В пояснительной записке и в заключении к законопроекту также нет никакого разъяснения о причине предъявления законодателем разных требований к используемым системам видео-конференц-связи органами, осуществляющими предварительное расследование, и судом [10].

Поскольку требование законодателя императивное, то указанное означает, что производство следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи, не принадлежащих государственным органам, осуществляющим предварительное расследование, недопустимо.

И хотя УПК РФ не определяет, какие системы видео-конференц-связи предусмотрены в государственных органах, осуществляющих предварительное расследование, надо полагать, что это связано те только с техническими параметрами, влияющими на качество связи (каналообразующее оборудование, программно-технические средства передачи аудио- и видеоинформации по каналам связи, отображение информации, ведомственная телефония и др.), но и с режимом защиты информации (персональных данных участников уголовного судопроизводства, тайны предварительного расследования). Государственная защита информации, передаваемая с использованием системы видео-конференц-связи, является защищённой в силу своей локальности, применения различных технических средств для обеспечения конфиденциальности связи.

Следственными органами системы видео-конференц-связи в настоящее время приобретаются в соответствии с законом о госзакупках [11].

Учитывая, что в УПК РФ содержится требование проведения допроса, очной ставки, опознания с использованием системы видео-конференц-связи **только** (выделано автором) государственного органа, осуществляющего предварительное расследование, то следователь и дознаватель в соответствии с ч.1 ст.11 УПК РФ должны довести до участников уголовного судопроизводства об использовании системы именно государственных органов, осуществляющих предварительное расследование. Однако в УПК РФ не предусмотрен порядок доведения до участников следственного действия об использовании системы видео-конференц-связи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование. В связи с изложенным возникает обоснованный вопрос: будет ли достаточным упоминание в протоколе следственного действия о «проведении допроса путем использования систем видео-конференц-связи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование»? Не нужно ли детализировать и указывать в протоколе весь комплекс технических средств: наименование органа предварительного расследования, использующего систему видео-конференц-связи государственного органа; с каким учреждением заключено соглашение (договор) о предоставлении услуг по использованию системы видео-конференц-связи; наименование программного обеспечения системы видео-конференц-связи, модели камеры, персонального компьютера и т.д.?

Такой вопрос возникает в связи с тем, что в условиях сегодняшней действительности следователи, порой отражая технические средства, применённые при составлении протокола следственного действия, во исполнение требований ч.5 ст.166 УПК РФ указывают данные всех использованных при этом технических средств и, в частности, персонального компьютера: модель и номер монитора, модель клавиатуры, модель компьютерного манипулятора («мыши»), модель процессора и наименование программного обеспечения, модель принтера, что представляется излишним.

К примеру, в разработанном в Главном военно-следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации (далее – ГВСУ СК России) бланке протокола допроса свидетеля к ст. 189[1] УПК РФ предлагается указывать стандартное разъяснение, а именно «Лица, участвующие в допросе путём использования систем видео-конференц-связи, были предупреждены о применении при производстве следственного действия технических средств (каких именно и кем именно)». Какой- либо порядок отражения в протоколе об использовании системы видео-конференц-связи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, ни в бланке протокола, ни в информационном письме ГВСУ СК России от 17.01.2022 не предлагается [12].

С учётом изложенного, в целях правильного и единообразного использования системы видео-конференц-связи представляется необходимым дополнить часть 1 статьи 189[1] УПК РФ предложением «Применяемые системы видео-конференц-связи государственными органами, осуществляющими

предварительное расследование, порядок его защиты и использования утверждаются Правительством РФ».

Часть 2 статьи 189[1] УПК РФ предусматривает порядок направления следователем, иным уполномоченным лицом (далее – следователем), в производстве которого находится уголовное дело следователю, по месту нахождения лица, участие которого необходимо в следственном действии, письменного поручения об организации участия указанного лица в процессуальном действии. Представляется, что с учётом требований ч.1 ст. 189[1] УПК РФ и экономии процессуальных сроков следователь, в производстве которого находится уголовное дело, до направления письменного поручения должен выяснить (по телефону, по электронной почте и т.д.), есть ли у следователя по месту нахождения лица, участие которого необходимо в следственном действии, техническая возможность для проведения процессуального действия с использованием системы видео-конференц-связи. Письменное поручение необходимо направлять при наличии технической возможности использования видео-конференц-связи. Между следователями должно быть налажено оперативное взаимодействие, что необходимо для согласования даты и времени производства следственного действия. При отсутствии технической возможности в производстве следственного действия в порядке ст. 189[1] УПК РФ следователю, в производстве которого находится уголовное дело, необходимо отразить в рапорте на имя руководителя следственного органа причины невозможности использования системы видео-конференц-связи и принять иные, предусмотренные законом меры по производству следственного действия. Рапорт с резолюцией руководителя следственного органа необходимо приобщить к материалам уголовного дела.

Протокол следственного действия согласно ч.3 исследуемой статьи составляется следователем, в производстве которого находится уголовное дело. Протокол составляется в порядке, установленном ст.166 и другими нормами УПК РФ, предусматривающими производство следственных действий. Новшеством является то, что в протоколе должно быть указано в качестве места производства следственного действия как место, где находится следователь, которому поручено производство расследования, так и место, где находится лицо, приглашённое для производства следственного действия.

Исходя из содержания ч.3 ст.189[1] УПК РФ, права, обязанность, ответственность и порядок производства следственного действия участникам должен разъяснить следователь, составляющий протокол.

При этом частью 3 ст.189[1] УПК РФ установлено, что подписку о разъяснении прав, обязанностей, ответственности и порядка производства следственного действия у участников должен отобрать следователь по месту нахождения этих лиц. В последующем подписка направляется следователю, в производстве которого находится уголовное дело.

В то же время законодатель в ч.4 ст. 189[1] УПК РФ установил императивное требование об обязательной видеозаписи хода следственного действия.

Из анализа частей третьей и четвёртой исследуемой статьи УПК РФ виден изъян, который негативно скажется на допустимости протокола следственного действия, полученного с использованием системы видео-конференц-связи. Заключается это в следующем.

Рассмотрим на примере допроса свидетеля. Исходя из требований ч.3 ст. 189[1] УПК РФ протокол составляется следователем, которому поручено производство предварительного расследования, и у него же остаётся процессуальный документ без подписи допрашиваемого и иных участников следственного действия. Следователь по месту нахождения свидетеля отберёт у допрашиваемого подписку о разъяснении прав, обязанностей, ответственности, порядке производства следственного действия, оглашении протокола допроса, наличии уточнений и дополнений, который направит следователю, давшему письменное поручение на производство следственного действия. Если в последующем свидетель откажется от своих показаний, изменит их, то объективность записи в протоколе допроса будет подтверждаться или опровергаться видеозаписью, поскольку каждую страницу письменного протокола свидетель не подписывал. Как правило, видеозапись сохраняется на компакт-диске (оптическом носителе информации) или USB-флеш-накопителе. Однако в практике имеют место случаи, когда по различным причинам компакт-диск приходит в негодность и считать с него информацию не представляется возможным (поцарапали диск, прошили насквозь при подшивании дела, в результате саморазрушения и т.д.) [13]. В этом случае целесообразно изначально изготовить несколько копий видеозаписи допроса.

К тому же представляется более разумным, если бы в ч.3 ст. 189[1] УПК РФ было бы предусмотрено направление по электронной почте сканированной копии текста составленного протокола следователю по месту нахождения свидетеля. После распечатывания бумажный вариант протокола следователем предъявлялся бы участникам следственного действия. В этом случае допрашиваемый лично ознакомился бы с текстом и подписал протокол (а если участвовал адвокат, то он тоже ознакомился бы и расписался). Потом протокол подписал бы следователь, которому было дано письменное поручение по уголовному делу. Такой порядок удостоверения подлинности записи с точки зрения объективного отражения показаний, а соответственно и допустимости доказательства, был бы более ар-

гументированным. Сканированная копия протокола со всеми росписями направляется инициатору поручения по электронной почте, а бумажный оригинал протокола направляется по почте (фельдъегерской связью).

Направление сканированной копии протокола по электронной почте для ознакомления допрашиваемому и иным лицам, участвующим в следственном действии (адвокату и др.), необходимо еще и потому, что из содержания ч.7 ст.166 и ст.189[1] УПК РФ усматривается, что протокол следственного действия подписывается только следователем, составившим его. Учитывая, что в производстве следственного действия принимает участие и следователь, исполняющий письменное поручение, соответственно, согласно ч.7 ст.166 и ч.7 ст.190 УПК РФ он тоже должен подписать протокол. Применительно к допросу свидетеля протокол должен завершаться подписью допрашиваемого и его адвоката, затем должен подписать следователь, исполнивший письменное поручение. После этого должен расписаться следователь, расследующий уголовное дело, когда получит протокол.

Компакт-диск, USB-флеш-накопитель и иные компактные носители видеозаписи должны быть приобщены к протоколу следственного действия в упакованном и опечатанном виде. В качестве упаковки используется как правило конверт, на котором указывается номер дела, дата производства, наименование следственного действия и с чьим участием. Запись должна быть удостоверена подписью следователя, составившего протокол.

Список источников

1.Указанное производство следственных действий с применением видео-конференц-связи было неединичным. Абдразяпов Р.Р. Отдельные процессуальные аспекты использования видео-конференц-связи при производстве следственных действий при производстве следственных действий по уголовным делам / В сб.: Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы. Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. М., 2021.

2. Федеральный закон от 30.12.2021 № 501-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" // URL.: http://pravo.gov.ru (дата обращения 01.03.2022).

3.Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ" // URL.: http://pravo.gov.ru (дата обращения 01.03.2022).

4.Федеральный закон от 14.03.2009 № 37-ФЗ "О внесении изменения в статью 407 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // URL.: http://pravo.gov.ru (дата обращения 01.03.2022).

5. "ГОСТ Р 58245-2018/IEC/TR 62251:2003. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы и оборудование мультимедиа. Оценка качества. Системы аудио-, видеосвязи" (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 17.10.2018 № 801-ст) // СПС КонсультантПлюс.

6. URL.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Видеоконференция (дата обращения 04.03.2022).

7. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401 (ред. от 30.12.2020) "Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний" // СПС КонсультантПлюс.

8. Научно-информационный «Орфографический академический ресурс АКАДЕМОС» Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук // URL.:https://orfo.ruslang.ru/search/word (дата обращения 02.03.2022).

9.Академический словарь «Русский орфографический словарь» по ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой // URL.:https://gufo.me/search?term=видео-конференц-связь (дата обращения 02.03.2022).

10.Проект Федерального закона № 1184595-7 "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" // URL.: http://pravo.gov.ru (дата обращения 01.03.2022).

11. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 30.12.2021)"О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // URL.: http://pravo.gov.ru (дата обращения 01.03.2022).

12. Информационное письмо Главного военно-следственного управления Следственного комитета Российской Федерации от 17.01.2022 №1у-МКО-30/22/198 «О внесении изменений в уголовно-процессуальный закон в части возможности проведения в ходе предварительного расследования допроса, очной ставки и опознания путём использования систем видео-конференц-связи». Документ официально не опубликован.

13. Флешка отчего может испортиться? // URL.: http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1553760-fleshka-otchego-mozhet-isportitsja.html (дата обращения 21.03.2022); Скрытая угроза, которая может испортить ваши компакт-диски // URL.: https://stereo.ru/p/tyw4o-skrytaya-ugroza-kotoraya-mozhet-isportit-vashi-kompakt-diski-perevod (дата обращения 21.03.2022).

References

1. Abdrazyapov R.R. Separate procedural aspects of the use of video conferencing in the production of investigative actions in the production of investigative actions in criminal cases. *Strategic development of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: status, trends, prospects*. Collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, 2021. (In Russ.)

2. Federal Law No. 501-FZ of 30.12.2021 "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". http://pravo.gov.ru

3.Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ". http://pravo.gov.ru

4.Federal Law No. 37-FZ of 14.03.2009 "On Amendments to Article 407 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". http://pravo.gov.ru

5. "GOST R 58245-2018/IEC/TR 62251:2003. National Standard of the Russian Federation. Multimedia systems and equipment. Quality assessment. Audio and video communication systems" (approved and put into effect by Rosstandart Order No. 801-st dated 17.10.2018) // SPS ConsultantPlus.

6. https://ru.wikipedia.org/wiki/Видеоконференция

7. Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/28/2015 No. 401 (ed. dated 12/30/2020) "On approval of the Regulations for the organization of the use of video conferencing in the preparation and conduct of court sessions". SPS ConsultantPlus.

8. Scientific and informational "Spelling academic resource of the ACADEMOS" of the Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences. https://orfo.ruslang.ru/search/word

9.Academic dictionary "Russian Spelling Dictionary" edited by V.V. Lopatin, O.E. Ivanova. https://gufo.me/search?term=видео-конференц-связь

10.Draft Federal Law No. 1184595-7 "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". http://pravo.gov.ru

11. Federal Law No. 44-FZ of 05.04.2013 (as amended on 30.12.2021)"About the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs" (with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2022). http://pravo.gov.ru

12. Information Letter of the Main Military Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation dated 17.01.2022 No. 1u-MKO-30/22/198 "On Amendments to the Criminal Procedure Law regarding the Possibility of Conducting Interrogation, Confrontation and identification by using video conferencing systems." The document has not been officially published.

13. Why can a USB flash drive go bad. http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1553760-fleshka-otchego-mozhet-isportitsja.html (accessed 03/21/2022); A hidden threat that can ruin your CDs. https://stereo.ru/p/tyw4o-skrytaya-ugroza-kotoraya-mozhet-isportit-vashi-kompakt-diski-perevod

Информация об авторе

В. Л. Согоян – старший преподаватель кафедры уголовного процесса

Information about the author

V.L. Sogoyan – Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.03.2022; одобрена после рецензирования 14.04.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 22.03.2022; approved after reviewing 14.04.2022; accepted for publication 27.04.2022

Судебная деятельность

Научная статья
УДК 342.56

Мировая юстиция Российской Федерации:
проблемы и перспективы развития

© А.О. Горбунова, Н.В. Федоренко, 2022

Горбунова Ангелина Олеговна[1], Федоренко Наталия Владимировна[2]
[12]Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия.
[1]angelinagromova1998@yandex.ru
[2]gr_process38@mail.ru

Аннотация: Не вызывает сомнений, что развитая судебная система – основа любого государства, с помощью которой регулируются любые споры и правонарушения. Однако, как и всякая система, институт мировой юстиции постоянно подвергается критике с целью улучшения и модернизации. В данной статье приведены наиболее значимые проблемы внедрения института мирового суда в Российской Федерации. Отмечены усовершенствования, которые уже были предприняты, и предложены пути решения, которые только предстоит предпринять. Затронута тема возможности реализации этих вопросов, и приведены перспективы развития мировой юстиции России, к которым выбранный путь решения проблем может привести.

Ключевые слова: мировая юстиция, судебная реформа 1864, судебная система, правовой статус

Для цитирования: Горбунова А.О., Федоренко Н.В. Мировая юстиция Российской Федерации: проблемы и перспективы развития // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. №5(144). С. 129-133

Court practice

Original article

Justice of the Peace of the Russian Federation:
problems and prospects of development

Angelina O. Gorbunova [1], Nataliya V. Fedorenko [2]
[1,2] Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia.
[1] angelinagromova1998@yandex.ru
[2] gr_process38@mail.ru

Abstract. There is no doubt that a developed judicial system is the basis of any state, with the help of which any disputes and offenses are regulated. However, like any other system, the institution of justice of the peace is constantly discussed in order to improve and modernize its work. This article presents the key problems of the introduction of the court of the peace in the Russian Federation. The improvements that have already been made are noted, and solutions that yet to be taken are proposed. The possibility of implementing these issues is touched upon and the prospects for the development of justice of the peace of Russia are presented, which the chosen way of solving problems can lead to.

Keywords: justice of the peace, judicial reform 1864, judicial system, legal status

For citation: Gorbunova A.O., N.V. Fedorenko. Justice of the peace of the Russian Federation: problems and prospects of development. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2022. No5 (144):129-133 (In Russ)

В современной Российской Федерации у простых граждан часто возникает вопрос: почему нынешняя судебная система не в состоянии разбирать жалобы и выносить решения по правонарушениям в разумные сроки, оставаясь при этом независимой и беспристрастной. Чтобы ответить на него, следует заглянуть в предысторию.

Судебная система – это фундаментальный конституционный институт для любого суверенного государства. Однако в Российской империи развитой судебной системы не существовало вплоть до 18в., что плохо сказывалось на поддержании общественного порядка и дисциплине, а также регулярно приводило к злоупотреблению властью. Так, например, восстание Е.И. Пугачёва в 1773-1775-х годах помогло понять, насколько безрассудно и опасно отсутствие сформированной судебной системы. Это понимание послужило подспорьем для быстрой переподготовки и введения нового законодательного акта Екатериной II.

Серьёзным шагом, направленным на урегулирование беспорядков, в 1775 году стала публикация 1-ой части «Учреждений для управления губерний всероссийской Империи» [1]. Закон просуществовал 100 лет, вплоть до введения «Судебных уставов» [2] в 1864 году Александром II, он претерпевал различные изменения и улучшения, навеянные потребностями населения, поэтому в уставах даже сохранились некоторые позиции, принятые Екатериной Великой, например положения по административному делению. И, несмотря на попытки Екатерины II создать достойную систему управления, именно 1864 год считается зарождением института мировой юстиции.

И в прошлом, и в настоящем при создании судебного института перед государством стояла одна и та же важная проблема: максимальное приближение системы управления к простому населению. Требовалось сделать ее более понятной и прозрачной, но при этом сохранить и преумножить авторитет и неприкосновенность судей. На сегодняшний день эта задача решается, однако многое для ее усовершенствования все ещё предстоит предпринять. Ведь Российская Федерация динамично развивается, преобразования в ней напрямую затрагивают судебную власть и рассматриваются тем глубже, чем требовательнее становится общество.

Возрождением мировой юстиции в России принято считать Концепцию судебной реформы [3], которая была принята в 1991 году, когда в стране как раз появились рыночные отношения, которые просто не могли не порождать дискуссии. Развитие РФ как демократического государства и раньше, и сейчас способствует модернизации судебного института и внедрению принципов разделения властей, открытости и независимости.

Окончательно в самостоятельный орган государственной власти мировой суд преобразовался в 1998 году с принятием Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации». В этом документе объединились две модели мировой юстиции, которые ранее объединить не удавалось: с одной стороны, институт мировой юстиции является судом общей юрисдикции и выносит решения именем Российской Федерации, а с другой, относится к судам субъекта РФ, из-за чего общепринятым методом осуществления правосудия воспользоваться трудно. Эта проблема до сих пор порождает споры и критику.

Но, если анализировать документ, можно увидеть ряд преимуществ. Например, в нем прописана целая группа критериев и положений, которые структурируют и делают понятным порядок деятельности судей, раскрывают аппарат мирового судьи, его компетенцию, порядок назначения и четко обозначают полномочия.

В целом, можно сказать, что ФЗ «О мировых судьях Российской Федерации» включает в себя часть из множества законов о судебной системе, которые регулируют деятельность мировых судей, что делает его наиболее полным и удобочитаемым для простых граждан.

Стоит отметить, что перед институтом мировой юстиции и судебной системой, несмотря на проясняющий закон, всё ещё стоит задача ее усовершенствования. Наиболее частым предметом для обсуждений, как уже упоминалось выше, был и остаётся тот факт, что судьи выносят решения именем Российской Федерации, но являются при этом судами субъектов Российской Федерации. Критиками отмечалось также, что в конституционных и уставных судах такой неточности не наблюдается.

Однако бюрократические нестыковки перекрываются куда более важными проблемами. Изначально перед мировым судом ставилась, в том числе, задача по снятию огромной нагрузки с районных судов, которую вполне успешно удалось решить, но возникла новая проблема. Из-за нехватки кадров теперь уже институт мировой юстиции страдает от чрезмерной нагрузки, что непосредственно влияет на качество рассмотрения дел и принятие решений. Если более детально рассмотреть ситуацию в регионах, можно увидеть, что мировые судьи уже рассматривают такое количество дел, которое физически невозможно качественно рассмотреть в назначенный срок, а нагрузка при этом увеличивается с каждым годом, вследствие чего нарушаются права граждан. Как известно, для качественного рассмотрения дел в государстве предусмотрены сроки их рассмотрения, но из-за чрезмерной нагрузки перед судьями встаёт выбор:

1. Рассматривать дела скрупулезно и качественно, чисто физически не укладываясь в сроки, и нарушать ст. 2 Конституции РФ [5], в которой говорится о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанностью государства.
2. Успевать рассмотреть весь поток правонарушений точно в срок, теряя при этом в качестве, что, по сути, тоже нарушает ст.2 Конституции РФ.

Варианта рассматривать в срок, не уступая в качестве, к сожалению, пока не существует.

Из чрезмерной нагрузки вытекает еще одна проблема – текучесть кадров, на некоторых должностях в органах суда вообще отсутствуют соответствующие специалисты. Это, несомненно, связано с большим объемом работы, низким правовым статусом и недостаточным финансированием института со стороны государства. Поэтому проблема отсутствия необходимого современного оборудования, что затрудняет быстрое и качественное выполнение работы, тоже имеет место быть, хотя и в последние несколько лет в этой сфере мы наблюдаем положительные перемены.

Стоит также отметить и то, что в некоторых субъектах с малой численностью населения есть проблема досягаемости мировых судей. Плотность населения в республиках невысокая, из-за чего в Федеральном законе «Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации» [6] предусмотрено небольшое количество судебных участков и учитывается либо только территориальный фактор, либо только демографический, поэтому гражданам из отдаленных поселений с небольшой численностью трудно добраться до суда.

Впрочем, гражданам в городах-миллионниках тоже бывает тяжело получить своевременную квалифицированную помощь, потому что численность населения растет, а судебные участки и судьи остаются в том же количестве.

Основательным решением вышеперечисленных проблем было бы создание новых судебных участков, повышение правового статуса судей, увеличение оклада сотрудников, а также разработка упрощенных процедур по вынесению решений в судопроизводстве. Все эти проблемы нужно решать на государственном уровне, прописав изменения в соответствующих нормативно-правовых актах и обозначив в Конституции РФ, кто такие мировые судьи и чем они занимаются. Также в качестве решения проблемы можно рассмотреть предложение о продлении срока, на который выбираются судьи, и прекращении их постоянного переназначения.

Поскольку изначально задумывалось, что институт мировой юстиции – это судебный институт, в котором мировые судьи больше остальных приближены к населению, и только они, в первую очередь, занимаются примирением сторон, а уже во вторую – вынесением решения, которое при любом исходе юридически обосновано, изменения в судебной деятельности должны волновать граждан из любых слоёв населения. Мировой суд адаптирован под все классы нашей страны, в том числе под малообеспеченные и малообразованные с юридической точки зрения.

Так, например, секретарями к рассмотрению принимаются документы, которые в силу незнания заполняются некорректно или не совсем корректно. Как правило, на бюрократию закрываются глаза, и работники судов сами исправляют нарушения регламента.

Частичным решением этой проблемы стало введение портала «Госуслуги», который значительно упростил саму процедуру подачи заявлений и сократил время, которое нужно затратить суду на его принятие/корректировку. Однако полный переход на электронное правосудие хотя бы в делах, которые рассматриваются без заседания (например, бесспорные денежные требования), позволил бы уменьшить затраты времени и федерального бюджета.

Также по чрезмерной загруженности мировых судей можно судить о настроениях в стране и уровню неудовлетворенности общества. Тут мы видим простую зависимость: чем недовольнее общество, тем больше времени за работой проводят судьи. Если количество обращений растет, время на рассмотрение правонарушений и вынесение заключений увеличивается, значит, настроения в стране нестабильные. А поскольку Российская Федерация никогда не останавливается в своем развитии, Правительством вводятся новые законы, призванные урегулировать и ужесточить дисциплину. Понятно, к чему это приведет и на каком институте судебной власти, прежде всего, отразится. Решением этой проблемы было бы принятие еще большего количества законов, которые не только упрощают работу судебной системы, но и поддерживают граждан материально, юридически и психологически.

Еще одной немаловажной проблемой представляется отсутствие независимости отдельных судей. Поскольку дисциплинарная ответственность прописана нечётко и в ней не разделяются такие понятия, как «судебная ошибка» и «дисциплинарный проступок», некоторые судьи напуганы угрозой наказания, что неумолимо ведет к снижению качества работы и их «подконтрольности».

Однако, несмотря на критику, положительная динамика в развитии за более чем 20 лет существования института мировых судей говорит о том, что его возрождение было необходимым и правильным решением. При анализе организационно-правовой сферы также можно сделать вывод, что основная задача, которая закладывалась при его воскрешении – снятие с судов общей юрисдикции чрезмерной нагрузки – выполнялась на протяжении всех 24 лет.

Серьезной помощью в организации деятельности мировых судей можно назвать федеральную целевую программу «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы» [7], которая нацелена и на поддержание независимости судов, и на повышение материальной обеспеченности судей, и на внедрение современной информационной инфраструктуры. Так, например, если открыть упомянутый документ, мы увидим, что у мировых судей самая низкая материальная защищенность и обеспеченность жильём. И хотя программа была создана с целью устранения всех недостатков, говорить о ее рабочих качествах пока не представляется возможным.

В данный момент в некоторых субъектах Российской Федерации также предпринимаются попытки по разработке собственных региональных программ по развитию судебной системы (например, в Тамбовской и Амурской областях), а в некоторых субъектах уже утверждены целевые программы (например, в Курганской и Свердловской областях). Чтобы программы заработали и

начали приносить свои плоды, безусловно, требуется существенная поддержка органов исполнительной власти и значительное финансирование из федерального бюджета, но при постоянном содействии государства данная практика точно может укрепиться во всех субъектах РФ.

Среди возможных перспектив развития института мировой юстиции, безусловно, выделяется одна – изменение статуса мировых судей и отнесение их к федеральным судьям. Однако поскольку это понесет за собой существенные изменения в законодательстве, такое решение проблем в ближайшем будущем видится маловероятным, но наиболее логичным. Так, например, придется поменять порядок назначения судей на должность, выделить дополнительное финансирование и полностью пересмотреть организацию судебной деятельности, но зато мировой судья так же, как и все остальные судьи, будет назначаться Президентом Российской Федерации, а максимальный срок пребывания на должности будет равен федеральным судьям.

Еще одним немаловажным плюсом можно назвать профессиональную переподготовку действующих судей и повышение квалификации за счет бюджетных ассигнований Судебного департамента вне зависимости от возможностей субъектов РФ, что положительно скажется на работе суда.

Конечно, чтобы предпринять такие существенные перемены, государству нужно заложить большое количество времени и финансов. В этом случае положение института мировой юстиции, наконец, будет соответствовать конституционным принципам, перестанет вызывать столько разногласий и споров и позволит использовать общепринятые методологии по вынесению решений, что тоже улучшит работу органов.

Другим вектором развития видится полная автономизация мировой юстиции, что несет за собой как положительные, так и отрицательные перспективы. Станет доступна прямая выборность судьи, а не его назначение вышестоящим органом власти. Сохранится и значительно преумножится приближенность института к простому населению, станет чаще возможен примиренческий исход между истцом и ответчиком, потому что в настоящее время он не особо распространен, несмотря на все попытки судей. Но, что важнее, этот вектор развития несёт в себе опасность подрыва всей судебной системы и требует куда более крупных финансовых и временных вложений, потому что под принятием автономности подразумевается абсолютное, радикальное изменение существующих законов.

К тому же, если рассматривать автономный вектор развития, прежде всего, стоит учесть опыт предыдущих поколений по введению подобной концепции в России и Франции, которые когда-то были введены и в дальнейшем упразднены как не нашедшие взаимосвязи с классическим представлением о мировой юстиции.

И третий вектор развития, который нельзя не упомянуть, это признание положения дел на данный период времени максимально возможным положительным развитием для мировой юстиции РФ [9]. Нельзя сказать, что в этом случае все проблемы останутся совсем нерешенными, государство совершенно точно будет предпринимать попытки по усовершенствованию системы и деятельности мировых судей, но насколько эффективны будут эти решения – сказать сложно. Из положительных аспектов этого вектора – возможность более точечно проанализировать судебную систему и бросить силы на постоянный мониторинг работы с выявлением ее плюсов и минусов, что в дальнейшем поможет ее изменить. Данная перспектива развития пока видится наиболее вероятной.

Исходя из всех вышеперечисленных проблем в мировой юстиции, можно сделать вывод, что государственная власть, безусловно, предпринимает попытки улучшить судебную систему, большинство из которых влекут за собой положительные перемены, но этого пока ещё недостаточно. Нужно выработать более точечный и, что важнее, комплексный механизм решения вопросов, в том числе позволив субъектам федерации самостоятельно разрабатывать программы решения, которые они считают наиболее подходящими, и выделить на это средства.

В конечном счете, вся судебная система направлена на гарантию прав и свобод граждан и развитие демократии, поэтому решение хотя бы наиболее значимых проблем значительно продвинет институт мировой юстиции как отдельный орган государственной власти, приблизит его к населению и облегчит нелегкий труд специалистов в этой отрасли.

Список источников

1. Законодательный акт реформы местного самоуправления от 07.11.1775 «Учреждения для управления губерний всероссийской Империи». М. Печатано при Сенате. 1775. 229с. / Электронный экземпляр взят на сайте Учреждения для управления губерний всероссийской Империи - Алфавитный каталог. Электронная библиотека Руниверс (runivers.ru)
2. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны / В 5 выпусках. (ред. 1866). СПб.: Изд. Гос. Канцелярии. 1866. №13. Ст. 875. / Электронный экземпляр взят

на сайте Судебные Уставы 20 ноября 1864 года // КонсультантПлюс: Классика Российского Права (consultant.ru)

3. Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 N 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. №44. Ст. 1435.
4. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 г. №1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации» // Российская газета. 1997. №3. Собрание законодательства РФ. 1997. №1. Ст.1.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (ред. от 14.03.2020 №1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. №237.
6. Федеральный закон от 29.12.1999 г. №218-ФЗ «Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации» (ред. от 30.12.2021 №496-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2000. №1. Ст.1.
7. Постановление Правительства РФ от 27. 12. 2012 г. №1406 "О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России на 2013 - 2024 годы" (ред. от 23.12.2021 №2414) // Собрание законодательства РФ. 2013. №1. Ст. 13.
8. Саенко К. В. Проблемы мировой юстиции по реализации судебной защиты прав граждан в Российской Федерации. // Молодой ученый. 2018. № 47 (233). С. 150-151
9. URL:https://isfic.info/miryust/kolov14.htm

References

1. Legislative act of the reform of local self-government of 07.11.1775 "Institutions for the management of provinces of the All-Russian Empire". M. Printed at the Senate. 1775. 229p. The electronic copy is taken from the website runivers.ru (In Russ)
2. Judicial Statutes of November 20, 1864 with a statement of the reasoning on which they are based / In 5 issues. (ed. 1866). St. Petersburg: State-Publishing House. Office. 1866. No. 13. St. 875. The electronic copy is taken from the website consultant.ru (In Russ)
3. Resolution of the Supreme Council of the RSFSR of 24.10.1991 N 1801-1 «On the concept of judicial reform in the RSFSR». *Statements SND and Supreme Council of the RSFSR*. 1991. No. 44. Art. 1435. (In Russ)
4. Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of 31.12.1996 (ed. of 08.12.2020) "On the judicial system of the Russian Federation". *Russian gazette*. 1997. No. 3. *Collection of legislation of the Russian Federation*. 1997. No. 1. St 1. (In Russ)
5. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (ed. No. 1-FKZ dated 14.03.2020). *Russian gazette*. 1993. No.237. (In Russ)
6. Federal Law No. 218-FZ of 29.12.1999 "On the total number of magistrates and the number of judicial precincts in the Subjects of the Russian Federation" (ed. No. 496-FZ of 30.12.2021). *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2000. No. 1. Art. 1. (In Russ)
7. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1406 of 27.12. 2012 "On the Federal target program "Development of the judicial system of Russia for 2013-2024" (ed. No. 2414 of 12/23/2021). Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 1. Art. 13. (In Russ)
8. Saenko K.V. Problems of World justice in the implementation of judicial protection of citizens' rights in the Russian Federation. *A young scientist*. 2018. No 47 (233):150-151. (In Russ)
9. https://isfic.info/miryust/kolov14.htm

Информация об авторах

А.О. Горбунова – студентка 2 курса магистратуры
Н.В. Федоренко – доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент

Information about the authors

A.O. Gorbunova – 2nd year Master's student
N.V. Fedorenko – Doctor of Sociological, Candidate of Legal, Docent

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.04.2022; одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 04.04.2022; approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication 27.04.2022

Научная статья
УДК 34.347

Мораторий на банкротство как способ, обеспечивающий баланс интересов кредиторов и должника

© Т.Ю. Кулик, 2022

Татьяна Юрьевна Кулик
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия. rostnev@bk.ru

Аннотация. Институт банкротства является исключительным механизмом, призванным сбалансировать публичные и частно-правовые интересы в случае, когда финансовое состояние должника не позволяет в полной мере удовлетворить требования всех кредиторов. При этом задачей арбитражного суда является не только защита интересов кредиторов, но и обеспечение для должника возможности восстановить свое имущественное положение. Однако не всегда это зависит от самого суда и субъектов отношений, возникающих при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве). В последние годы не раз складывались объективные причины, не позволяющие даже добросовестным должникам своевременно исполнять свои обязательства. Поэтому законодатель внес ряд изменений, которые направлены на преодоление таких препятствий.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство); арбитражный суд; мораторий; кредиторы; должник

Для цитирования: Кулик Т.Ю. Мораторий на банкротство как способ, обеспечивающий баланс интересов кредиторов и должника // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 5(144). С.134-137

Original article

Moratorium on bankruptcy as a way to balance the interests of creditors and the debtor

Tatyana Yu. Kulik
South Federal University, Rostov-on-Don, Russia. rostnev@bk.ru

Abstract. The institution of bankruptcy is an exceptional mechanism designed to balance public and private legal interests in the event that the financial condition of the debtor does not allow for the full satisfying of requirements of all creditors. At the same time, the task of the commercial dispute court is not only to protect the interests of creditors, but also to provide the debtor with the opportunity to restore their property status. However, this does not always depend on the court itself and the parties to relations that arise when considering insolvency (bankruptcy) cases. In recent years, more than once there have been objective reasons that do not allow even conscientious debtors to fulfill their obligations in a timely manner. Therefore, the legislator has introduced a number of changes that are aimed at overcoming such obstacles.

Keywords: insolvency (bankruptcy); commercial dispute court; moratorium; creditors; debtor

For citation: Kulik T.Yu. Moratorium on bankruptcy as a way to balance the interests of creditors and the debtor. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No5 (144):134-137 (In Russ.)

Институт несостоятельности (банкротства) имеет долгую историю и в Российской Федерации получил закрепление достаточно давно. Потребность нормативного регулирования ситуации, когда должник не имеет возможности удовлетворить требования кредиторов в течение определенного периода времени, признавалась еще со времен Древней Греции, а упоминание о наказания для таких должников берет начало еще с Законов XII таблиц. В то время неплатежеспособность приравнивалась фактически к преступлению и влекла серьезные последствия как для самого должника, так и для членов его семьи. Со временем подход к правовому регулированию неплатежеспособности коренным образом поменялся. Однако актуальность института несостоятельности (банкротства), как показывают данные статистики, не утрачена и по сей день (рисунок 1 и 2) [1].

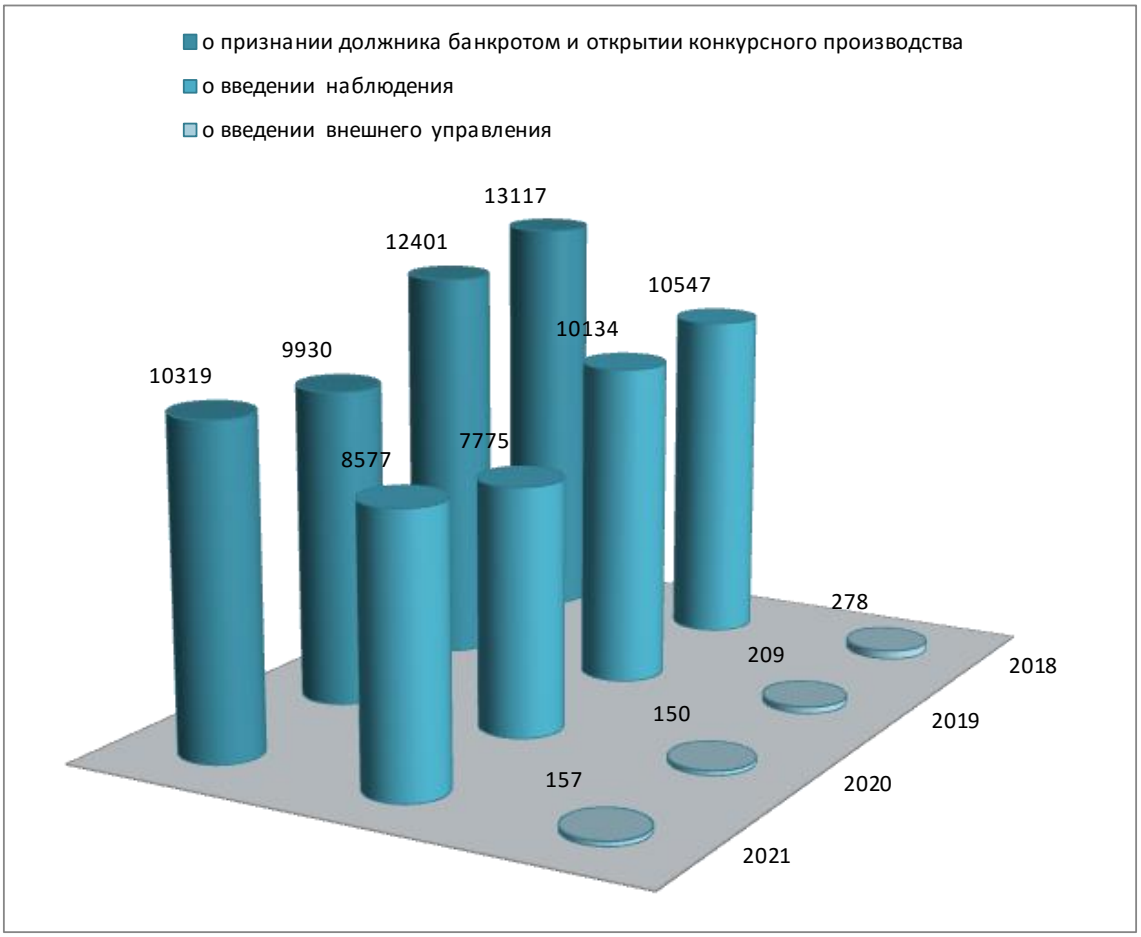

Рисунок 1. Количество сообщений о введении судами процедур в отношении юридических лиц и К(Ф)Х

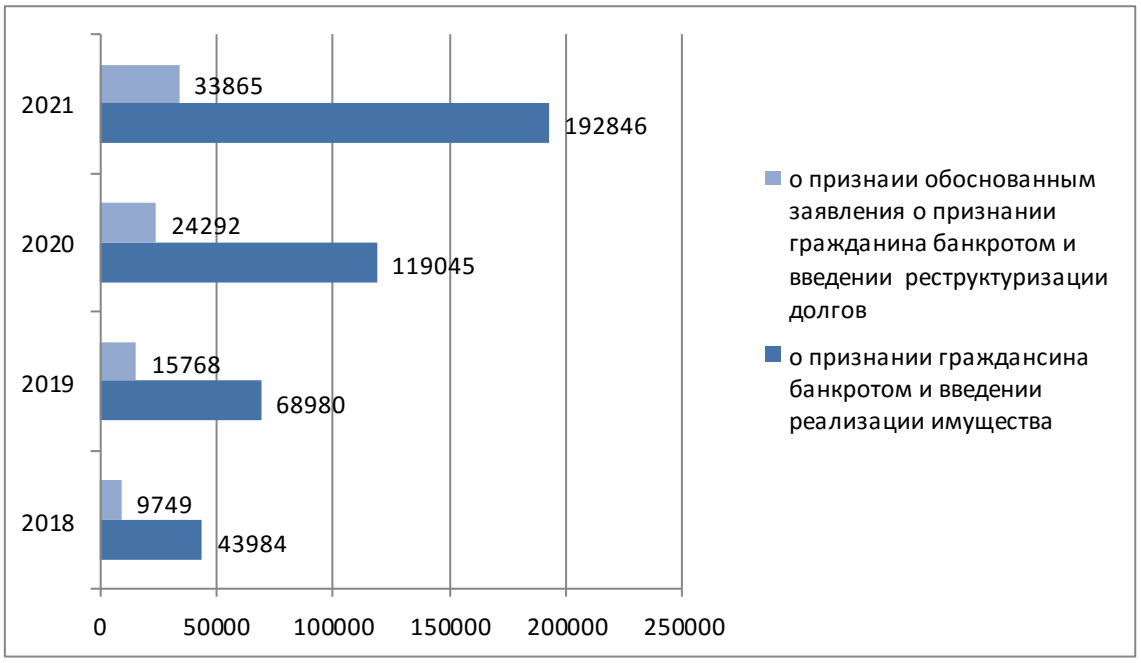

Рисунок 2. Количество сообщений о введении судами процедур в отношении физических лиц и индивидуальных предпринимателей

В современном законодательстве, регулирующим данный институт, а также в судебной практике все чаще акцент делается на соблюдение баланса интересов кредиторов и должника. Законодатель понимает, что задача института несостоятельности (банкротства) сместилась с наказания должника на сохранение возможности для него «остаться на плаву», преодолеть сложную финансовую ситуацию, а для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей – еще и сохранить

производство и рабочие места.

Такую точку зрения можно не раз встретить в судебных актах Конституционного Суда РФ. Ключевой аспект – баланс интересов кредиторов и неплатежеспособного должника, будь то гражданин или юридическое лицо, прослеживается как в постановлениях начала 2000-х, так и в последних судебных актах, принятых в 2021-2022 годах [2, 3, 4]. При этом Конституционный Суд РФ признает, что этой цели зачастую сложно достичь из-за диаметрально противоположных интересов лиц, участвующих в делах о банкротстве. В действующем Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) закреплены различные способы достижения такого баланса (очередность удовлетворения требований кредиторов, возможность внесудебного банкротства граждан, мораторий на подачу заявлений о признании должника банкротом и др.). Законодатель предоставляет равные возможности всем кредиторам на защиту своих прав, ограничивая лишь способы защиты, причем, как правило, в интересах должника.

Наиболее интересным для анализа и относительно новым в российской судебной практике является мораторий на банкротство. Этот инструмент был опробован в период пандемии новой коронавирусной инфекции в 2020-2021 годах и вновь был прямо разрешен Правительством РФ в 2022 году.

1 апреля 2020 года в Закон о банкротстве была введена статья 9.1, впервые предусматривающая возможность введения моратория на возбуждение дел о банкротстве. Речь идет о так называемом внешнем банкротстве, инициатором которого выступает кредитор неплатежеспособного должника. Следовательно, сам должник вправе обращаться в арбитражный суд с заявлением о признании его несостоятельным даже в период действия моратория. Законодатель подчеркивает исключительность применения этой статьи, закрепляя примерный перечень обстоятельств, характер которых может повлечь применение моратория. Обращает на себя внимание тот факт, что это не только обстоятельства природного и техногенного характера, с которыми традиционно в доктрине гражданского права связывается понятие непреодолимой силы. Перечень достаточно широко толкуется и включает в себя экономические и иные причины. Примечательно, что полномочия по введению моратория законодателем отданы на откуп Правительства РФ, которое может не только определять срок, но и отдельные отрасли экономики или перечень лиц, на которых будет (или не будет) распространяться льготные условия освобождения от банкротства.

За время существования указанной статьи Закона о банкротстве Правительство РФ дважды использовало принадлежащие ему полномочия. Первый раз был связан с распространением коронавирусной инфекции (действовал до 7 января 2021 года), второй – был обусловлен в том числе резким изменением курса валют. Так, Постановлением от 28 марта 2022 года № 497 был введен мораторий на внешнее банкротство сроком на шесть месяцев [5]. Мораторий распространяется на всех субъектов гражданского права, как граждан, так и юридических лиц. Исключения Правительством РФ установлены лишь в отношении застройщиков. Помимо запрета кредиторам обращаться в арбитражный суд с требованием о признании должника банкротом. Поданное заявление, а также заявления, поступившие в арбитражный суд, но еще не принятые к производству, подлежат возвращению (абз. 1 п. 2 ст. 9.1 Закона о банкротстве). К сожалению, закрепляя соответствующую норму в Законе о банкротстве, законодатель не внес изменения в ст. 129 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ), которая по-прежнему, предусматривая основания для возвращения искового заявления, сформулирована исчерпывающим образом. Не содержит никаких исключений и глава 28 АПК РФ, посвященная особенностям рассмотрения дел о несостоятельности. Представляется, что необходимо все же расширительно толковать положения ст. 129 АПК РФ, учитывая, что законодательство о несостоятельности во многом дополняет АПК РФ в части рассмотрения этой категории дел, о чем прямо говорится в ст. 223 АПК РФ. Хотя внесение соответствующих изменений, предусматривающих возможность дополнения ст. 129 АПК РФ другими основаниями, предусмотренными федеральным законодательством, видится более предпочтительным.

Не забывая о необходимости соблюдения баланса интересов кредиторов и должника, законодатель предусмотрел и гарантии кредиторам на период действия моратория. Так, если учредитель (участник) должника юридического лица в течение срока действия моратория пожелает выйти из состава учредителей (участников) юридического лица, его требования о выделе доли, выкупе размещенных акций или выплате действительной стоимости доли (пая) не подлежат удовлетворению. Собственнику имущества унитарного предприятия запрещено изымать имущество у предприятия-должника. Невозможен и зачет в отношении денежных обязательств должника в том случае, когда он приведет к нарушению очередности удовлетворения требований кредиторов. Законодатель вводит запрет на выплату доходов от участия в деятельности юридического лица в виде дивидендов, иных доходов, а также распределение полученной прибыли между участниками. Чтобы избежать таких ограничений, как правило, в этом заинтересованы добросовестные должники, они могут заявить об отказе от применения в отношении моратория, подав сведения об этом в Единый федеральный реестр

сведений о банкротстве. В этом случае на них и их кредиторов ограничения, которые вытекают из правового режима моратория, не распространяются.

Таким образом, новый механизм правового регулирования несостоятельности (банкротства), несмотря на его кажущийся перевес в сторону интересов должника, призван защитить и кредиторов. Эффективность этого инструмента еще предстоит оценить. Но уже сейчас очевидно, что он призван помочь тем должникам, которые действуют добросовестно и которые готовы сохранять взаимные связи со своими кредиторами даже в условиях чрезвычайных обстоятельств.

Список источников

1. Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (Федресурс) // URL: https://fedresurs.ru/news/a57795a8-e1f1-4e2e-ba8b-da58725127e2. (дата обращения: 15.04.2022)
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.02.2022 № 4-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 1 статьи 134 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой публичного акционерного общества «Т Плюс» // СПС Консультант Плюс.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2005 года № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева»// СПС Консультант Плюс.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2021 года № 36-П «По делу о проверке конституционности абзаца пятого пункта 6 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина П.Л. Чепкасова» // СПС Консультант Плюс.
5. Постановление Правительства РФ от 28 марта 2022 года № 497 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами» // СПС Консультант Плюс.

References

1. Unified Federal Register of Legally Significant Information on the Activities of Legal Entities, Individual Entrepreneurs and Other Economic Entities (Fedresurs) Access mode: https://fedresurs.ru/news/a57795a8-e1f1-4e2e-ba8b-da58725127e2. (In Russ.)
2. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of 01.02.2022 No. 4-P «On the case of checking the constitutionality of the second paragraph of paragraph 1 of Article 134 of the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» in connection with the complaint of the public joint-stock company «T Plus» // Consultant Plus. (In Russ.)
3. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 19, 2005 No. 12-P «On the case of checking the constitutionality of paragraph eight of clause 1 of Article 20 of the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» in connection with the complaint of citizen A.G. Mezhentsev»// Consultant Plus. (In Russ.)
4. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 2021 No. 36-P «On the case of checking the constitutionality of the fifth paragraph of paragraph 6 of Article 213.25 of the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» in connection with the complaint of citizen P.L. Chepkasov» // Consultant Plus. (In Russ.)
5. Decree of the Government of the Russian Federation of March 28, 2022 No. 497 "On the introduction of a moratorium on initiating bankruptcy cases on applications submitted by creditors" // Consultant Plus. (In Russ.)

Информация об авторе

Т.Ю. Кулик – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

T.Y. Kulik - Candidate of Law, Associate Professor

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.04.2022; одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 27.04.2022.
The article was submitted 20.04.2022; approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication 27.04.2022

Правоохранительная деятельность

Научная статья
УДК 34.349

О расширении процессуальных полномочий уголовно-исполнительной системы России

© Е.А. Мирошниченко, 2022

Екатерина Александровна Мирошниченко
ГУФСИН России по Ростовской области, г. Ростов-на-Дону, Россия. katiataranina@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы уголовно-процессуальных полномочий учреждений и органов уголовно-исполнительной системы как органов дознания. В качестве основных проблем в статье обозначены следующие: несовершенство нормативного регулирования уголовно-процессуальных полномочий учреждений и органов уголовно-исполнительной системы как органов дознания, нежелание руководителей органов и учреждений уголовно-исполнительной системы брать на себя функции органов дознания.

В заключение автор предлагает внесение изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство, а именно следует установить исчерпывающий перечень органов исполнительной власти, наделенных функциями дознания; предоставить полномочия возбуждения начальником органа или учреждения уголовно-исполнительной системы уголовного дела и производства по нему неотложных следственных действий при обнаружении признаков любого преступления, совершенного в расположении учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, а также преступления против интересов службы, совершенного сотрудником учреждения или органа уголовно-исполнительной системы.

После анализа обозначенных проблем сделаны выводы о несостоятельности большинства из них, достаточной самостоятельности начальников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в принятии уголовно-процессуальных решений по результатам проверки сообщения о преступлении.

Ключевые слова: процессуальные полномочия, уголовно-исполнительная система, правовой статус, пенитенциарная преступность, расширение полномочий, полномочия органа дознания

Для цитирования: Мирошниченко Е.А. О расширении процессуальных полномочий уголовно-исполнительной системы России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 5(144). С.138-142

Law enforcement activities

Original article

On the expansion of the procedural powers of the penal enforcement system of Russia

Ekaterina A. Miroshnichenko
GUFSIN of Russia for the Rostov Region, Rostov-on-Don, Russia. katiataranina@mail.ru

Abstract. The article considers problems of criminal procedural powers of institutions and bodies of the penitentiary system as bodies of inquiry. Identifies its main problems: the imperfection of the normative regulation of criminal procedural powers of institutions and bodies of the penitentiary system as bodies of inquiry, the unwillingness of heads of bodies and institutions of the penitentiary system to take on the functions of bodies of inquiry.

In conclusion, the author proposes amendments to the current criminal procedure legislation, namely, it is necessary to establish an exhaustive list of executive authorities endowed with the functions of inquiry; to grant the authority to initiate a criminal case by the head of the body or institution of the penitentiary system and to carry out urgent investigative actions on it if signs of any crime committed at the location of the institution or body of the penitentiary system, as well as a crime against the interests of the service committed by an employee of the institution or body of the criminal-executive system.

After analyzing the identified problems, conclusions are drawn about the failure of most of them, the sufficient independence of the heads of institutions and bodies of the penitentiary system in making criminal procedural decisions based on results of checking a crime report.

Keywords: procedural powers, penitentiary system, legal status, penitentiary crime, expansion of powers, powers of the body of inquiry

For citation: Miroshnichenko E.A. On the expansion of the procedural powers of the penal enforcement system of Russia. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No5 (144):138-142 (In Russ.)

Согласно разделу XV Распоряжения Правительства РФ «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года» в качестве целей функционирования уголовно-исполнительной системы преследуется получение информации уровне особо учитываемых преступлений в следственных изоляторах и исправительных учреждениях, о количестве суицидов подозреваемых, обвиняемых и осужденных, а также о количестве возбужденных уголовных дел в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы. [1]

Правовое положение ФСИН России определяется Указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» [2], где закреплено, что ФСИН России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции в пенитенциарной сфере, и что на эту федеральную службу возлагаются основные задачи по обеспечению охраны прав, свобод и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей, а также по обеспечению правопорядка и законности в учреждениях, исполняющих уголовные наказания, в следственных изоляторах, обеспечение безопасности содержащихся в них осужденных, лиц, содержащихся под стражей, а также работников уголовно-исполнительной системы, должностных лиц и граждан, находящихся на территории этих учреждений и следственных изоляторов, а согласно Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017-2025 годы)» [3] современная УИС включает в себя 978 учреждений, в том числе 722 исправительных, лечебных исправительных и лечебно-профилактических учреждения, 8 тюрем, 30 воспитательных колоний и 218 следственных изоляторов, что является, на наш взгляд, подтверждением масштабности преступности в исполнительных учреждениях (далее – ИУ).

Применительно к уголовно-процессуальному законодательству России следует отметить недостаточное правовое регулирование [4] правового статуса Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (далее – ФСИН РФ) и других органов уголовно-исполнительной системы (далее – УИС). В соответствии с законодательством Российской Федерации целями УИС является исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Исполнение же наказаний, включая наказания, связанные с лишением свободы, возлагается на исправительные учреждения.

Важно отметить, что в начале XXI века полномочия уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, прежде всего ее самостоятельных субъектов, деятельность которых неразрывно связана с институтом исполнения наказания в виде лишения свободы, подверглись значительной корректировке – органы дознания утратили часть своих полномочий. Однако многие ученые высказываются против такой поправки. Например, в своей монографии, посвященной проблемам уголовно-процессуальной деятельности УИС, в проекте изменений, предлагаемых в УПК РФ, А.А. Крымов предлагает в число органов дознания «включить Федеральную службу исполнения наказаний» [5].

В УПК РФ учреждения и органы ФСИН России относятся к органам дознания, однако прописано это своеобразно. Пунктом 24 ст. 5 УПК РФ установлено, что органами дознания являются государственные органы и должностные лица, уполномоченные в соответствии с УПК РФ осуществлять дознание и другие процессуальные полномочия. Также в п. 8 данной статьи закреплено единое для всей уголовно-процессуальной деятельности понятие дознания как формы предварительного расследования, осуществляемого дознавателем (следователем) по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия необязательно [6].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что к органам дознания должны относиться государственные органы, имеющие в своем составе дознавателей или следователей, которые наделены правом осуществлять расследование по уголовным делам, в целом, и проведение следственных действий, в частности. При этом, как справедливо отмечает Ю. Денисов, учреждения и органы УИС в своей структуре дознавателей не имеют и правом проведения следственных действий в общем порядке по УПК РФ [7] не наделены.

Рассматривая правовую сторону вопроса процессуальных полномочий сотрудников УИС, следует обратить внимание на правовую коллизию следующих норм: ч. 1 п. 1 ст. 40 УПК РФ и ч. 2 п. 5. ст. 157 УПК РФ, а проанализировав ст. 150 и 151 УПК РФ [8], определяющих подследственность, можно прийти к удручающему выводу, что дознание сотрудники УИС осуществлять не вправе.

Согласно ч. 2 п. 5. ст. 157 УПК РФ полномочия начальников органов и учреждений УИС сводятся к производству неотложных следственных действий. На сегодняшний день перечень уголовно-процессуальных полномочий сотрудников УИС имеет тенденции к сокращению в связи с принятием ведомственного нормативного акта прокуратуры [8]. Согласно указанию Генерального прокурора Российской Федерации от 25.10.2013 № 456/69 «Об усилении прокурорского надзора за процессуальной деятельностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы», начальникам ИУ запрещено производить дознание по уголовным делам о преступлениях какой-либо конкретной категории, а также принимать решения о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовного дела. Указание продолжает действовать и не утратило свою силу [9].

Относительно состояния и перспектив расширения уголовно-процессуальной компетенции органов и учреждений УИС учеными и практиками высказывались различные, в том числе и противоречивые точки зрения. При этом одни авторы по результатам научных разработок приходили к выводу о необходимости укрепления и дальнейшего развития компетенций субъектов УИС [10], а другие придерживаются противоположного мнения о том, что в этом нет необходимости, приводя в качестве одного из основных аргументов тот факт, что в пенитенциарной системе России для осуществления вышеуказанных задач нет достаточного количества обученных специалистов, способных качественно и в полном объеме реализовать уголовно-процессуальные полномочия, отнесенные к компетенции органов дознания.

Изучая проблему расширения уголовно-процессуальных полномочий сотрудников ФСИН России при осуществлении дознания о преступлениях, совершенных в учреждениях УИС, стоит разрешить один главный вопрос о целесообразности расширения уголовно-процессуальных полномочий сотрудников УИС [11].

Обратившись к статистическим данным, можно заметить достаточный уровень преступности в УИС [12], большая часть которых отнесены к подследственности органов дознания, однако количество таких преступлений достаточно небольшое по сравнению с общим количеством преступлений в Российской Федерации. По данным ФСИН России, в настоящее время в местах лишения свободы от общего числа содержащихся лиц около 23% осуждены к лишению свободы второй раз, около 40% – третий раз и более. Опираясь на современные статистические данные, можно констатировать сохранение динамики преступлений, совершаемых в пределах исправительных учреждений УИС РФ [13].

Многие ученые придерживаются позиции о том, что дополнение полномочий органов УИС дознанием будет экономически не целесообразно, так как сотрудники ввиду малого количества дел будут бездействовать. Кроме того, ряд специалистов высказывались, что сотрудники будут стараться прекращать уголовные дела, преследуя положительные статистические показания, в связи с чем необходимо усиление прокурорского надзора [14].

На прокуратуру возложена обязанность осуществлять постоянный надзор за процессуальной деятельностью органов дознания, обеспечивать «безусловное реагирование на выявленные нарушения законов на всех этапах процессуальной деятельности с момента поступления сообщения о преступлении до принятия окончательного решения по уголовному делу», что закреплено в п. 1 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 26.01.2017 № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» [15].

В то же самое время при осуществлении прокурорского надзора за законностью уголовно-процессуальной деятельности учреждений ФСИН России основное внимание уделяется соблюдению законности на стадии, предшествующей возбуждению уголовного дела. Проверки же законности при принятии решений о возбуждении уголовного дела и осуществлении следственных и иных процессуальных, как правило, не проводятся.

Причиной подобного положения дел являются в первую очередь недостатки правового регулирования полномочий учреждений ФСИН России [16], предусмотренных ст. 145 УПК РФ, что приводит к тому, что зачастую делается ошибочной вывод об отсутствии у данного субъекта уголовно-процессуальных отношений права принимать решения о возбуждении уголовного дела.

Так, в ходе опроса 76 сотрудников специализированных прокуратур по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях, обучавшихся на курсах повышения квалификации при Университете Генеральной прокуратуры Российской Федерации, лишь 20 % из них указали на то, что сотрудники учреждений ФСИН России вправе принимать решения о возбуждении уголовного дела.

В заключение, хотелось бы отметить, что ввод дознавателей в каждое учреждение УИС не целесообразно, а вот создание отдела или группы дознания в структуре УФСИН представляется весьма эффективным и своевременным шагом. В подтверждение необходимости данного новшества можно привести позицию Е.В. Назаркаш [17], которая отмечает, что расследование преступлений, совершенных в УИС, в форме дознания штатными дознавателями УИС позволит повысить эффективность производства следственных действий за счет оперативности прибытия последних в ИУ и знания специфики совершения данных преступлений. Кроме того, будет исключена негативная составляющая по проблемам взаимодействия разных ведомств, что позволит максимально эффективно взаимодействовать оперативным сотрудникам УИС с их же коллегами штатными дознавателями УИС.

Также считаем необходимым внести изменения в ч. 3 ст. 151 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Дознание производится дознавателями органов УИС России по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных частью первой статей 112, 115,116, 117, 118, 158, 228, 313, 321, частями первой и второй статьи 119 УК РФ и совершенных осужденными на территории ИУ».

Список источников

1. Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 20, 17.05.2021, ст.3397.
2. Указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 октября 2004 г. № 42 ст. 4109
3. Распоряжение Правительства РФ от 23.12.2016 № 2808-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы "Развитие уголовно-исполнительной системы (2017 - 2025 годы)» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 2 (ч. II), 09.01.2017, ст.413.
4. Гирько С.И., Зеленов Ю.Н. Уголовно-процессуальная компетенция учреждений и органов уголовно-исполнительной системы // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 1(103). С. 61-67.
5. Крымов А.А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно - исполнительной системы России: монография. М., 2017.
6. Ложкин Ю.А. ФСИН России как орган дознания в реализации положений уголовно-процессуального законодательства // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 6.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.03.2022) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
8. Гирько С.И., Долгополов А.А. Направления развития уголовно-процессуальной компетенции субъектов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1(49). С. 73-79.
9. Указание Генерального прокурора от 25.10.2013 г. № 456/69 «Об усилении прокурорского надзора за процессуальной деятельностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» // Документ опубликован не был. Ч. 2 ст. 30 ФЗ О прокуратуре РФ. Указания Генерального прокурора Российской Федерации по вопросам дознания, не требующим законодательного регулирования, являются обязательными для исполнения // Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1. Собрание законодательства РФ, 20.11.1995, № 47, ст. 4472.
10. Гирько С. И. Возвращение уголовно-исполнительной системе Российской Федерации процессуальных полномочий: этапность и последовательность шагов // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 3(226). С. 6-14.
11. Брыляков С. П. Уголовно-процессуальный статус сотрудников учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, в досудебном производстве // Вестник Кузбасского института. 2016. № 1 (26). С. 106-110.
12. Почти 90 сотрудников уголовно-исполнительной системы России в 2021 году осуждены за преступления по службе. Об этом сообщил представитель Генеральной прокуратуры РФ Дмитрий Суханов // URL https://www.ntv.ru/novosti/2636840/ (дата обращения: 07.03.2022)
13. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 26.01.2017 № 33 // Законность. 2017. № 5.
14. Гирько С. И. Стратегия развития уголовно-процессуальной компетенции субъектов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в свете современного статуса пенитенциарной системы в формате УПК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 159-161
15. Гирько С. И. Проблемы уголовно-процессуального статуса уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: мифы и реальность // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 7 (218). С. 13-22.
16. Гирько С. И. Обеспечение безопасности лиц в расположении исправительного учреждения и проблемы уголовно-процессуальных полномочий уголовно-исполнительной системы на досудебном этапе судопроизводства // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: материалы Международной научно-практической конференции. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2018. С. 57-59.
17. Назаркаш Е. В. Актуальные вопросы расширения уголовно-процессуальных полномочий сотрудников ФСИН при осуществлении дознания о преступлениях, совершенных в учреждениях УИС / Уголовно-исполнительная система в современном обществе и перспективы ее развития (посвящается 135-летию уголовно-исполнительной системы и 80-летию Академии ФСИН России). Рязань: Академия ФСИН России, 2015. 248 с.

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021 No. 1138-r "On approval of the Concept for the development of the penitentiary system of the Russian Federation for the period up to 2030". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, N 20, 05/17/2021, art. 3397. (In Russ.)

2. Decree of the President of the Russian Federation of October 13, 2004 No. 1314 "Issues of the Federal Penitentiary Service" (with amendments and additions). *Collection of Legislation of the Russian Federation* of October 18, 2004 No. 42 Art. 4109 (In Russ.)
3. Decree of the Government of the Russian Federation of December 23, 2016 No. 2808-r "On Approval of the Concept of the Federal Target Program "Development of the Penitentiary System (2017-2025)". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, No. 2 (part II), 09.01. 2017, article 413. (In Russ.)
4. Girko S. I., Zelenov Yu. N. Criminal procedural competence of institutions and bodies of the penal system. *Russian law: education, practice, science*. 2018. No. 1 (103): 61-67. (In Russ.)
5. Krymov A. A. Criminal procedural activity of bodies and institutions of the criminal-executive system of Russia: Monograph. M., 2017. (In Russ.)
6. Lozhkin Yu. A. Federal Penitentiary Service of Russia as a body of inquiry in the implementation of the provisions of the criminal procedure legislation. *Bulletin of the penal system*. 2017. No. 6; 41-45.
7. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on March 4, 2022). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, December 24, 2001, No. 52
8. Girko S. I., Dolgopolov A. A. Directions for the development of the criminal procedural competence of the subjects of the penitentiary system of the Russian Federation. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. No. 1 (49): 73-79. (In Russ.)
9. Instruction of the Prosecutor General dated October 25, 2013 No. 456/69 "On strengthening prosecutorial supervision over the procedural activities of institutions and bodies of the penitentiary system" / The document was not published. Part 2 Art. 30 FZ On the Prosecutor's Office of the Russian Federation. Instructions of the Prosecutor General of the Russian Federation on questions of inquiry that do not require legislative regulation are binding // Federal Law of 17.01.1992 No. 2202-1. Collection of Legislation of the Russian Federation, 20.11.1995, No. 47, art. 4472. (In Russ.)
10. Girko S. I. Return of procedural powers to the penitentiary system of the Russian Federation: stages and sequence of steps. *Bulletin of the penal system*. 2021. No. 3 (226):6-14. (In Russ.)
11. Brylyakov S.P. Criminal procedural status of employees of institutions that carry out punishment in the form of deprivation of liberty in pre-trial proceedings. *Bulletin of the Kuzbass Institute*. 2016. No. 1 (26)
12. Almost 90 employees of the penitentiary system of Russia in 2021 were convicted of crimes in their service. This was announced by the representative of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation Dmitry Sukhanov. https://www.ntv.ru/novosti/2636840/ (date of access: 03/07/2022)
13. On the organization of prosecutorial supervision over the procedural activities of the bodies of inquiry: order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated January 26, 2017 No. 33. *Legality*. 2017. No. 5: 40-44. (In Russ.)
14. Girko S. I. Strategy for the development of criminal procedural competence of the subjects of the penitentiary system of the Russian Federation in the light of the current status of the penitentiary system in the format of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. No. 2: 159-161 (In Russ.)
15. Girko S. I. Problems of the criminal procedure status of the penitentiary system of the Russian Federation: myths and reality. *Bulletin of the penal system*. 2020. No. 7 (218):13-22. (In Russ.)
16. Girko S. I. Ensuring the safety of persons in the location of a correctional institution and the problems of criminal procedural powers of the penitentiary system at the pre-trial stage of legal proceedings. *Penitentiary security: national traditions and foreign experience*: materials of the International scientific and practical conference. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2018
17. Nazarkash E. V. Current issues of expanding the criminal procedural powers of the Federal Penitentiary Service when carrying out inquiries about crimes committed in penitentiary institutions / Penitentiary system in modern society and prospects for its development (dedicated to the 135th anniversary of the penitentiary system and the 80th anniversary Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia). Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2015. 248 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Е.А. Мирошниченко – Помощник начальника Главного Управления по правовой работе - начальник юридической службы

Information about the author

E.A. Miroshnichenko – Assistant to the Head of the Main Department for Legal Work - Head of the Legal Service

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The authors declare no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 21.04.2022; одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 21.04.2022; approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication 27.04.2022

Политические институты, процессы и технологии

Научная статья
УДК 323:37.01/.09

Особенности правовой социализации обучающихся в контексте современного антикоррупционного образования в сфере подготовки специалистов для судебной системы

© Е.В. Тутинас, Л.В. Борисенко, 2022

Евгения Вячеславовна Тутинас [1]***, Людмила Валентиновна Борисенко*** [2]
[1,2] Российский государственный университет правосудия, Ростовский филиал, Ростов-на-Дону, Россия
[1] uristika@rambler.ru
[2] vlv79@mail.ru

Аннотация. В статье проанализирована проблема правовой социализации обучающихся, которая заключается не только в формировании соответствующих правовых знаний и умений, но и определенных установок, составляющих основу правового поведения будущего специалиста. Акцент сделан на необходимость развития антикоррупционного образования в процессе правовой социализации обучающегося, основанного на государственных образовательных стандартах и реализуемых в образовательных учреждениях для формирования антикоррупционного мировоззрения, повышения уровня правосознания и правовой культуры обучающихся. Основной целью работы выступает исследование содержательных характеристик и необходимости развития в рамках подготовки специалистов для судебной системы антикоррупционного образования. Основными задачами являются: обоснование актуальности включения в учебные планы специальной дисциплины, изучающей вопросы противодействия коррупции, угрозы коррупционного поведения; изучение влияния антикоррупционного образования на формирование правосознания обучающегося и роль правовой социализации в этом процессе.

Ключевые слова: правовая социализация, антикоррупционное образование, обучающиеся, коррупция, образовательное учреждение, компетенции

Для цитирования: Тутинас Е.В., Борисенко Л.В. Особенности правовой социализации обучающихся в контексте современного антикоррупционного образования в сфере подготовки специалистов для судебной системы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 5(144). С.143-148

Political institutions, processes and techniques

Original article

Peculiarities of legal socialization of training students in the context of modern anti-corruption education in the field of training specialists for the judicial system

Evgenia V. Tutinas [1]***, Lyudmila V.Borisenko*** [2]
[1,2] Russian State University of Justice, Rostov branch, Russia
[1] uristika@rambler.ru
[2] vlv79@mail.ru

Abstract. The article analyzes legal socialization of students, which consists not only in the formation of relevant legal knowledge and skills, but also in certain attitudes that form the basis of the legal behavior of a future specialist. Emphasis is placed on the need to develop anti-corruption education in the process of legal socialization of students based on state educational standards and implemented in educational institutions to form an anti-corruption worldview, increase the level of legal awareness and legal culture of students. The article is aimed at studying the characteristics and the need for development in the framework of the training of specialists for the judicial system of anti-corruption education. The main tasks are: justification of the relevance of inclusion in the curriculum of a special discipline that studies the issues of combating corruption, the threat of corrupt behavior; the study of the impact of anti-corruption education on the formation of the students' legal consciousness and the role of legal socialization in this process.

Keywords: legal socialization, anti-corruption education, students, corruption, educational institution, competencies

For citation: Tutinas E.V., Borisenko L.V. Peculiarities of legal socialization of students in the context of modern anti-corruption education in the field of training specialists for the judicial system. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No5 (144): 143-148 (In Russ.)

Образование всегда рассматривалось как самая эффективная форма социализации личности, способ развития творческих способностей, адаптации к окружающим социальным процессам, средство развития культурно-позитивного потенциала. Вопросы состояния современного отечественного образования во все времена находились в поле внимания ученых и педагогических работников самых различных отраслей. Способность формирования благоприятного психологического климата и возможности собственной реализации – одно из условий саморазвития личности. И, как показывает практика, основным показателем, по мнению работодателя, в настоящее время выступают не только профессиональные навыки, но и способность работать в коллективе, умение толерантного поведения, адаптационные навыки.

Основным концептуальным положением в рамках рассматриваемой темы является то, что качественное образование специалистов для судебной системы – это основа правовой социализации. Правовая социализация выступает необходимым элементом общей социализации личности, включая единство объективного и субъективного процессов усвоения и адаптации социально-правовых ценностей в обычной жизни, формируя привычки и позитивные установки, которые определяют формы поведения будущего специалиста.

Особое внимание в формировании навыков правомерного поведения должно уделяться именно правовой социализации будущих специалистов для судебной системы. Это трудоемкий процесс создания у обучающегося представления о своей социальной значимости как будущего специалиста, месте и роли в судейском корпусе. Это процесс, позволяющий впитать нормы судейской этики, максимально развить правосознание и в дальнейшем, на основе профессиональных знаний и умений, сформировать навыки выработки судейского усмотрения.

Социализация носит неотъемлемый и длящийся характер, связана с формированием и развитием личности в целом. Можно сказать, что это определенная «кодировка», которая в дальнейшем в процессе осуществления профессиональной деятельности позволит принимать верные и справедливые решения. В итоге результаты процесса социализации должны носить роль лакмусовой бумаги, быть основой для накопления профессиональных навыков и умений, формирования собственного юридического опыта.

Процесс правовой социализации не ограничен во времени, он происходит в течение всей профессиональной деятельности юриста. Первоначально это происходит в школе, однако первое осознание своей профессиональной принадлежности, конечно же, происходит при получении высшего юридического образования. В ряде случаев это может быть причиной смены направления профессионального образования и учебного заведения. Именно в пубертатном возрасте, в основном, обучающиеся впервые задумываются о социальных ценностях будущей профессии в рамках изучаемых дисциплин, осознают переход из школьной социальной среды в иную, которая отличается ценностями, приоритетами, установками и мотивациями.

П. Бергер и Т.Лукман обращают на это внимание, классифицируя социализацию по типам: первичную, когда мы только начинаем быть членом общества, и вторичную, которая означает, что социализирующаяся личность интегрирует в определенные сферы жизни общества [1, с. 212-213].

Основными принципами правовой социализации являются системность и систематичность, целенаправленность, последовательность. Особе значение для правовой социализации имеет институт юридической ответственности, отражающий представление о противоправном поведении и наступающих последствиях. Основания юридической ответственности предполагают способность личности осознавать процесс реализации своих прав и обязанностей, предвидеть возможные последствия своего поведения в процессе реализации служебной компетенции.

Образовательное учреждение как субъект социализации имеет огромное значение, так как в отношении обучающихся выстраивается индивидуальная образовательная траектория. Бально-рейтинговая система позволяет при установлении единых общих требований выстроить градацию при проверке знаний, умений и навыков, степени освоения компетенций каждым студентом.

Преподаватель в ходе реализации компетентностного подхода предоставляет каждому обучающемуся возможность демонстрации результатов освоения учебного материала, объективно оценивает его и выделяет недостатки в методике педагогической деятельности, осуществляет актуализацию и коррекционную работу с учебно-методическими материалами, используемыми для проведения аудиторной и внеаудиторной работы.

Практика показывает, что в данный период наиболее интенсивно вырабатывается самооценка обучающегося и стремление реализовать себя в сфере будущей профессии. Кроме того, большое значение имеет окружение сверстников – единомышленников, которые разделяют общие ценности и позиции.

Еще одним из важных факторов выступают интерактивные методы обучения и возможность прохождения практики именно в судебных органах. Возможность избежать традиционных и устаревших форм обучения, развитие современных технологий педагогической деятельности и информаци-

онных ресурсов позволяют разнообразить, повысить качество и придать творческий характер образовательному процессу.

Производственная практика – это первые шаги в профессию, она показывает содержание и атмосферу трудовой среды, позволяет ощутить престиж и в то же время раскрывает проблемы и трудности юридической профессии.

Перед профессорско-преподавательским составом стоит сложная задача установления индивидуального контроля за поведением каждого обучающегося, адаптации его к своей группе, участию в выработке общих социальных ценностей и установок. Этот процесс не должен быть хаотичным и бесконтрольным. Помощь здесь может оказать институт наставничества и кураторства.

Процесс правовой социализации личности в современном обществе происходит путем принятия его правил и стандартов, однако это влечет столкновение с реалиями окружающего социального пространства и установленных профессиональных требований. В качестве одного из фактора, сопровождающего развитие современного российского общества, является коррупция. Правовую основу антикоррупционной политики государства составляет Федеральный закон № 273-ФЗ [2]. В нем определено понятие коррупции, принципы борьбы и профилактики коррупции, основные направления деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции и др. Отдельная статья посвящена мерам по профилактике коррупции путем осуществления формирования в обществе нетерпимости к коррупционному поведению. Одним из превентивных способов коррупционного поведения и может выступать процесс правовой социализации в рамках антикоррупционного образовательного процесса.

Можно согласиться с мнением С.М. Николаева, который считает, что современные реалии заставляют искать новые технологии подготовки обучающихся, которые будут способны мыслить самостоятельно и критически [3, с.186]. Отдельные авторы также придерживаются данной позиции необходимости развития антикоррупционного образования как средства и борьбы и профилактики проявления коррупции [4,5].

Антикоррупционное образование должно быть целенаправленным процессом обучения и воспитания в интересах личности, общества и государства, основанным на общеобразовательных программах, разработанных в рамках федеральных государственных образовательных стандартов и реализуемых в образовательных учреждениях в рамках отдельной дисциплины.

Особое внимание данному вопросу необходимо уделять в рамках организации образовательного процесса подготовки специалистов для судебной системы учетом специфики будущей профессиональной деятельности.

Основная цель – это формирование антикоррупционного мировоззрения, повышение уровня правового сознания и культуры обучающихся.

Каковы основные принципы антикоррупционного образования? Это преемственность, системность, интегрированность в образовательный процесс, связь с актуальным компетентностным подходом в образовании, которая реализуется через формирование способности у обучающихся к критическому восприятию действительности, способности адекватно оценивать ситуацию, аргументировано отстаивать собственную позицию, брать на себя ответственность, нетерпимости к коррупционному поведению.

Некоторая самонадеянность молодого поколения и сверхдинамичные темпы социальных инноваций в ряде случаев деструктивно сказываются на процессе формирования структуры ценностей у российской молодёжи, порождая у него толерантное отношение к коррупционным проявлениям. Коррупция как социальное явление получила в молодёжной среде реальную функциональную нагрузку и стала обыденной социальной практикой. На этом фоне коррупционные отношения воспринимаются как один из эффективных и быстрых способов разрешения коллизий. Эта позиция представляет реальную угрозу всему обществу, государству и требует достаточно серьезных усилий со стороны всех субъектов антикоррупционных отношений, в том числе и участников антикоррупционного образования.

Реализация задач антикоррупционного образования возможна при участии всех заинтересованных сторон: обучающихся, их родителей, представителей органов власти и преподавательского состава.

Особенно важна роль педагогического состава, перед которым стоит задача формирования привычки антикоррупционного поведения. У обучающихся должно не только быть развито представление о фактах проявления коррупции как о поведении, преследуемом законом, но и должны быть практические навыки противодействия такому поведению в конкретных жизненных ситуациях, сформированные, например, в процессе прохождения производственной практики с учетом отдельных профессиональных компетенций. Причем противодействие коррупции должно носить не только пассивный, но и активный характер: готовность бороться с любыми проявлениями коррупции, проявлять нетерпимость к коррупционному поведению.

В целом, антикоррупционное образование – один из важнейших элементов всей антикоррупционной политики государства. Информированные и профессионально подготовленные студенты, будущие юристы-практики, не толерантные к коррупционным действиям, будут способствовать их предотвращению эффективнее, чем любое антикоррупционное законодательство.

В рамках антикоррупционного образования можно выделить несколько форм правовой социализации. Во-первых, это процесс овладения юридическими знаниями. Содержание данного процесса включает получение знаний и умений в рамках аудиторной работы. Во-вторых, получение собственной юридической практики в результате прохождения учебной, производственной (преддипломной) практики, работы в научных кружках, участия в научных мероприятиях, работы в юридической клинике, работа в роли общественного помощника и т.д. И в-третьих, это самообразование и самовоспитание. Правовое самовоспитание происходит путем правого просвещения. Это один из самых эффективных механизмов социализации. Именно от уровня правового воспитания зависит в целом уровень развития будущего специалиста, степень достоверности выполнения определенного социального заказа и соответствие социальному стереотипу в обществе. Тем самым данные усилия в процессе социализации приспосабливают личность к профессиональным стандартам.

Однако в ходе правовой социализации возможна деформация в форме проявления правового нигилизма или асоциального поведения.

Существующие формы деформации правосознания в значительной мере влияют на процесс социализации будущих специалистов. Поступая на государственную службу, переходя с одной ступеньки служебной лестницы на другую, служащему приходится многому обучаться или переобучаться, адаптироваться к новым условиям работы, коллективу, руководителю. В этом существенная особенность профессиональной социализации. Ее субъектом является уже социализированный индивид. К сожалению, деформация правосознания способствует процессу десоциализации, т.е. утрате или сознательному отказу от усвоенных ценностей, норм, социальных ролей, привычного образа жизни, мысли и поведения.

Одним из негативных результатов процесса десоциализации является совершение правонарушений. Это уже свидетельствует об определенной степени десоциализации специалиста, так как тем самым он демонстрирует отказ от базовых ценностей общества. Можно выделить и более «мягкие» формы десоциализации: спекулятивно-правовой популизм, нравственно-правовой конформизм. Спекулятивно-правовой популизм представляет собой такую форму десоциализации, в рамках которой профессиональная деятельность направлена на оценку внешней стороны собственного труда, путем гипертрофирования его значимости, возвеличивания собственной роли, безотносительно к реальному содержанию. Нравственно-правовой конформизм – это такая форма десоциализации, которая характеризуется пассивным принятием существующего порядка, отсутствием адекватной оценки правовых принципов, ценностей права и морали.

Вопросы антикоррупционного образования тесно связаны с проблемами развития общества в целом, и важная роль в социализации и становлении личности принадлежит именно образовательным организациям. Важнейшей задачей педагогического коллектива является воспитание неприятия коррупции как явления, не совместимого с ценностями современного российского правового государства, хотя и существует мнение, что бороться с коррупцией бессмысленно, человек не может разрушить или сломать сложившуюся коррупционную систему.

Следует формировать у обучающихся негативное отношение к коррупции как к противоправному, антисоциальному явлению через профилактику, выявление причин возникновения коррупции и понимание ущерба, причиняемого обществу и каждому конкретному человеку.

Для того чтобы противостоять коррупции, каждый обучающийся должен иметь общее представление о сущности коррупции, ее формах, особенностях проявления в различных сферах жизни общества, причинах и социально опасных и вредных последствиях этого явления; научиться распознавать проявления коррупции; владеть навыками анализа и личностной критической оценки; знать возможные последствия, связанные с коррупцией, для формирования поведения в соответствии с правовыми и морально-этическими нормами; проявлять нетерпимость к коррупции.

Преподаватели и образовательная организация в целом должны сформировать понимание необходимости борьбы с коррупцией, воспитывать у обучающих ценностные установки, неравнодушие, ответственность; способствовать реализации творческих способностей и возможностей; развивать умение критически мыслить, анализировать и решать конкретные практические ситуации; рационально планировать и организовывать свою профессиональную деятельность, целенаправленно и самостоятельно; уметь решать конфликтные ситуации; принимать участие в формировании коллективной профессиональной этики.

Эффективность антикоррупционного просвещения, пропаганды и антикоррупционного воспитания не проявится одномоментно: требуется определенный период времени и системная, многопрофильная работа, которая заключается в организации преподавания учебных дисциплин, формирова-

нии межкафедральных связей, проведении различных научных и воспитательных мероприятий. Это и конференции, круглые столы по антикоррупционной тематике, студенческое самоуправление, общественные акции, флешмобы, лабораторные практикумы, встречи и мастер-классы с практическими сотрудниками судебной системы, правоохранительных органов, учебная и производственная практики.

Каков тогда будет результат? В итоге должна быть сформирована личность обучающегося, владеющая знаниями об угрозе, которую представляет собой коррупция для безопасности государства и отдельной личности. Поскольку основой антикоррупционного воспитания является формирование гражданского сознания, то наиболее благоприятное для его интеграции среда – это именно образовательная. Обучающиеся в процессе социализации и освоения специальных предметов осваивают соответствующие общекультурные и профессиональные компетенции.

В частности, в федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата) [6] одним из требований реализации образовательной программы является освоение одной из профессиональной компетенции в правоохранительной деятельности – обладание способностью выявлять, давать оценку коррупционному поведению и содействовать его пресечению; в экспертно-консультационной деятельности – обладание готовностью принимать участие в проведении юридической экспертизы проектов нормативных правовых актов, в том числе в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции. Это позволяет сделать вывод о важности включения данных вопросов в содержание учебных дисциплин.

В сфере противодействия коррупции особое внимание следует уделить повышению эффективности информационно-пропагандистских и просветительских мер, в том числе и в учебном заведении, где преподаватель выступает основным источником информации, используя активные и интерактивные методы проведения занятий.

В итоге, можно говорить о том, что основная цель антикоррупционного образования – формирование социальной антикоррупционной компетентности.

Список источников

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Наука, 1994.
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 29.12.2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
3. Николаев С.М. Введение в проблему специального антикоррупционного образования // Фундаментальные исследования. 2014. № 9-1.
4. Бикеев И.И., Кабанов П.А. Антикоррупционное образование в России: состояние и перспективы // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 3.
5. Демкина Е.В Социальный заказ на антикоррупционное образование // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 1.
6. Приказ Минобрнауки России от 01.12.2016 №1511 (ред. от 13.07.2017) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата)» (Зарегистрировано в Минюсте России 29.12.2016 № 45038) // URL:www.pravo.gov.ru

References

1. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. Moscow: Nauka, 1994. (In Russ.)
2. Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008 (as amended on December 28, 2017) "On Combating Corruption". *Collected Legislation of the Russian Federation.* 12.29.2008. No. 52 (part 1). Art. 6228.
3. Nikolaev S.M. Introduction to the problem of special anti-corruption education. *Fundamental research*. 2014. No. 9-1. (In Russ.)
4. Bikeev I.I., Kabanov P.A. Anti-Corruption Education in Russia: Status and Prospects. *Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Institute of Business*. 2010. No. 3. (In Russ.)
5. Demkina E.V. Social order for anti-corruption education. *Society: sociology, psychology, pedagogy.* 2017. No. 1. (In Russ.)
6. Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated December 01, 2016 No. 1511(as amended on 07.13.2017) "On approval of the federal state educational standard of higher education in the field of study 40.03.01 Jurisprudence (undergraduate level)" (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 12.29.2016 No. 45038). www.pravo.gov.ru (In Russ.)

Информация об авторах
Е.В. Тутинас – кандидат юридических наук, доцент
Л.В. Борисенко – преподаватель

Information about the authors
E.V. Tutinas – Candidate of Law, Associate Professor
L.V. Borisenko – Lecturer

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.04.2022; одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 27.04.2022. The article was submitted 19.04.2022; approved after reviewing ; accepted for publication 27.04.2022

Ретракция статьи

Научная статья «Обеспечение доказательств в гражданском и арбитражном процессе», авторы С.А. Григорянц, Г.Ю. Кица, опубликованная в № 10 (113), 2019 научно-практического журнала «Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление», подлежит ретракции из-за выявленного факта нарушения авторского права Салманидиной А.С., а именно копирования статьи «Проблемы реализации и перспективы развития принципа раскрытия доказательств в гражданском судопроизводстве», опубликованной в научном издании «Актуальные проблемы государства и права», т. 2, № 7, 2018.

Редакция приносит извинения Салманидиной Александре Сергеевне за возможные негативные последствия нарушения ее авторского права.